О ЛЮБВИ ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

ДАРЬЯ ВОЛКОВА
НАТАЛЬЯ ЛИТТЕРА

Я тебя искал. Я тебя нашла

Тобольцевы и Королёвы: что дальше?

О любви простыми словами

Дарья Волкова

Я тебя искал. Я тебя нашла

«У Никитских ворот»

2022

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Волкова Д. А.

Я тебя искал. Я тебя нашла / Д. А. Волкова — «У Никитских ворот», 2022 — (О любви простыми словами)

ISBN 978-5-00170-492-8

Когда-то они были близки. Когда-то они были парой. Но вмешался третий. И она ушла к третьему, вышла замуж, родила детей. А он остался один. Но судьба была милостива, он встретил новую любовь, стал мужем и отцом. И каждый из этих двоих оказался счастлив по отдельности. «Не так скоро», – сказала судьба. Однажды их дети – ее дочь и его сын – встретились. Очень-очень разные, они полюбили друг друга. И что теперь прикажете делать и ей, и ему? Ее дочь собирается замуж за сына мужчины, которого она когда-то любила. Его сын собирается жениться на дочери человека, который когда-то увел у него женщину. Как дальше жить? Слышите, как смеется судьба? Вы слышите, как она хохочет?

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-492-8

© Волкова Д. А., 2022
© У Никитских ворот, 2022

Содержание

Пролог 5
Я тебя искал 7
Глава 1 7
Глава 2 18
Глава 3 30
Глава 4 47
Глава 5 63
Глава 6 77
Глава 7 84
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Дарья Волкова, Наталья Литтера
Я тебя искал
Я тебя нашла
Роман

Пролог

Огромное здание одного из самых известных и крупных столичных центров акушерства и родовспоможения имело в своем распоряжении два крыла. Оба они были спроектированы одинаково, но существенно различались внутренней отделкой и начинкой. В одном за весьма умеренные деньги, а то и вовсе – кому повезет – бесплатно разрешались от долгожданного бремени простые смертные. В другом же крыле производили на свет своих потомков небожители – певицы, актрисы, жены известных спортсменов и влиятельных бизнесменов. Работники данного учреждения не без иронии называли эти два крыла – «Земля» и «Небо». Большая часть персонала работала и там и там. Поэтому в коридоре можно было запросто услышать такой диалог:

– Ты куда?

– На «Землю». Там со схватками привезли. Муж – весь в тату, как папуас, и бледный до белого. А она его за руку хватает и приговаривает: «Ванечка, ты только не волнуйся! Ванечка, ты только Танечку из садика не забудь забрать!» А у самой схватки вовсю. Во женщины какие бывают! «Ванечка, не волнуйся!» Кто тут волноваться должен, спрашивается?

– У нас, на «Небе», еще хлеще. Молоденькая рожает, мужа ее выгнать не смог даже заведующий клиникой. Стоит рядом, весь белый, в волосах прямо на глазах седина пробивается, но за руку ее держит. А потом заявляет: «Мы уезжаем домой. Вернемся завтра. Моей девочке здесь плохо и больно». Конечно, больно! Его девочка ему мальчика рожает. Вот же люди, представляешь?

– Да уж. Ладно, пора мне.

– Давай, мне тоже.

И разбежались. Надо сказать, что и в том и в другом случае, о которых поведали медики, дело кончилось благополучно. И там и там родилось по здоровому крепкому мальчику.

* * *

Черная кожаная мужская туфля ступила на асфальт из припаркованного черного же «мерседеса». К туфле прилагался мужчина – высокий, подтянутый, в темном костюме, с темными глазами и с легкой сединой в темных волосах. «Наш молодой отец», – как не без доли иронии окрестил его медперсонал. За глаза, естественно. В глаза такому человеку можно говорить только «да», «конечно», «сюда, пожалуйста». Мужчина вздохнул, поправил галстук, взял с заднего сиденья букет пионовых роз – палевых и белых. Ее любимые цветы.

Он шел забрать домой свое счастье. То, что у него теперь есть в двойном размере. Он был сосредоточен и одновременно взволнован. Поэтому на звук лопнувшего под ногой шарика человек отреагировал так, как никто бы про него не подумал. Эмоционально и совсем не теми словами, которых можно ждать от выпускников элитных вузов. Потом отступил в сторону от голубого пятна на асфальте, которое еще недавно было воздушным шариком. Человек оглянулся. Откуда тут вообще взялся шарик?

Ну как это – откуда? Вот отсюда.

* * *

У него на руках темная вязь и темноволосая девочка, как две капли воды на него похожая. Девочка прыгает на руках у отца и не прекращая восклицает:

– Папа! Папа, а мама скоро выйдет?! А когда мне покажут братика?! А как мы его назовем?!

Счастливый отец, а также друзья семьи, бабушки, дедушка, шарики на деревьях и фотоаппарат на другом плече у отца ждали, когда откроются двери клиники.

И они открылись. Девочка издала восторженный вопль.

– А давай мы его назовем, как тебя, папа?!

Темноволосая девочка с глазами-звездочками напророчила имя не только своему маленькому брату. Двух мальчиков, родившихся в один и тот же день, назвали в честь их отцов.

Я тебя искал

Глава 1

Главные слова произносят тихо. Самые главные – молча.
Илья Юльевич Королёв

Илья Королёв открыл дверь и шагнул на улицу. Там его приветствовали душный московский август и спина Петра Ильича. Сколько поколений смотрело на эти спину, фас, профиль? Наставник и учитель Ильи рассказывал своему подопечному непростую историю данного памятника, и что его установке предшествовали долгие и утомительные споры и согласования, и что автор памятника, великий русский скульптор Вера Мухина, не дожила до дня обретения памятником своего места. Но Илья не представлял себе здания альма-матер без фигуры Чайковского, без его присутствия – незримого, но ощутимого. Великий композитор словно присматривал за нарождающимися поколениями музыкантов, где-то опекал, где-то журил. Но был всегда. По крайней мере, своей жизни Илья Королёв без этого здания и этого памятника не представлял.

А пора бы. Учеба в консерватории окончена, диплом получен. Но для Ильи это – формальности. Связь не рвется, и он не хочет ее рвать. И приходит сюда – уже не так часто, как еще полгода назад, но приходит, и не приходить не может. Вот и сегодня – с девяти утра и почти до четырех, с перерывом на обед – точнее, на кофе с булочкой в кофейне по соседству.

Повинуясь безотчетному импульсу, Илья поднимает голову. Так и есть. Из окна на него смотрит Виктор Рудольфович. Это окна его класса, и это его преподаватель. Они вместе уже десять лет. И расстались буквально десять минут назад. И буквально до завтра. Но Илья поднял руку и помахал своему учителю. Виктор Рудольфович помахал ему в ответ, а потом принялся возиться с оконной рамой.

– Илюша! – у Виктора Рудольфовича громкий, если не сказать – зычный голос. С третьего этажа он разносится по всей улице. – Не забывай, мальчик мой, левая рука в арпеджио не должна спешить, ты понял меня?

Илья не выдержал и улыбнулся. Потом кивнул.

– Что? – Виктор Рудольфович высунулся в окно. – Что ты говоришь, я не слышу! Ты понял меня?

– Да.

– Громче говори! – преподаватель еще сильнее высунулся в окно, одной рукой он держался за раму, другой излюбленным жестом разглаживал свои шикарные гусарские усы. – Скажи громче, я не слышу. Ты понял про арпеджио в Бетховене?!

Он сейчас вывалится, точно! Илья выдохнул и звонко крикнул:

– Да, я все понял про арпеджио в Бетховене!

Открылось соседнее окно – посмотреть, кто там орет под окнами консерватории. Илья еще раз махнул преподавателю, опустил голову и быстро пошел в сторону парковки. Говорить громко, а уж тем более кричать Илья Королёв не любил. Этому научил его отец.

Главные слова произносят тихо. Самые главные – молча.

У машины крутился какой-то тип. Что не злоумышленник – было понятно сразу. Но Илья все-таки сбавил шаг, приглядываясь. А парень, ни на что не обращая внимания, разглядывал машину. Только что не облизывал.

Ну, все ясно.

Спортивный «мерседес», подаренный Илье отцом, нередко вызывал восторженную реакцию и у прохожих, и у других участников дорожного движения. Сейчас именно такой случай. Но все хорошо в меру.

– Что ты делаешь около моей машины?

Человек разогнулся. Только тренированная годами привычка ничем и никогда не выказывать своих эмоций, оставляя их все инструменту, позволила не выдать удивления внешним обликом поклонника немецкого автомобильного концерна.

Не то чтобы Илья первый раз видел подобный экземпляр. Но так близко и подробно – впервые, пожалуй. Не упустил случая изучить.

Гладко выбритые виски и длинная асимметричная челка. В голове почему-то всплыло слово «ирокез». Майка без рукавов открывает руки, на которых рисунки отсутствуют только на фалангах пальцев. Некоторых. На шею слева наплывает орел, справа – концентрические круги. Колечко серебристой серьги в левом ухе – совершенно пиратское, и пара серебряных колец на пальцах. И замеченное в последнюю очередь колечко в левой брови. Потертые джинсы с прорехами, рюкзак на плече, вздернутые на лоб солнцезащитные очки. И нахальная усмешка.

– Фортепиано?

– Что? – Илья ожидал скорее вопроса о машине, но уж никак не этого.

– На пианино играешь? – незнакомец ткнул пальцем, вокруг которого извивалась змея, в папку в руках Ильи.

– Допустим. Это имеет отношение к моему вопросу о том, что ты делаешь около машины?

– Я поддерживаю разговор. Тачка у тебя что надо.

Разговор он поддерживает, посмотрите-ка на него. О чем с тобой разговаривать, мальчик-папуас? Илья открыл машину и положил папку. Татуированный и не думал уходить. Наглый.

– Слушай, а у тебя радио там есть, да?

Дальнейший разговор представлялся Илье Королёву совершенно бессмысленным, поэтому он открыл водительскую дверь, аккуратно поддернул брюки и сел в свою машину. А там внутри, в салоне, уже обнаружился сидящий на переднем пассажирском сиденье нахальный татуированный тип. Прямо на его нотной папке!

Да когда же он успел?!

– Офигеть, как классно! Давай радио включай быстрей!

От такой наглости Илья даже растерялся поначалу. Чтобы прийти немного в себя, завел машину. Тип в это время по-хозяйски устраивал рюкзак в ногах, продолжая вещать:

– Я же совсем забыл, у сеструхи сейчас эфир, и она утром сказала, что сдаст меня с потрохами.

Только подробностей семейной жизни наглого татуированного Илье не хватало.

– Выйди из моей машины.

Сказано это было тем самым тоном, которым очень удобно держать людей на расстоянии. Который всегда действовал безотказно. Но не в этот раз.

– Да ладно тебе! – расхохотался незваный пассажир. Выудил из-под себя папку и сунул ее в карман двери. – Я ж не кусаюсь, говорю, сестра по радио сейчас всем рассказывает про ужасы своего детства. Где тут у тебя что включается?

И он принялся все так же по-хозяйски крутить и нажимать кнопки на блоке управления аудиосистемы машины. Илья смотрел на творящееся безобразие и никак не мог понять, почему он это не прекратил до сих пор. Слов парень, похоже, не понимал. Ну не драться же с ним. Тем более что драчун из Ильи Королёва так себе, мягко говоря. «Илюша, дураков махать кулаками много, а такие кисти, как у тебя, – великое творение природы», – вдалбливал ему Виктор Рудольфович. «Словом можно ударить гораздо больнее» – это уже мудрость от отца. И обычно отцова формула в самом деле работала. Но не с этим типом.

– Не то… так… – продолжал тот терзать блок управления. – Не то… О! Вот нужная частота, – вывернул регулятор громкости и обернулся к Илье. Рассмеялся. – Ну и взгляд у тебя… «дракон в гневе» называется. Расслабься!

Ему еще и советы раздают. Подарок, а не пассажир. Тут Илья вдруг как-то совершенно некстати подумал о том, что в этом кресле – пассажирском – никто никогда не ездил. Единственное исключение – отец. Илья экстерном окончил школу и обучение в консерватории завершил тоже гораздо раньше, чем обычные студенты. Но что касается прав – закон един для всех. Илья ждал своих восемнадцати, чтобы получить автомобильные права, он мечтал о машине. Как не мечтал ни о чем другом в своей жизни, наверное, – если говорить о материальных благах. Но даже наличие прав не давало Илье гарантии, что машину он получит. Лишь после того, как Королёв-старший лично проверил водительские навыки Королёва-младшего, права были признаны действительными, а Илья получил ключи от «мерседеса».

Кроме отца и самого Ильи, в этой машине никто не ездил. Мама… так почему-то сложилось, что ни разу не сидела в этом кресле. Там могли бы иногда сидеть друзья. Но друзей у Ильи Королёва не было.

А теперь в его машине сидит какой-то тип и…

В размышления Ильи вторгся голос, который сменил звучавшую до этого на радиоволне музыку.

– И вот, посмотрев новогодний ледовый балет «Щелкунчик», мой младший брат был настолько впечатлен спецэффектами, что решил устроить домашнее шоу с не меньшим размахом. Он взял фосфорную челюсть, была у нас такая игрушка, и прикрепил ее на двухсторонний скотч к панцирю черепахи. Можете себе представить это зрелище – идущая в темной комнате черепаха со светящейся челюстью на панцире?

Что-то щелкнуло в голове на эти слова: Новый год, «Щелкунчик», черепаха. Но неугомонный и незваный пассажир не дал сосредоточиться.

– Точно! – расхохотался низким, хриплым, никак не подходящим его тощей фигуре смехом. – Было такое! Ой, как же Танька визжала от страха, задумка имела успех. Я уж и забыл про это.

Илья теперь очень внимательно изучал человека рядом. Беспристрастно. Особое внимание привлекали почему-то коротко выбритые виски.

– У тебя жила черепаха?

– Ага, – парень улыбнулся – широкой, обаятельной и совсем не нахальной улыбкой. – Хотя я тогда мечтал о крысе. Слушай, а давай махнем на Воробьевы горы, а? С ветерком!

Крыса… Крыса? Крыса!

Картинка – воспоминание из детства – вспыхнула мгновенно. Потому что об этом эпизоде Илья за прошедшие четырнадцать лет вспоминал часто. Очень часто. Слишком часто.

Новогоднее ледовое шоу на бессмертную музыку Петра Ильича, мальчик в очереди за сладкой ватой, разговор о черепахе и крысе и… она.

Получается, это тот же мальчик. Ваня. И…

И дальше думать не получалось, потому что все перекрывало одно. Бант нашелся!

Иван с любопытством смотрел на Илью, словно чего-то ожидая. А, точно, он же спросил о чем-то. Воробьевы горы? Вот так, вдруг?

И внезапно захотелось махнуть на Воробьевы горы. Именно так – вдруг. И с ветерком, показав своему, как оказалось, давнему знакомому, на что способен спортивный немецкий мотор. И по дороге аккуратно расспросить про сестру. И…

И он ответил:

– Не могу. У меня собака.

– А что собака? – Иван пожал плечами. – Ты же домой вернешься, мы только туда и обратно.

– А потом было гадание. Сейчас я, конечно, понимаю, что все сделала мама, продумала каждое предсказание, но в детстве подобные вещи кажутся волшебными. В детстве всегда веришь в сказки, – вторгся в их разговор женский голос.

Голос, принадлежавший девочке – выросшей девочке, – которую он не забывал четырнадцать лет.

– У твоей сестры очень красивый голос, теплый, как цвет капучино.

– У моей-то? – хохотнул Иван. – Это точно. А иногда такой эспрессо бывает, двойной! В основном когда что-то у нее возьму. На время, конечно. Ну что, туда и обратно?

Как хорошо, наверное, быть таким свободным в своих желаниях. Захотел – и махнул на Воробьевы горы. Захотел – набил полную руку каких-то замысловатых узоров. Захотел – и проколол бровь. Стоит только захотеть.

– Моя собака уже очень стара, в переводе на человеческий ей, наверное, девяносто пять лет, а может, и больше. – Зато ты умеешь быть спокойным. Всегда. Во всем. Выдержанным и спокойным. Потому что почти все эмоции – им. Черным и белым. – Она мой друг. И она очень скучает, когда остается одна. Я обещал утром, что вернусь пораньше и мы погуляем.

По радио что-то заголосили про страдания влюбленных. Неожиданный собеседник Ильи Королёва молча смотрел перед собой. А потом тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, поправил упавшие на нос очки и длинную челку.

– Собака – это, конечно, аргумент, – проговорил негромко. – Не… собака – это серьезно. Я все понимаю.

Они еще какое-то время посидели молча. Радио проникновенно выло про разлуку.

– В принципе, меня и метро как транспорт устраивает, – наконец нарушил молчание Иван. Открыл дверь, вынул свое долговязое тело из машины. – А ты давай не задерживайся, раз обещал. Ну, бывай.

Он вскинул руку в прощальном жесте. Илья не без труда подавил странное желание: зачем-то окликнуть, остановить. Вместо этого лишь кивнул безразлично.

Парень в драных джинсах и в майке без рукавов быстро пошел в сторону Тверской. Зеленый спортивный «мерседес» плавно тронулся с места.

* * *

Столица традиционно стояла в пробках. Илью это не слишком беспокоило. Всегда есть чем заняться, если нотная папка под рукой. Но сегодня ноты остались непотревоженными.

Илья смотрел в лобовое стекло, но перед глазами была не дорога и не машины. А тот новогодний поход на ледовое шоу, мальчик Ваня с затейливо выбритыми висками и девочка с синим в белый горох бантом.

По какому капризу памяти он не забыл об этом эпизоде? Но помнилось четко, будто было вчера. Ему шесть, канун Нового года, детская елка, ледовый спектакль «Щелкунчик», очередь за сладкой ватой и мальчишка, который пристроился рядом. А потом рядом оказалась девочка – его сестра. Дыхание тогда замерло при виде яркого синего в белый горох банта и больших темных глаз с такими ресницами, что, казалось, на лице не глаза – звезды. Илья отчетливо помнил еще, как потом, уже после шоу, на прогулке по ТЦ важно сообщил отцу и матери, что встретил любовь всей своей жизни. К чести родителей, они не посмеялись. Хотя могли бы – ведь это была чистой воды детская блажь. Девочка, которую видел от силы пять минут. Сам от горшка два вершка – а туда же, любовь! Но он долго ее помнил и даже посвятил детской влюбленности пару пьес. Потом вырос. С возрастом эти воспоминания потускнели. Но, как оказалось, не стерлись.

Песня окончилась, и в машине снова зазвучал голос цвета капучино. Илья не вслушивался в слова, он слушал голос. Теплый, терпкий, пряный.

Какой ты стала, девочка с глазами-звездочками и синим бантом в горох? Может быть, ты выросла толстой и непривлекательной? Такое случается даже с самыми красивыми девочками.

А голос цвета капучино утверждал обратное. Он дразнил, искушал, шептал: «А ты проверь».

Сзади посигналили. Оказывается, можно ехать. Целых пять метров. Проехал.

Да Илья даже номер телефона студии не запомнил!

– А я напоминаю номер, по которому можно позвонить и поделиться историями о своем детстве…

Ах вот как? Он протянул руку и взял лежащий поверх нотной папки телефон. Цифры номера… гудки… и голос цвета капучино:

– Представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут?

– Илья.

– Добрый вечер, Илья.

* * *

Кондиционер сломался, и в студии было душно. До конца эфира оставалось полтора часа. Женечка напротив пил воду из пластиковой бутылки. Рекламная пауза дает несколько минут передыха. Таня очень любила работать в паре с Женечкой. И вовсе не потому, что он в основном молчал, и часто приходилось говорить за двоих. Вообще, это большая загадка, как парень с речевыми проблемами стал диджеем. Приступы заикания настигали Женю в самые неожиданные моменты, особенно если понервничает, и тогда Таня быстро включалась в разговор и переводила его на себя. Сегодня оказался как раз такой день. Допускать парня до эфира было нельзя. Пришлось солировать. Но это ничего не значило – ведь у них настоящая команда. Они понимали друг друга с полувзгляда. Женя быстро искал нужные треки, пускал их в эфир, четко ставил рекламные паузы и даже обеспечил Таню, у которой пересохло горло, чаем. А во внештатных ситуациях напарник был просто незаменим.

Когда год назад руководство поставило вопрос о замене Женечки на более подходящего, по их мнению, диджея, Таня отстаивала своего партнера, озвучив двадцать пунктов «Жекиной незаменимости». Да еще устроила в прямом эфире празднование его дня рождения. Весь вечер звонили слушатели, поздравляли Женечку, говорили массу теплых и хвалебных слов. Чтобы руководство послушало и передумало.

За такой произвол Таню лишили премии, сделали первое китайское предупреждение и отпустили с миром. И с Женечкой.

Таня взглянула на часы, поправила наушники.

– В Москве половина девятого вечера, и с вами по-прежнему я, Татьяна Тобольцева. Сегодня мы вспоминаем детство, самые яркие, смешные события, которые приключились с вами десять, двадцать, тридцать лет назад. У нас очередной звонок. Представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут?

– Илья.

– Добрый вечер, Илья. Какую историю о детстве вы нам расскажете?

– Добрый вечер, Татьяна. Скажите, а вы верите в любовь с первого взгляда и в шесть лет?

Голос позвонившего не сказать чтобы был очень тихим, но тембр и интонация не позволяли назвать его громким. Такая… любопытная безмятежность. У Тани эта оценка голоса сработала автоматически – она сразу слышала интонацию и старалась представить себе человека. В студию звонили разные люди, и с каждым приходилось общаться, в некоторых случаях даже искать подход.

– Мне кажется, – ответила она, – что каждый хотя бы раз в жизни был влюблен в детском саду.

– Возможно. Но со мной эта история приключилась не в детском саду, а как раз на том самом «Щелкунчике», о котором вы рассказывали в самом начале.

После слов о «том самом „Щелкунчике“» в подсознании зажегся предупредительный маячок «осторожно». Можно было бы построить фразу по-разному: «Я тоже ходил в детстве на „Щелкунчика“» или «А не один и тот же спектакль мы видели?», но «На том самом…» Откуда такая уверенность?

Им в студию нередко звонили подозрительные люди, были и нервные, и неуравновешенные, да и откровенно психи. Этот… один из них? Таня выразительно глянула на Женечку. Он кивнул головой, мол, рука на пульсе.

– Вот так неожиданность, – бодрым голосом произнесла Таня. – Вы тоже ходили в детстве на ледовые спектакли?

– Мне кажется, каждый хоть раз в детстве ходил на ледовый спектакль, – раздалось безмятежно на том конце.

«Маньяк, – подумала Таня, – так обволакивающе и спокойно говорят только маньяки». Следующие же слова звонившего не только подтвердили ее заключение, но и вызвали легкую дрожь. Это в душной-то студии.

– Вот я на своем спектакле встретил девочку с красивым синим бантом в белый горох. А с ней был брат, кажется, его звали Ваня. Он мечтал о крысе, но ему купили черепаху.

И это было не смешно. Совсем не смешно. Никто не знал о банте в горох в тот день. И сама Таня давно бы о нем забыла, если бы не фотография, которую сделал отец в тот рождественский вечер и которая очень нравилась ее родителям и долго висела на стене в их квартире. До самого ремонта. А крыса с черепахой? Откуда он узнал об этом? Брат рассказал кому-то, чтобы ее разыграть? Но кому? И к тому же Ваня не знал, о чем Таня собирается рассказывать в эфире.

Наверное, что-то такое у нее промелькнуло на лице, что Женечка вскочил со своего места. Но Таня показала рукой, что все под контролем, и он сел обратно.

Однако ситуация была самая настоящая внештатная. Неизвестно, что человек на проводе скажет дальше. А ведь это прямой эфир.

Первое – отключить звонящего от эфира, второе – врать. Врать так, чтобы никто не догадался, что слушатель уже не на связи и диджею… страшновато.

– Ну вот, что я говорила, мой брат до сих пор обожает розыгрыши. Я действительно в тот день была в платье в горох и с такой же лентой в косе. Мой брат и правда мечтал о крысе. На этом празднике мы познакомились с мальчиком Димой, который стал потом нашим другом. Да, Дима, есть встречи, которые не забываются. И твой розыгрыш удался на славу. Несмотря на то что ты назвал себя Ильей, я узнала голос. И давай в честь того далекого знаменательного для нас дня послушаем с тобой и всеми радиослушателями старую песню, которую недавно перепел Саша Семицветов. Он сделал отличную кавер-версию. Эта композиция держится в нашем чате уже десятую неделю.

Пока Таня говорила, Женечка быстро искал нужное, потом показал пальцами «о’кей», и она закончила:

– Слушаем.

В динамиках послышалось: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся…»

Таня сняла наушники и закрыла ладонями лицо. Нужно отдышаться. Кто это был? И откуда он знает про крысу и бант? Псих? Фетишист? Больной, нанявший частного детектива?

– Т-т-таня, т-т-ты в п-порядке?

Перед ней поставили бутылку с водой.

Таня отняла руки от лица и сделала глубокий вдох.

– Не очень, но эфир до конца доведу. Что у нас после песни?

– С-с-сообщения. Я бы с-с-сам, н-н-но…

– Сиди уже, – вздохнула она.

Песня подходила к концу, Таня жадно пила воду.

Женечка, давая ей прийти в себя, врубил внеплановый блок рекламы. Когда реклама подходила к концу, Таня снова надела наушники.

– Добрый вечер всем, кто к нам присоединился. В эфире Таня Тобольцева, переходим к вашим сообщениям.

«Толян, жду тебя в баре. Димон». Толян, ты не задерживайся.

«Передаю привет любимой жене Светлане и дочке Анечке. Застрял в пробке на кольцевой. Скоро буду. Виталий». Виталий, надеюсь, пробка вас надолго не задержит.

«Поздравляю любимую подругу Марусю с днем рождения. Поставьте для нее, пожалуйста, песню группы „Дежурные“ „Будет вечеринка“. Ника». Обязательно поставим.

«Спасибо Татьяне Тобольцевой за…»

Тут Татьяна Тобольцева очень натурально закашляла, а потом извинилась:

– Простите. Спасибо Татьяне Тобольцевой за интересный эфир. Без подписи. Очень приятно читать ваши добрые слова, уважаемые слушатели. Ну а сейчас для Маруси, у которой сегодня день рождения, звучит песня «Будет вечеринка».

Послышались первые аккорды музыки, а Таня не отрываясь смотрела на сообщение:

«Спасибо Татьяне Тобольцевой за песню „Люди влюбляются“. Жениться пока не готов, но в еще одной незабываемой встрече необходимость назрела. Дима-Илья»[1].

* * *

Дверь открылась, и Сатурн поднял голову с подстилки.

– Привет, герой.

Шпиц негромко и приветственно тявкнул.

– Сейчас, перекушу что-нибудь быстро, и пойдем гулять, – Илья положил ключи на комод. – Подождешь?

Шпиц еще раз тявкнул – на этот раз утвердительно.

Спустя двадцать минут Илья с Сатурном на руках вышел из квартиры. Конечно, на улице Сатурн будет передвигаться сам, деловито обнюхивая кусты, траву и землю. Но лестницы давались старенькому шпицу непросто, и он милостиво позволял выносить себя на улицу на руках. По этой же причине в каждой комнате для него были оборудованы специальные мягкие собачьи лежанки – потому что большую часть времени пес проводил уже лежа. Около кровати в спальне, у рояля в гостиной, у входной двери в прихожей. Песик присутствовал в жизни Ильи с самого детства, с четырех лет. И сейчас Сатурн был очень-очень стар. Илья старательно отгораживался от мысли о том, что должно рано или поздно неизбежно случиться. Не хотел думать. Не мог. Сатурн был не просто собакой. Это был его друг.

Единственный друг.

Тот, с кем он делил горе от поражений и радость от побед. Кому играл свои первые пьесы и доверял свои мечты. Единственный, кто знал всю забавную и немного нелепую историю про девочку с синим бантом.

Они вышли в золотистое предзакатное солнце. Шпиц завозился на руках и стал повизгивать от нетерпения.

– Сейчас, сейчас, торопыга, дай с крыльца сойти, – проворчал Илья, шагая по ступеням. Оказавшись внизу, аккуратно спустил пса на землю, и они пошли в сторону парка, который располагался совсем рядом. Раньше, когда-то, за Сатурном надо было бежать. Теперь же Илье

[1] В песне есть слова: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся…»

приходилось останавливаться, чтобы подождать немолодого шпица. Впрочем, такой неспешный ритм отлично подходил для того, чтобы подумать.

А подумать всегда было о чем. Правда, сегодняшний предмет размышлений стал весьма неожиданным.

Девушка.

Нельзя сказать, что о девушках Илья никогда не думал. Бывало. Но сегодня случай совершенно особый. Даже, можно сказать, исключительный.

На дорожке сквера Илья находился один, и он позволил себе легкую усмешку. Забавно было понаблюдать за ее реакцией. И послушать ее голос. Под конец девушка заволновалась, в капучино стало меньше молока, а больше крепости и легкой горчинки настоящей арабики.

Илья устроил девочке с синим бантом тест на интеллект, и она его с блеском прошла. Он бы с удовольствием посмотрел на ее лицо, когда она прочла сообщение, которое Илья отправил на радио. Но такого удовольствия господин Королёв лишен. Пока лишен.

Интересно все же, какой она стала. В толстую и некрасивую Илья уже не верил. Голос, интонации, сама манера говорить – все выдавало крайне уверенную в себе девушку. А звукам Илья Королёв верил всегда. Если и есть в этом мире что-то, что никогда не лжет, – так это звуки.

Наверняка на сайте радиостанции есть фото диджеев. Можно посмотреть. Но Илья этого делать не будет. Подождать и увидеть воочию интереснее. В том, что они теперь обязательно встретятся, Илья не сомневался. Он так решил.

Сатурн подбежал и прижался к ногам. В конце дорожки показалась дама с догом на поводке. Илья подхватил песика на руки. Тот уставился на хозяина слегка слезящимися, но блестящими глазами.

– Давай, герой, покажи, кто тут главный.

Дама с догом подошли ближе, и шпиц залился громким звонким лаем. Дог и его хозяйка остановились и неодобрительно уставились на молодого человека с тявкающим шпицем на руках. Илья церемонно кивнул и пошел дальше. Пройдя мимо дамы с догом, он наклонил голову и шепнул в густую шерсть:

– Он тебя испугался, точно тебе говорю.

* * *

Дом встретил тишиной и прохладой. Илья Юльевич был рад, что день подходил к концу. Он уставал от поздних мероприятий, хоть и не признавался в этом даже самому себе. Да и давление теперь часто повышалось, мешая остроте мыслей. Тем не менее сегодняшний вечер прошел плодотворно. В неформальной обстановке с нужными людьми удалось переговорить о том, о чем не удавалось в кабинетах. Сама атмосфера располагала к общению. Прогулка на теплоходе по Москва-реке была отличной идеей – светский прием на воде. Время идет, мир меняется, формы ведения бизнеса тоже.

Не меняются только люди со своими надеждами, желаниями, страстями. Молодые хотят с набега завоевывать вершины, идут на штурм, старая гвардия старается сохранять позиции. На стороне одних – свежие идеи и желание перемен, на стороне других – опыт и знание жизни.

Обо всем этом думал Илья Юльевич, пока водитель вез их с женой от пристани домой. Ему много о чем приходилось думать, и в центре этих дум почти всегда был сын. За спиной отца крупный строительный бизнес. Кому передавать дело, если единственный ребенок – пианист? Причем пианист, подающий большие надежды, неоднократно выигравший детские и юношеские музыкальные конкурсы. Его жизненный путь намечен. И о том, чтобы этот путь менять, – не может быть и речи. Только получается, наследник есть, наследника – нет. Кому оставлять дело, которому отдана жизнь? Менять форму управления?

Ответа на свой вопрос Илья найти не мог. Он не хотел, чтобы со временем все перешло в чужие руки. Это семейный бизнес, который должен передаваться по наследству. Но любым бизнесом, чтобы он не прогорел, нужно заниматься.

Юня, как звали сына в семье, был способным мальчиком и имел интерес к ведению дел, но посвящать этому жизнь не мог. В очередной раз не придя ни к какому решению, Илья Юльевич вздохнул. Майя тут же отреагировала и повернулась. Он молчал, глядя на свою жену. Любовь и нежность к ней не проходили с годами.

– Как хорошо вернуться домой, – сказала она четверть часа спустя, проходя в гостиную и зажигая свет.

– Да, – согласился он.

Посреди комнаты стоял рояль сына. И пусть Юня уже не жил с родителями, а во время визитов не очень часто прикасался к инструменту, предпочитая разговоры за чаем, рояль никто не трогал.

На нем изредка играла Майя. Майя, которая когда-то говорила, что не понимает фортепиано. А теперь эта музыка помогала ей переживать разлуку с Юней. Илья более спокойно воспринял переезд сына в отдельную квартиру, понимая, что это правильное решение. Майя это тоже понимала. Но разум и эмоции – разные вещи.

– Чай будем? – спросила Майя.

– Будем, только я сначала в душ, – он все же обнял ее за плечи и притянул к себе.

Она привычно положила голову на плечо и, не сводя глаз с рояля, прошептала:

– Я поставлю чайник.

Когда Илья, переодетый в домашнее после душа, вошел на кухню, на столе стояли две чайные пары, вазочка с конфетами, свежезаваренный чай, а также стакан с водой и таблетка от давления.

Она знала о нем все.

* * *

После прогулки с собакой Илью ждал дома еще один обязательный ежевечерний ритуал. Молодой человек отхлебнул травяного чая и взялся за телефон.

Юня: Что показывают приборы?

Сообщение прочитано, но ответа нет. Означает это лишь то, что человек, о котором шла речь в вопросе Ильи, сейчас рядом с матерью. А обсуждать в присутствии Ильи Юльевича Королёва показатели его давления или, упаси боже, состояние его здоровья в целом – чревато. Поэтому у Ильи с мамой разработана целая конспиративная система. Потому что у главы семейства – давление и головные боли. Но все делают вид, что об этом не знают.

Илья сделал еще глоток, а потом отправился в гостиную. Арпеджио в Бетховене само себя не сделает.

Отчет об отцовом давлении пришел спустя час.

* * *

Оставшийся эфир закончился без сюрпризов, но и случившегося было достаточно. Женечка даже предложил проводить до дома, но Таня, поблагодарив, отказалась. Конечно, мысль, что сейчас из-за угла выйдет звонивший Илья и меланхолично скажет: «Здравствуй, Татьяна Тобольцева», проскользнула, но Таня ее спешно отогнала. Это необоснованные страхи и глупости. До стоянки Женя проводит, а дальше… этому маньяку придется ее догнать. И это непросто.

Передвигалась по Москве диджей одной столичной радиостанции на спортивном байке ярко-желтого цвета. Вообще-то об этом чуде техники мечтал брат. Ему-то и преподнесли байк на день рождения. Потом были курсы вождения, куда он уговорил за компанию ходить и Таню, потом экзамены… И так получилось, что Ваня экзамены провалил, а Таня – сдала. Не стоять же мотоциклу без дела?

Отец пожал плечами и кинул ключи любимой дочери. Мама, конечно, поохала, но скрепя сердце согласилась.

У нее вообще мировые родители. К своим двадцати четырем Таня это понимала четко.

Попрощавшись с Женечкой и надев шлем, она тронулась с места.

Поездка на скорости по вечерней Москве после нелегкого эфира – то, что надо. И голова проветрится, и мысли упорядочатся. Позвонил какой-то ненормальный. Сколько их уже было в ее радиожизни? Не первый и не последний. Про бант вот только откуда узнал? Может, Ваня кому-то обмолвился? Или мама? Всему есть объяснение.

Москва в пятницу долго не ложится спать. Открытые кафе, рестораны, горящие витрины магазинов, гуляющие люди. Впрочем, это в центре. В спальных районах спокойнее. Оставив мотоцикл на стоянке, Таня направилась к подъезду.

Домофон ответил сразу жизнерадостным голосом брата. Большая редкость. Обычно в такое время он может оказаться где угодно, только не дома.

В квартире привычно вкусно пахло. У мамы вообще талант к кулинарии. Таня его унаследовала, но пользовалась своим умением нечасто. На одной кухне двум хозяйкам не место.

– Ты голодная?

– Не очень. В студии кондиционер сломался, такая духота была, что есть совсем не хочется. Но чаю попью.

– Я сейчас поставлю.

Таня прошла на кухню и поцеловала стоявшую у плиты маму, а потом папу, сидевшего за столом и смотревшего что-то в телефоне.

– Ого, классное фото, – Таня наклонилась и тоже стала смотреть в телефон. – Это из сегодняшнего?

Отец кивнул головой. Он был профессиональным фотографом, несколько лет назад открыл школу, а летом проводил курсы с детьми.

Мама же была дизайнером. Именно она из трехкомнатной квартиры умудрилась сделать четырехкомнатную, когда Таня с Ваней подросли. Был какой-то долгий ремонт, в результате которого гостиная уменьшилась в размерах, но детскую удалось поделить на два крохотных помещения.

– Зато теперь у каждого есть свой угол, – аргументировала мама, сумевшая придать им вид настоящих комнат.

Таня обожала свою дружную, шумную и немного сумасшедшую семью, про которую порой говорила «пристанище последних хиппи».

– Чайник вскипел, мой руки, – скомандовала мама. – Ты точно не будешь курицу?

– Точно.

Таня пошла в ванную, но по дороге завернула к брату. Тот валялся на диване в гостиной и что-то напевал себе под нос.

– Слушай, ты про бант в горох кому-нибудь рассказывал? – спросила она.

– Про какой бант? – не понял он.

– Ну помнишь, у нас тут долго фотография моя висела? – Таня указала рукой на стену.

– Сейчас вспомнил. А до этого не помнил, поэтому не рассказывал.

– Ясно, – вздохнула Таня, которая сама про него не помнила. До сегодняшнего дня.

– А что случилось-то? – брат был явно заинтригован, он спустил на пол ноги и сел.

– Да звонил сегодня в эфир какой-то странный. То ли разыгрывал, то ли напугать хотел, ладно…

– О! Нам сегодня везет на странных. Я тоже повстречал вечером одного пианиста. А по виду – скрипач.

– Почему скрипач? – удивилась Таня.

– Да знаешь, из таких, которые всегда ходят со смычком в заднице. Зато тачка у него что надо.

– Как же он в нее садится-то? Со смычком?

Ваня захохотал, да так заразительно, что Таня тоже засмеялась. Впервые за вечер.

– Да знаешь, как-то приноровился.

Глава 2

Философский вопрос: зачем покупать спортивную машину, прям крутую, если ездить на ней исключительно шестьдесят километров в час?
Ваня Тобольцев (Иня)

Илья опустил ноги с кровати. Послышалось негромкое тявканье.

– Спи, герой.

Подвигал ступней, нащупал тапки. Никогда не носил домашнюю обувь. Но мама почему-то подарила ему пару зеленых клетчатых, когда Илья перебирался в свою квартиру. Наверное, потому, что она очень переживала по поводу его отъезда из отчего дома. А Илья их почему-то теперь носил. Хотя мама об этом, разумеется, не знала.

Сначала дошел до кухни, поставил чайник. Если бессонница пришла, бороться с ней бессмысленно, лучше провести это время с пользой. И с Шопеном.

С кружкой чая вернулся в гостиную, подошел к роялю, тронул ноты. Но не стал садиться за инструмент, устроился на диване. Из спальни вышел Сатурн, проковылял к лежанке около угла дивана, устроился там и посмотрел на хозяина слезящимися глазами. Начинай, мол. Илья кивнул:

– Сейчас, только чаю попью.

В этой квартире идеальная звукоизоляция – ее делали с учетом перспективы многочасовых занятий на рояле, чтобы не мешать соседям. Можно играть хоть в три часа ночи. Мама любила повторять фразу одного из ее любимых скрипачей, испанца Пабло де Сарасате – того самого, на концерт которого ходил сам Шерлок Холмс: «Я занимаюсь по двенадцать часов в сутки, а они называют меня гением!» Илья прекрасно понимал знаменитого испанца. Он сам занимался примерно столько же. Всю свою жизнь. Как результат – выиграл несколько музыкальных конкурсов, окончил с отличием консерваторию, ему прочили блестящую музыкальную карьеру, а кое-кто даже так же называл его гением.

Звучит неплохо.

Илья отпил еще чая, задумчиво посмотрел на рояль. У инструмента было собственное имя – Модест Ильич. В честь брата Петра Ильича Чайковского, благодаря которому наследие великого композитора дошло до потомков. Да, рояль носил знаменитое музыкальное имя, и Илья часто с ним разговаривал. Разговаривал с роялем, с псом. Потому что больше поговорить было не с кем.

Тебя называют одним из самых талантливых молодых пианистов современности, за плечами победы в конкурсах, впереди – интересные планы и проекты. А здесь и сейчас – ты один, с чашкой чая, старым псом и молчащим роялем.

И тишина давит просто оглушительно.

Он аккуратно поставил чашку на столик, скинул с ног тапки, прошел к инструменту, поднял крышку.

Шопен знал об одиночестве все. Он поможет.

Тишину ночной квартиры разрезали хрустальные звуки Ноктюрна фа-минор.

* * *

Все же повезло Ване с мамой. Она, в отличие от отца, никогда не задавала неудобных вопросов. С отцом тоже повезло, только он вопросы задавал. Врать Ваня умел, причем с вдохновением, но тут почему-то не получалось.

На вопрос: «Как дела в институте?» отвечал неизменно: «Все в порядке» – и, в общем-то, говорил правду. Не, в институте и правда было круто – жизнь бурлила, куча знакомых, длинноногие девчонки, даже некоторые предметы ничего, типа маркетинга. А вот с сессией все обстояло не так хорошо. И если бухгалтерский учет худо-бедно удалось сдать с помощью шпаргалок и наушника-магнита, то с финансовой математикой случилось полное фиаско. У него и с обычной-то математикой всегда нелады были, а тут финансовая.

В общем, соврать об удачно сданной сессии не получилось.

Сестра довольно усмехнулась, мол, «что я говорила», отец промолчал и ушел в другую комнату – он вообще как-то болезненно воспринимал Ванины неудачи, а мама похлопала по плечу и тихо сказала:

– Ты сам все знаешь.

– Знаю, – ответил Ваня.

А что ему еще оставалось? Мамины слова означали, что предстоит подготовиться и пересдать. Как он будет эту абракадабру пересдавать, Иня (так называли его близкие) еще не знал, но был рад, что обошлось без нравоучений.

Таньке, правда, очень хотелось показать язык. Заноза, а не сестра. Она была уверена, что Ваня институт бросит, потому что он и экономика – вещи несовместимые. Это было очевидно всем, даже самому Ване. Но поступал он на спор. Просто однажды Эдик-мажор – барабанщик их рок-группы – сказал, что Иня ни во что приличное не поступит, потому что, кроме как на гитаре играть, он ничего не умеет, даже на права не сдал.

Вот Ваня и поступил. Назло. Но учеба, конечно, была мукой – экономическая теория, управление предприятием, основы организации труда, бухгалтерский учет и самая засада – финансовая математика! От высшей еще не успел передохнуть – еле-еле до тройки дотянул.

В общем, Танька, конечно, была права, и он бы давно бросил эту бесперспективную затею… если бы не все та же Танька. Ее скептический насмешливый взгляд действовал лучше любой воспитательной беседы.

И если поступил Ваня назло Эдику, то учился назло сестре. Хотя учебой, конечно, это назвать было сложно, но вот вылетать из института Иня не собирался точно. Да и отца успокоить, опять же, не помешает. Зимой Ваня как-то заикнулся о том, что можно было бы сделать перерыв, взять академический и отправиться в кругосветку эконом-классом, стать блогером, зарабатывать чем-нибудь по ходу путешествия… В общем, глядя на лицо отца, он минут через пять понял, что идея оказалась неудачной и с академическим лучше повременить.

А это значит, что финансовую математику придется как-то пересдавать.

* * *

Марк Рудольфович спустился вниз, к охране. Без студенческого или пропуска в институт не войдешь, а ему сегодня предстояло знакомство с новым студентом. Сказали, что мальчик способный, есть возможность экстерна и, может, даже научной работы. Как сдавать экстерном математику высшую и финансовую, Марк Рудольфович не очень представлял, для этого надо быть не просто очень способным человеком, а минимум – талантливым, но заинтригован был достаточно для того, чтобы первое – согласиться на встречу-собеседование и второе – лично спуститься вниз к охране.

Это была та короткая и счастливая пора затишья, когда летняя сессия и следовавшая за ней волна поступлений в вуз вчерашних школьников остались позади. И до сентября еще несколько недель. В институте было тихо и почти пустынно. Охранник сидел в наушниках и играл в телефоне, так что Марку Рудольфовичу пришлось три раза кашлянуть и два раза постучать по пластику окна. Только после этого молодой парень в форме поднял голову и вынул наушники.

– Ко мне должны в течение получаса подойти, это наш будущий студент, корочки пока нет, но ты пропусти. Он скажет, что ко мне – Марку Рудольфовичу. Понял?

– Понял, – закивал головой парень.

Но профессору математики он доверия не внушал, поэтому Марк Рудольфович решил подстраховаться.

– Бумага есть?

Парень выдвинул ящик стола, некоторое время рылся в нем, а потом выудил чистый блок и протянул профессору. Тот оторвал верхний листик, достал из внутреннего кармана пиджака тяжелую перьевую ручку и размашисто написал: «Королев И. И., аудитория 315».

– Вот, фамилия человека и где я его буду ждать.

* * *

В институт Ваня пошел, что называется, наудачу. Может, удастся поймать преподавателя и договориться о пересдаче. Лучше бы, конечно, просто договориться, но в случае с профессором такие дела не прокатят.

На проходной случился сюрприз. Перебрав все вещи в рюкзаке, Тобольцев понял, что зачетку он взял, а вот вместо студенческого схватил в спешке паспорт. С другой стороны, может, по зачетке пропустят?

Охранник за стеклом сидел в наушниках, пил чай и что-то писал в телефоне. Привлечь к себе внимание оказалось непросто. Но с фантазией у Ивана проблем не было никогда, поэтому он врубил на своем мобильнике вой сирены и сопутствующего мужского голоса «Вы окружены, руки за спину, лицо вниз» на полную мощность, чтобы он перекрыл звук в наушниках. От неожиданности охранник выронил телефон, телефон задел кружку, чай расплескался и залил бумаги на столе.

– Ты идиот! – закричал охранник, снимая наушники.

Ваня отключил звук сирены и убрал мобильный в карман.

– Привет, – сказал, мило улыбаясь. – Мне надо пройти.

Охранник гостеприимно ответил матом, вытирая о форменную рубашку влажный телефон:

– Понаберут даунов… – и осекся, уставился на листик бумаги, пытаясь что-то на нем прочитать.

Ваня тоже туда посмотрел. Чернила расплылись и половину было не разобрать, оставив более-менее четким только «ев И. И., аудитория 315».

– К Марку Рудольфовичу? – хмуро спросил охранник.

– Да! – радостно подтвердил Ваня.

– Назначено?

– Да меня ждут уже! Опаздывать никак нельзя, потому и сирену включил.

– Молчи лучше про сирену! Паспорт.

Тобольцев с готовностью протянул паспорт.

– Тобольцев Иван Иванович, – медленно прочитал охранник и тихо, едва слышно, пробормотал, – ев… и… и… сходится, – а потом вернул документ. – Тебя в триста пятнадцатой ждут.

– Спасибо! – Ваня широко улыбнулся. – За мной бутылка пива как возмещение морального ущерба!

– Топай уже! – донеслось в ответ.

Тобольцев лихо бежал вверх, перепрыгивая через ступени центральной лестницы.

Триста пятнадцатая была закрыта. Ваня вздохнул и приготовился ждать.

* * *

Считается, что фраза «поверить алгеброй гармонию» – ирония над попытками рационально постичь произведение искусства. Однако у Ильи была своя точка зрения на этот вопрос. Среди грамот, заботливо и трепетно хранящихся в родительском доме, были в том числе награды за победы и призы на математических олимпиадах. Точные науки Илье очень помогали. Октава, квинта, кварта – это же чистейшая математика. В основе любого звука лежит колебание, которое описывается гармониками. А значит, здравствуйте, тригонометрия и господа Риман и Фурье.

С указанными господами, как и многими другими их коллегами по цеху, Илья водил близкое, пусть и заочное в силу понятных причин знакомство. Даже решил получить второе высшее математическое образование. В вузе ему пошли навстречу, пообещав индивидуальный план обучения с учетом будущего концертного графика – при условии, что он докажет свою способность воспринимать материал в объеме и сроках, указанных в этом плане. Поэтому сегодня Илье предстоял вступительный экзамен-собеседование. По забавному стечению обстоятельств профессор, которому предстояло сдавать экзамен по финансовой математике, был однофамильцем консерваторского наставника Ильи – Виктора Рудольфовича Самойленко.

Забавные стечения обстоятельств на этом не окончились. На входе в институт Илью пытались туда не пустить, что-то невнятно бормотали, разглядывая неопрятного вида листок. Лишь после того, как Илья отчеканил свое имя, имя педагога, дату экзамена и название дисциплины, а также продемонстрировал визитку, его пропустили. Но все равно что-то пробурчали в спину. Впрочем, Илья слушать, разумеется, не стал, а направился к нужной аудитории.

У дверей аудитории его ждало последнее звено в цепи забавных совпадений. Звено нетерпеливо переминалось с ноги на ногу и тоже оказалось весьма озадаченным встречей.

Да уж, люди совсем не то, чем кажутся. В татуированном парне с пирсингом в брови и серьгой в ухе трудно было с первого взгляда заподозрить любителя математики.

А он, смотрите-ка, тут. Давешний знакомец. Ваня. Брат Татьяны Тобольцевой.

После долгого отсутствия, почти позабытый, синий бант вернулся в его жизнь. Не просто вернулся – очень настойчиво стучался. Надо впустить.

Бантиков брат встретил появление Ильи громким и коротким восклицанием.

– Ну, здравствуй, Иван Тобольцев, – ответил ему Илья.

Иван удивленно хлопнул глазами, а потом затараторил:

– Привет! У тебя ручки нет случайно? Мне экзамен сдавать, а я ручку забыл! – потом, видимо, что-то сообразив, добавил: – А ты откуда мое имя знаешь?

– На лбу написано, – хмыкнул Илья. – Ручку тебе профессор даст. – А кстати… Неужели им на одно и то же время назначили прийти? Не мог же Илья напутать время и фамилию преподавателя? – Тебе на какое время назначен экзамен?

– Ты чего такой жадный? Ручки жалко? – в своем нахальном амплуа ответил любитель украшать себя. Вопрос про назначенное время все в той же наглой манере проигнорировал, вместо этого начал проявлять любопытство. – Слушай, что-то я тебя на потоке у нас не видел.

– У меня индивидуальный план обучения, – ровно ответил Илья. Достал из кармана пиджака золотой «монблан», подарок отца. Пару раз щелкнул. – Если тебя профессор пригласит первым – одолжу.

Иван не постеснялся взять в руки элитную немецкую канцелярию. Повертел, пощелкал, присвистнул.

– Что-то мне подсказывает, что тебя профессор примет первым, – констатировал со вздохом, а потом вдруг посмотрел на Илью с робкой просьбой в глазах: – Давай одновременно зайдем, а?

Это было так неожиданно, что Илья все же слегка растерялся. Неловко пожал плечами.

– Давай, мне не жалко. Решать все равно профессору.

– Не, решать нам с тобой, – снова приободрился Иван. Взъерошил чуб. – Интересно, что он подсунет. У тебя с математикой как? Шпаргалки взял?

Илья едва сдержал улыбку. Все же первое впечатление оказалось верным. Как Иван оказался в данном вузе – это вопрос отдельный, конечно. Но что не от большой любви к точным наукам – определенно.

– Взял, – ответ вышел кратким и сухим – чтобы не рассмеяться.

– Отлично, – совсем воодушевился Ваня. – Слушай, а ты здесь как? Ты же вроде пианист?

От расспросов любопытного Тобольцева Илью спасло появление профессора. Спасло и одновременно озадачило. Профессор Самойленко был не только однофамильцем Виктора Рудольфовича, но и точной его копией. Тот же рост, дородность, темные кудри с проседью, высокий лоб и густые усы. Только вместо неизменной бабочки Виктора Рудольфовича у этого профессора Самойленко был полосатый галстук, немного небрежно повязанный.

– Илья Королёв? – спросил профессор таким знакомым низким голосом. Илья нашел в себе силы лишь кивнуть, давя неуместное желание ущипнуть себя. Ну не бывает настолько похожих друг на друга людей, да еще и с одинаковой фамилией! Получается, брат? Брат-близнец? Виктор Рудольфович никогда не рассказывал, что у него есть брат.

– Прошу, – профессор распахнул дверь аудитории, но потом вдруг заметил отошедшего чуть в сторону Ивана. Нахмурился. – А ты тут что делаешь?

– Экзамен пришел… пересдавать. – Наглости у Ивана Тобольцева ощутимо поубавилось.

– Ну, заходите, – вздохнул профессор Самойленко. Взгляд его заметно погрустнел.

В аудитории каждый получил свое. Илья – билет, Ване дали решать какие-то задачки – совсем простенькие, насколько мог заметить Илья.

Ответ по билету скоро перерос в нечто совсем иное и увлек преподавателя и будущего студента в дебри высшей математики. Профессор с удовольствием пустился в рассуждения, найдя благодарного слушателя и достойного собеседника. Илья с не меньшим удовольствием включился в диалог, но все равно не мог отделаться от странного ощущения, что говорит со своим наставником о каких-то не тех вещах и что в аудитории не хватает рояля. Ваня Тобольцев откровенно скучал и чесал «монбланом» в коротко стриженном затылке. Решать задачки он явно не торопился. В конце концов профессору это надоело.

– Ну, что там у вас получилось, Тобольцев? – Самойленко протянул руку за листком с задачками.

– Можно я в другой раз приду пересдать? – с несвойственной ему робостью ответил Иван. Выглядел он слегка пришибленным.

– Ну какой другой раз? – вздохнул профессор. – Я завтра к морю отбываю. С вами, Илья, мне все ясно. Спасибо за удовольствие от беседы. Все необходимые документы я подпишу. Буду рад видеть вас в числе своих студентов.

Илья встал, профессор тоже, и они обменялись рукопожатиями. Ваня горестно вздохнул и грустно щелкнул «монбланом».

Щелчку «монблана» вторил звонок мобильного. Марк Рудольфович потянулся к карману.

– Оставлю вас на пять минут, молодые люди, – кивнул им Самойленко и вышел из аудитории.

В глазах Вани Тобольцева тоска тут же сменилась воодушевлением. Он вскочил на ноги и мгновенно оказался рядом.

– Слушай, а ты не мог бы посмотреть? – Илье под нос сунули листок с задачками.

Илья бросил беглый взгляд. Было бы на что там смотреть. Чуть сложнее таблицы умножения.

– Проверяешь оба ряда на сходимость, раскладываешь по Фурье. А потом применяешь формулу Муара, что просто.

– Чё?!

Слова, тон и страдальчески изогнутые брови – все это выглядело более чем красноречиво. В который раз за последний час Илья испытал весьма редкое для него желание рассмеяться. Выдернул листок из Ваниных пальцев, снова сел за стол и быстро набросал примерное решение. Подробнее не стал расписывать – для всех будет очень некрасиво и неприятно, если профессор застанет Илью за решением Ваниных задач.

Успел. Но ручку все же пришлось оставить незадачливому адепту финансовой математики – прикусив от усердия кончик языка, Иван принялся спешно переписывать решение на другой листок своим почерком. А Илья решил подождать свою собственность и брата Тани Тобольцевой в холле. Заодно и расписание прикинет поточнее.

* * *

Все-таки он был везунчиком. Во всяком случае, в этот день точно!

Ваня очень старательно переписал решение в свой листок и, когда вернулся профессор, протянул ему выполненную работу. Нервничал немного, конечно, – а вдруг тот начнет задавать вопросы по решению? Но… снова повезло.

Марк Рудольфович бегло просмотрел записи на листе и сказал:

– Можешь, когда захочешь. Давай зачетку.

После чего вынул известную всему курсу перьевую ручку и поставил «удовл.».

– Почему три? – решил уточнить Ваня. – Тут же все правильно!

Профессор ответил не сразу. Сначала задумчиво смотрел на математические выкладки на экзаменационном листе, а потом пожал плечами:

– За шпаргалки. Еще вопросы есть?

– Нет! – бодро ответил Тобольцев и поспешил к столу забрать рюкзак. Вообще, пора было делать ноги, пока ничего испортил.

Уже у дверей он остановился и, обернувшись, сказал:

– Спасибо.

Марк Рудольфович лишь кивнул головой. Он снова читал этот лист и бормотал про себя:

– А я бы сделал не так. Очень любопытно…

Спаситель Вани стоял у окна и что-то читал в смартфоне. Очень сосредоточенно читал. Сразу видно – умник. Была в детстве такая передача «Умники и умницы», на Тобольцева она всегда навевала тоску, а этот, может, даже участвовал в ней. Туда только таких и набирают.

Ваня подошел к умнику и протянул ему ручку:

– Спасибо, выручил. Я твой должник.

Тот спокойно взял ручку и сунул ее во внутренний карман дорогущего льняного пиджака. Хотя чему удивляться? Если у него такая тачка…

– На сколько сдал?

– На трояк, – широко улыбнулся Ваня. – Все отлично!

– Тройка на должника не тянет. Ну раз тебе отлично… – умник пожал плечами.

– Да ладно тебе, – дружески хлопнул Тобольцев по льняному рукаву. – Главное, меня на следующий курс перевели! И отцу сегодня отчитаюсь, что все – в сентябре снова пойду учиться. Так что спасибище огромное!

Новый знакомый как-то странно покосился на Ванину руку на своем плече и тихо кашлянул. Хотел что-то сказать?

Ваня руку убрал и участливо поинтересовался:

– Ты где это простудился в такую жарищу? Это все кондиционеры в машине. Пошли?

Умник в ответ согласно кивнул, и они, спустившись по лестнице и миновав пост охраны, перед которым Ваня отсалютовал и отрапортовал «про пиво помню», вышли на улицу.

«Мерседес» стоял на парковочной площадке прямо перед вузом, красота такая, что дух захватывало. И подойти захотелось, и снова все рассмотреть, но в этот раз Ваня не решился. Разговор умника с профессором произвел на Тобольцева сильное впечатление, и, еще того не понимая и не осознавая, Ваня проникся каким-то едва уловимым трепетом перед новым знакомым. Будучи сам ярко выраженным гуманитарием, Ваня не понимал, как люди могут разбираться в высшей математике, атомной физике, квантовой механике. Это что же у них такое в мозгах, что они все это понимают? Иня испытывал к таким людям что-то сродни благоговению – «бывают же на свете гении». А в том, что этот парень в льняном пиджаке при желании разберется и в атомной физике, и в квантовой механике, Тобольцев не сомневался. И именно это его сейчас сдерживало. Ваня остановился и просто рассматривал машину на расстоянии, как мальчик, который любуется заветной игрушкой через витрину, зная, что даже на Новый год родители ему такую не купят. Им не по карману.

А «льняной пиджак» положил ладонь на ручку двери «мерседеса» и обернулся:

– Тебя подбросить?

– Давай! – слова вырвались раньше, чем Ваня их смог поймать. – Ты сейчас в какую сторону?

– В консерваторию.

– Мне в другую, но я оттуда на метро доберусь.

Боясь, что новый знакомый передумает, Тобольцев быстро сел в машину, пристроив рюкзак на коленях, и стал оглядываться. С прошлого раза в машине ничего не изменилось.

– Ты на ней сколько выжимал?

Молчание было ответом. Умник повернул ключ зажигания и после аккуратно тронулся с места.

Действительно, глупый вопрос. Судя по тому, как он водит, ни одного правила в жизни не нарушил. Какое тут «выжимать»? Шестьдесят километров – наш предел. И зачем такая тачка, если все равно не гоняет? Устраивать красивый променад «Консерватория – Университет экономики»?

– Как у сестры прошел эфир? – наконец подал голос неторопливый водитель спортивного авто.

Но ведь помнит про эфир-то! Ваня уже и сам забыл, а этот, надо же…

– Да ничего вроде, правда, ей какой-то придурок звонил. Но Таньке часто всякие звонят, сеструха у меня закаленная.

– Это хорошо, что закаленная, – задумчиво произнес умник.

К чему такой комментарий, Ваня не понял. Он вообще мало что понимал в новом знакомом и решил немного прояснить ситуацию:

– Слушай, а я так и не могу сообразить, где ты учишься. Ты пианист или финансист?

– И то и другое, – в голосе собеседника неожиданно прозвучал легкий вызов. – Что, разве так не может быть?

– Нет, ну почему же, я, между прочим, тоже… и гитарист и этот… экономист.

– С гитарой у тебя так же, как с экономикой? Или получше? – флегматично поинтересовались со стороны водительского сиденья.

– А ты приходи и послушай! – в своем голосе Ваня уловил вдруг тот же самый легкий вызов, что только что услышал у умника.

– Почему бы и нет? Где и когда?

Вот так поворот! Ваня даже не ожидал, что этот… проглотивший смычок, так легко согласится. Где и когда… да если бы он сам знал… тут же нужно подготовиться, ребят собрать, порепетировать… чтоб в грязь лицом перед консерваторским снобом не ударить.

– Телефон оставь, я позвоню, – немного развязно проговорил Ваня, чтоб этот не возомнил о себе слишком. – Мы играем в подвале. Мне ребят собрать надо.

Умник кивнул и, оставив одну руку на руле, вторую засунул под пиджак. Через пару секунд протянул пассажиру визитку.

Ваня визитку взял и присвистнул.

«Королёв Илья». Ну вот теперь хоть имя знает, а то уже второй раз в этой машине вместе едут, а он даже не сказал: «Меня Илья зовут». Странно. Тут вообще все странно. Но присвистнул Ваня не по этому поводу, а потому, что под именем значились разные заслуги, в том числе победитель Международного конкурса имени Чайковского. И Ваня отлично знал, насколько крут этот конкурс и что выиграть его могут только настоящие виртуозы. Короче, тут было от чего присвистнуть. Тогда какого этот гений потащился к профессору математики?!

Ответить на свои вопросы Тобольцев не мог, ясно было одно: парень рядом – ННЧО – неопознанная неизученная человеческая особь. Значит, будем изучать. Все-таки визитка – отличное изобретение. Тут и имя, и фамилия, и телефон, и электронная почта. Только адреса не хватает.

– С чем шел на Чайковского? – Ваня постарался, чтобы его голос звучал непринужденно.

– Первый тур – Брамс, второй – Рахманинов, финал – собственно, Петр Ильич, – ответ прозвучал так же непринужденно.

– Я бы выбрал Листа вместо Брамса… если бы взяли на конкурс, конечно.

И умник вдруг улыбнулся! Ну надо же…

– Я выбирал между Листом и Брамсом, – сказал он, делая аккуратный поворот, – но педагог настоял на Брамсе. А у тебя музыкальное образование, да? – и это прозвучало уже совсем живым человеческим голосом, а не флегматично-машинальным.

– Неоконченная музыкальная школа и курсы по гитаре, но зато есть своя группа. И трансцендентный этюд я фиг сыграю, конечно. Но это реально круто.

Машина остановилась. Илья Королёв молчал, словно о чем-то задумался. Ваня уже собрался было открыть дверь, но тут… тут появилась женщина. Она вышла из дверей консерватории и направилась как раз в сторону их машины. Такая женщина…

Нет, Ваня никогда не заглядывался на дам в возрасте, он предпочитал веселых девчонок с курса. Вечеринки, клубы, танцы, хороший секс. На их концерты в подвале тоже собирались красотки, и тогда после выступления можно было замутить что-нибудь веселое. В общем, проблем с личной жизнью у Тобольцева-младшего не имелось, а потребности в постоянстве не было и вовсе.

Но тут… эта женщина в зеленом летнем платье с широким браслетом на запястье… сама элегантность… женщина без возраста… повернула голову, готовясь перейти дорогу… и словно стоп-кадр… исчезли звуки, люди вокруг, город… только она… тонкие руки убирали от лица прядь волос, разноцветная эмаль браслета переливалась на солнце… женщина медленно повернула голову в другую сторону… А потом к ней подошли какие-то ребята, что-то ей говорили и в итоге увели в сторону.

Возвратились звуки, шум, голоса, сигналы клаксонов, сам город, реальность. Стоп-кадр исчез.

А рядом кто-то тихо покашливал. И Ваня вдруг понял, что это ему ненавязчиво намекают – пора, мол, освобождать салон «мерседеса».

– Слушай, – тихо спросил Ваня, – тебе встречались женщины, которые… ну вот увидел и все – сражен на месте?

– У нас в музыкальной школе была такая одна, попробуй по мытому пройди – сразит на месте.

Ваня вздохнул и сказал:

– Не разбираешься ты в женщинах. Ну все, бывай. Спасибо, что прокатил.

Он вышел из машины и, прежде чем закрыть за собой дверь, добавил:

– Я позвоню.

* * *

– Ну вот! – удовлетворенно выдохнул Виктор Рудольфович. – Вижу, вижу, что с арпеджио работал.

Илья лишь кивнул. Что ему еще оставалось делать? Профессор Самойленко был тем человеком, которого Илья Королёв слушался беспрекословно и с суждениями которого не спорил.

– А может быть, следовало тогда взять все-таки Листа?

Виктор Рудольфович моргнул. Нахмурил свой мощный лоб. И вдруг прояснел лицом.

– Ты все еще думаешь об этом, Илюша? – он подошел и совершенно отеческим жестом взъерошил Илье волосы. Тем самым отеческим жестом, которых давно уже не позволял себе родной отец Ильи и его тезка Илья Королёв – старший. У Ильи Юльевича были свои способы и методы сказать о важном.

– Не то чтобы думаю, – пожал плечами Илья и встал с табурета. – Просто мне тут один человек сказал, что, возможно, Лист был бы лучше.

– Кто этот человек? – тут же взволновался профессор Самойленко. – Он эксперт? Бывал членом жюри на международных музыкальных конкурсах? Кто он, Илюша?

– Он… в некотором роде эксперт, да, – уклончиво ответил Илья. Видел бы Виктор Рудольфович этого эксперта. Хотя наверняка Ваня Тобольцев был в каких-то вопросах экспертом. Однако профессор Самойленко мог вполне даже не догадываться, несмотря на весь свой багаж жизненного опыта, об этих вопросах и сторонах жизни. Илья решил сменить тему от греха подальше. – Антон сказал, что на следующей неделе договорился о прогоне номера на сцене, вживую.

– Вот как? Замечательно! – обрадовался профессор. Но сначала по его лицу пробежала легкая тень – самым нелепым и парадоксальным образом Виктор Рудольфович ревновал своего ученика к его же импресарио. Самойленко понимал, что делами Ильи кто-то должен заниматься. Учителю тоже надо привыкнуть, что в жизни его ученика наступил новый этап, а это Виктора Рудольфовича очень беспокоило. Илья же не знал, как объяснить наставнику, что окончание консерватории никак не означает, что их пути с педагогом разошлись. Илье еще учиться и учиться. Постоянное совершенствование – вот залог успеха. Но на этом пути ему нужна помощь не только педагога. И поэтому теперь к музыкальному миру Ильи Королёва имеет отношение еще один человек – Антон Голованов. Антону слегка за тридцать, он умен, обаятелен, умеет работать с людьми. Но приступы ревности профессора это никак не отменяло.

Однако сейчас со вспышкой раздражения при упоминании имени Антона Виктор Рудольфович справился быстро. И переключил свое внимание на другой, более интересный объект.

– Значит, ты наконец встретишься с этой девочкой, Элиной? Она совершенно восхитительное создание, я ее видел в «Баядерке»!

Под определением «восхитительное создание» у профессора Самойленко значилась балерина, прима Большого, этуаль Парижской оперы Элина Самсонова. Кажется, она и в самом деле красива. Кажется, балерины все красивы. Надо будет посмотреть фотографии в интернете. Впрочем, Илья не слишком верил снимкам в глянце. На следующей неделе у них назначена с Элиной очная встреча в Большом. Уже на сцене. Только он, она и рояль. И Шопен. Готовится новая экспериментальная программа – идея Антона. Вот тогда и посмотрим, какова на самом деле Элина Самсонова.

– Ах, Илюша! – вдруг взволновался Самойленко. – Уже на следующей неделе? У нас же ничего, ну совершенно ничего не готово!

«Ничего не готово!» – это излюбленная фраза профессора Самойленко. С этой фразой его любимый ученик выиграл конкурс Чайковского. И еще несколько других. Илья снова сел за инструмент, положил руки на клавиши. И вдруг подумал о том, что Элину-то он, положим, увидит живьем через неделю. А вот другая девушка – о которой он думал, скажем прямо, гораздо больше, чем о той, с которой ему выступать совсем скоро на одной сцене, – эта девушка скрывается по-прежнему от него за завесой тайны.

И пора эту завесу приоткрыть.

Нет, Илья не будет смотреть фото в интернете, как это можно было бы сделать с Элиной. Но подъехать к зданию радиостанции и взглянуть вживую на то, во что вырос синий бант, – пора. На это намекает все, буквально все, включая давешнюю встречу на экзамене. А кстати, хотел же спросить у профессора…

– Давай, Илюша, с третьей страницы.

Все незаданные вопросы унес Шопен.

* * *

– С вами были Татьяна Тобольцева и Жека Сургучев. До завтра!

Эфир прошел замечательно, Женечку не мучило заикание, поэтому он блистал красноречием и вообще был на высоте. Таня любила такие дни – когда отключаешь микрофон после нескольких часов эфира – веселого, легкого, с интересными обсуждениями, звонками самых разных, но, главное, нормальных людей, а впереди еще вечер. Потому что сегодня они работали до шести.

– На танцы?

– На йогу?

Чмокнули друг друга на прощанье, широко улыбаясь. Все-таки здорово, когда твой напарник еще и отличный друг. Друг отправился на йогу, Женечка утверждал, что это отдельная философия тела и души, которая способствует очищению организма от ненужных мыслей. Таня в ответ говорила, что ее от ненужных мыслей избавляют танцы, поэтому периодически ходила в клуб латино, там и сальса, и бачата, и полная импровизация, особенно если попадется хороший партнер. Полное расслабление, только язык тела, шаги, повороты, прикосновения и музыка. Каждый танец – отдельная история.

Таня глянула на часы – времени заскочить домой и сменить джинсы на юбку достаточно. Танцевала она исключительно в юбке. На запястье блеснули тонкие серебряные цепочки с подвесками.

Таня взяла сумочку, шлем от мотоцикла, ветровку (на скорости может продуть) и вышла из студии.

На стоянке машин было немного. Выделялся красивый спортивный «мерседес». Около него стоял парень. Краем зрения Таня заметила его худощавую фигуру, темные волосы, тонкие, практически аристократичные черты лица. Интересно, к кому такое чудо?

А дальше все произошло точь-в-точь так, как она себе напридумала несколько дней назад и уже успела об этом забыть. Таня пересекла стоянку, повесила на руль мотоцикла ветровку, собираясь надеть шлем, и услышала за спиной тихий вкрадчивый голос:

– Ну, здравствуй, Татьяна Тобольцева.

И все. Парализовало на месте. Когда Таня смотрела разные триллеры и детективы, то всегда возмущалась: как можно бездействовать? С ходу придумывала штук пять различных выходов из ситуации, и вот, когда это случилось с ней – забыла все напрочь. Даже как дышать. Голос за спиной был такой же, как тогда в трубке, не просто тихий, а какой-то меланхоличный и обволакивающий. Гипнотизирующий.

Время шло. Таня наконец обрела способность дышать и думать. Вспомнила пару фильмов, в которых бравые полицейские твердили, что надо тянуть время, потому что время – главный союзник. Значит, будем тянуть.

– Это Илья? – поинтересовалась, не оборачиваясь.

Он видел только спину, что было очень кстати. Можно аккуратно переместить болтающуюся на плече сумочку ближе к животу и постараться выудить оттуда ключи от мотоцикла.

– Да. Он же Дима. Он же… спаситель твоего брата.

При чем тут брат? Ненормальный.

– Ты больше не завязываешь синий бант?

Фетишист! Сумочка была открыта, Таня нащупала ключи и на секунду прикрыла глаза. Сейчас…

– Завязываю, каждый день перед завтраком, – самое трудное было, чтобы голос звучал ровно. – Ритуал такой.

А потом она резко развернулась и ударила шлемом по голове стоявшего рядом придурка. Со всей силы ударила, выронила шлем и быстро, пока тот не очухался, села на мотоцикл. Руки тряслись, ключом в замок зажигания попала не сразу, но успела – рванула с места. Висевшая на руле ветровка оказалась на асфальте, да не до нее было. Купит новую.

Никогда в жизни Таня Тобольцева, или, как ее называли, ТТ, не выезжала так быстро со стоянки и, только влившись в основной поток машин, позволила себе вздохнуть свободно. Без шлема было непривычно, но до дома как-нибудь доберется. Главное, чтобы по пути не остановили доблестные сотрудники службы ДПС.

Впрочем, обрадовалась своему удачному побегу Таня рано. На светофоре ее догнал зеленый спортивный «мерседес», пристроился рядом и приветственно засигналил. Таня повернула голову и увидела… водителя в своем потерянном шлеме. Он радостно помахал ей рукой!

В ответ Таня показала средний палец и резко тронулась с места, как только светофор переключился. Это была настоящая гонка. ТТ даже представить себе не могла, что такое возможно на переполненных московских улицах. Сердце билось сумасшедше, глаза непривычно остались без защиты, от ветра они начали слезиться, но страх и внутренние злость и ярость гнали вперед. Таня лавировала между машинами, пару раз уже думала, что ушла от погони, но этот маньяк отлично водил! Он словно наперед просчитывал ее маневры, как только Таня думала, что ушла, – он тут же оказывался рядом.

И только минут через пятнадцать в последнюю секунду удалось проскочить на мигающий зеленый, оставив «мерседес» стоять на светофоре. После этого Таня резко свернула в переулок и затерялась среди дворов. Вот теперь оторвалась точно. Теперь он ее не найдет.

Как добралась до дома, Таня не помнила. Просто долго еще сидела на мотоцикле во дворе, тяжело дыша и не в силах перекинуть ногу. Сегодня она ушла. А завтра? Что делать? Купить газовый баллончик? Обратиться в полицию?

– Ты чего здесь сидишь? – услышала она голос брата. – И вся бледная. Тебе плохо?

Ваня обнял сестру.

– Слушай, ты не заболела? А шлем где?

– Потеряла.

– Так, ну-ка вставай. Пошли. Будем температуру мерить.

Как хорошо, что есть брат. Балбес, конечно, но это мелочи.

Таня оперлась рукой на Ваню и перекинула ногу. Они вместе дошли до подъезда.

– Сейчас примешь душ, выпьешь чего-нибудь, и все пройдет. И вообще, я новую песню написал.

– Против кого протестовал на этот раз?

– Не… – Ваня засмеялся, нажимая на кнопку лифта. – Это песня про женскую красоту.

Когда они вошли в кабинку, Таня прислонилась спиной к стенке.

– А вообще, знаешь, – продолжал болтать брат, – меня вот сейчас интересует философский вопрос: зачем покупать спортивную машину, прям крутую, если ездить на ней исключительно шестьдесят километров в час?

Таня вздрогнула. В памяти всплыл зеленый «мерседес».

– Знаешь, – сказала она, – я вообще бы запретила спортивным разъезжать по городу, только аварийные ситуации создают.

Глава 3

У каждого свое танго.
Иван Тобольцев

Звонок отца застал Илью за наливанием чая. Только-только позавтракал. Обычно в этот час Илью можно застать за инструментом – либо дома, либо у Виктора Рудольфовича. Но сегодня Илья беспардонно и совершенно непозволительно проспал. День вчера выдался… нервным.

На экране телефона красовалось лицо Королёва-старшего.

– Доброе утро, папа.

– Доброе утро, сынок.

Илья поставил обратно на стол поднесенную было к губам чашку. Сынок. Так отец называл Илью, только если было за что. Так, и где он проштрафился?

Ах, ну да, точно. День вчера был очень нервным.

– Что, ты получил штрафы? – Вздох сдержать не удалось. Выставлять себе в нелепом свете перед отцом Илья не любил. Он предпочитал, чтобы им гордились. Во вчерашней ситуации гордиться было, скажем откровенно, нечем.

– А должен? – прозвучало в трубке невозмутимое. Этой невозмутимости Илья не верил. И отцовскую иронию чувствовал даже не слухом, чем-то иным. Отрицать очевидное бесполезно, надо признавать вину сразу и полностью.

– Сколько их? По моим подсчетам, я собрал три камеры. Я не ошибся?

– Ну что ты… – мягко и душевно, чисто по-королёвски произнесли в трубке. – Ты всегда был отличным математиком.

Роль обвиняемого уже прискучила Илье, самое главное ему сказали, поэтому он предпочел сменить тему.

– Ну и отлично. Я сегодня оплачу штрафы. Как мама?

– Скучает. Ждем тебя в гости. Часов в семь вечера на ужин. Как раз успеешь все оплатить.

Ну хватит меня уже тыкать, как котенка, папа, я все понял!

– До семи вечера я успею не только эти оплатить, но и новых наделать. Буду к семи, пап.

– Договорились.

Не успел Илья выдохнуть, завершив разговор, как телефон снова пиликнул.

Пришли фото с камер. Илья разглядывал их долго, минуты две, наверное. Увеличивал, изучал детали. Потом прочел приписку отца: «Шлем надо бы вернуть».

Илья отложил телефон. И расхохотался. Так громко, что Сатурн поднял голову с лежанки и негромко и вопросительно тявкнул.

– Извини, что потревожил твой сон, герой. – Илья залпом выпил половину чашки. Снова взялся за телефон, открыл первое фото. Говоришь, папа, шлем вернуть? А по-моему, мне идет.

На фото красовалась девушка верхом на спортбайке, хвост длинных волос относит ветром в сторону. В сторону стоящей рядом машины, спорткупе, за рулем которой человек в шлеме, с этого ракурса похожий на Дарта Вейдера.

Интересно, отец хотя бы улыбнулся, глядя на это фото? Илье же хотелось хохотать, и он уткнулся лицом в ладони. И поморщился. Смех смехом, а скула болела там, где по ней пришлось мотоциклетным шлемом.

Кто бы мог подумать, что девушка такая нервная? И такая… красивая.

Интуиция его не то чтобы подвела – но слегка не подготовила. Потому что, стоя у машины и ожидая, когда выйдет нужный ему человек, Илья совершенно не ожидал, что попадет под гипноз. Под совершенно гипнотическую магию движений бедер, обтянутых узкими джинсами,

шлема, качающегося на согнутой в локте руке, мерно двигающегося из стороны в сторону хвоста высоко убранных волос, цепочек на тонких кистях и таких же цепочек в мочках ушей.

Когда девушка подошла к мотоциклу, припаркованному через одну машину от него, Илья словно очнулся. Честно говоря, он не был уверен, что это – Таня. Хотя интуиция вопила внутри именно об этом. Но возможно, он выдавал желаемое за действительное. Ему надо услышать голос.

Услышал. А заодно получил шлемом по скуле, адреналиновую гонку и замечание от отца.

Да уж, второе знакомство с бантом удалось. Кто бы мог подумать, что у девочки с глазами-звездочками, когда она вырастет, будут невероятно красивыми… не только глаза.

Илья вздохнул, долил себе еще чаю. Надо идти заниматься. Интересно, чем можно выбить из головы вид мерно двигающихся при каждом шаге невероятно волнующих женских бедер? И этой… которая как бы есть, а слова такого нет.

Ведь его не так воспитывали.

Вроде бы.

Кажется.

Илья привычным, отцовским, жестом потер лицо ладонями. Снова поморщился. Ссадина на скуле давала о себе знать.

Да уж, как говорится, я же той, кто всех прелестней, песнь и кровь свою отдам. Правда, о том, что та, что всех прелестней, может сама до крови разбить тебе скулу, ни Толстой, ни Чайковский были, видимо, не в курсе. O tempora! O mores![2]

Кстати, вот Петр Ильич, да. От гипноза должен помочь.

К вечеру Илья про синяк благополучно забыл. И произвел своим внешним видом фурор у родителей дома.

* * *

Звонок в дверь раздался буквально через несколько минут после того, как Июль пришел домой. Пришел в настроении обнять и пообщаться. Знаки внимания от любимого мужа Майя очень ценила. Но сейчас нужно доставать из духовки любимые Юнины рулеты из индейки, кроме того, на столе не все еще сервировано. Июль удовлетворился коротким объятьем и поцелуем в щеку, сел за стол и принялся за любимое дело – наблюдать за ее суетой. В этот момент раздался звонок.

– Ну, иди, открывай сыну.

Ирония в голосе звучала столь неприкрыто, что Майя едва подавила совершенно неприсущее дамам элегантного возраста желание – показать язык. Сдержалась. И шаг сдержала, когда отправилась открывать дверь. Но лишь скрылась за поворотом коридора – перешла едва ли не на бег.

Сын пришел!

Мальчик принес цветы. Ее любимые пионовые розы в тонкой папиросной бумаге. Мальчик так похож на своего отца. Вся в растроганных чувствах и умилении, синяк на скуле любимого сына Майя Михайловна Королёва заметила, лишь когда дело дошло до материнского поцелуя. Ахнула и едва не обронила букет. Втиснула цветы вышедшему с кухни Илье. И двумя руками осторожно повернула голову сына к свету.

Мама дорогая…

– Юня, откуда у тебя синяк?

– Подрался, – невозмутимо ответствовало чадо.

---

[2] – О времена! О нравы! (*лат.*)

Подрался? Подрался?! Ее мальчик с блестящим интеллектом, тонким музыкальным даром и хрупкими чувствительными пальцами – подрался?!

Майя поймала себя на том, что нащупывает стену сзади.

Что произошло?! Материнская тревога за единственного ребенка не отпускала ее никогда. Только музыка на время отнимала эту тревогу.

Невероятно одаренный, талантливый, вундеркинд. Так о нем говорили. Но Майя помнила и другое. И знала другое. Как он одинок. Помнила ярко, будто это было вчера, как шестилетний Юня пытался завести друзей.

– Мам, давай купим им конфеты, и они со мной поиграют.

– Мама, давай возьмем трещотку, и я сыграю им китайский танец Петра Ильича?

Не помогали ни конфеты, ни трещотка. Он не понимал их, ребята не понимали его. Не принимали. Он был для них слишком… Просто слишком. Чужой, непонятный, инопланетянин.

И ее ребенок построил вокруг себя стену. Майя это видела ясно, словно стена была наяву, но ничего не могла сделать. Так он оберегал себя от боли разочарования и непонимания. Это помогло ему потом, когда пришли настоящие успехи. Но ее любимый и единственный ребенок так и жил – за стеной, созданной его талантом, гордостью и одиночеством. И это не могло не беспокоить Майю. И вот теперь… драка?!

– Догнал? – неожиданно подал голос Илья Королёв – старший.

– Попытался, – невозмутимо пожал плечами сын. Забрал букет и снова вручил его матери. Наклонился и сам поцеловал мать в щеку. – Извини, неудачно пошутил. Гулял с Сатурном, задумался, не заметил ветку, – а потом резко перевел тему и спросил с воодушевлением: – Чем так вкусно пахнет? Твоими фирменными рулетиками?

Сбоку раздался звук, подозрительно похожий на смешок. Но когда Майя повернула голову, лицо мужа было предельно серьезным. Но глаза… Самое красивое – когда у него смеются глаза. Так, эти двое от нее явно что-то скрывают! Но сейчас не время выяснять правду, не скажет ни один, ни второй.

Майя еще раз проинспектировала скулу сына, убедилась, что все совсем не так страшно, как ей показалось на первый взгляд, и дала команду садиться за стол. Только сначала надо поставить цветы в вазу.

– Мама, я на днях видел тебя у консерватории. У тебя новое платье? – Юня с отменным аппетитом отдавал должное рулетам. – Зеленое такое. Тебе исключительно идет.

– Что за зеленое платье? – тут же поинтересовался Июль. – Я видел?

Юный Королёв слишком болтлив!

– Нет, не видел, – Майя положила сыну еще один рулетик на тарелку, чтобы занять ребенку рот. – Это новое.

– Мама! – картинно схватился за сердце Юня. – Ты надела платье, не прошедшее папин дресс-контроль?!

– Молодой человек, ты слегка зарываешься, – Майя включила «строгую мать». Этот режим у нее откровенно западал, но попытка – не пытка.

Мужчины Королёвы переглянулись и одинаково улыбнулись.

Допрос Майя отложила до позднего вечера. Когда муж уже лежал в постели в компании пижамы, очков и какого-то страшно занудного на вид журнала. Именно эта дивная картина предстала глазам Майи, когда она вышла из ванной.

– Что происходит с нашим сыном? – Майя потянула на себя журнал, который неохотно выпустили из рук. За журналом последовали очки, снятые с ровного, словно по линейке очерченного носа.

Супруги Королёвы какое-то время молча смотрели друг другу в глаза.

– Мне кажется, он взрослеет, – негромко проговорил Илья.

И по взгляду мужа Майя поняла, что время разговоров в спальне на этих словах закончилось.

* * *

– Ты чего такой хмурый? – Таня поставила поднос с кофе и булочкой на столик.

– П-п-проект новый, – у Женечки снова был день заиканий.

Впрочем, после посещения главного редактора это у него случалось частенько, почти всегда. Скоро у них заикающихся станет двое. Еще пара таких гонок по Москве, и будут они в эфире с Женечкой самой запоминающейся парой.

Ни на какие танцы Таня, конечно, вечером не пошла. Разыгрывать перед домашними безмятежность тоже было провальной идеей, поэтому, сославшись на головную боль, она закрылась у себя в комнате. Пару раз заглянула обеспокоенная мама, потом папа, но демонстративно стоявший на столике стакан с водой и упаковка болеутоляющих рядом избавили от ненужных вопросов.

Придурок!

Газовый баллончик она все же купит.

Таня всегда нравилась противоположному полу, уже в третьем классе мальчишки соревновались между собой, ухаживая за ТТ, как она именовала себя позже, ведя передачи на школьном радио. Таня Тобольцева была настоящей школьной звездой. Она рано познала свою женскую власть и вертела поклонниками, как хотела. Для легких и ни к чему не обязывающих романов партнеров выбирала сама, а потом сама же их и оставляла без особых угрызений совести.

– Нам было хорошо вместе, но я не готова к серьезным отношениям. Прости.

Она действительно была не готова. В жизни много всего интересного помимо совместного проживания с парнем и стирки его носков.

Путешествия, музыка, танцы, встречи с самыми разными людьми, любимая работа, новые проекты. Кстати, о проектах.

– И что тебе сказал главный? – Таня вынула из чашки чайный пакетик и разместила его на блюдце.

– В-в-водим н-н-новую рубрик-к-ку, – кисло промямлил Женечка. – К-к-классика.

– Классика чего? Рока? Джаза? – Она сделала глоток. – Но это же круто на самом деле. Можно сделать шикарную подборку. Так…

Чашка была отставлена в сторону, булочка забыта, Таня уже включилась в разработку новой идеи.

– Н-н-не-е-ет. – Женечка потягивал через соломинку колу. – П-п-просто классика. Б-б-бах, Б-б-бе-е-етховен… Рах-рах-рахманинов.

– Какой Рахманинов? – Таня уставилась на друга.

– С-с-сергей.

Когда у Женечки день заикания, да еще настроение не очень, беседа может растянуться на неопределенный срок. Но до эфира было еще часа полтора, поэтому Таня запаслась терпением и в конце концов выяснила, что с главным связался очень крутой продюсер, который занимается звездами первой величины, правда, оперной. Но всем давно известно, что опера постепенно тоже стала сферой шоу-бизнеса, оперные певцы устраивают джазовые концерты, ездят в туры и желают быть ближе к народу. Афиши, реклама, соцсети – все как у всех. Только именно этот продюсер решил попробовать расширить аудиторию с помощью радио.

– Т-т-там какой-то н-н-необычный музыкальный п-п-проект скоро с н-н-новым гением. Б-б-будем раскручивать.

– Каким гением?

– Н-н-не знаю. Вот ф-ф-флешку д-д-дали послушать. Г-г-главный в отпуск у-у-улетает на следующей н-н-неделе. С-с-сказал, что продюсер нам позвонит с-с-сам, а м-м-мы должны все сделать, как он х-х-хочет.

– Совсем как он хочет? – уточнила Таня.

Женечка кивнул.

– Значит, много денег готов заплатить.

Женечка снова кивнул.

Да, это было что-то очень необычное.

– А почему нам? Почему не другим диджеям, – она продолжала допытываться.

– С-с-сказал, что мы с-с-самые умные.

– Ясно.

И самые музыкально подкованные. Это Таня знала точно. И самые маневренные в интервью.

– Ладно, давай сюда флешку. Я послушаю, что тебе передали, будем ждать звонка продюсера.

На флешке действительно оказалась классика. И действительно Рахманинов. Которого надо было обязательно переслушать. Не раз и не два. Но времени уже не оставалось – пора выходить в эфир. Сегодня основная нагрузка на Тане, Женечка с заиканием не помощник. Ну что же…

– Добрый день, до шести вечера с вами мы – Татьяна Тобольцева и Жека Сургучев. Тема нашего сегодняшнего эфира «Мечты». Поделитесь, о чем вы мечтаете. Может быть, вам даже удастся найти собрата по мечте. Ну и конечно, вас ждет очередной розыгрыш. Сегодня разыгрываем два билета на самую громкую кинопремьеру лета «Кричи громче».

Эфир проходил спокойно, местами даже весело. Женечка сделал пару удачных кадров, когда Таня, разговаривая с очередным позвонившим, улыбалась. Идеально для сегодняшнего инстаграма. Пока играла очередная песня, она включила телефон, чтобы войти в инстаграм, и увидела новое личное сообщение.

Это было фото и под ним: «Готов вернуть и извиниться». На фото – ее шлем и какой-то совершенно невероятный по красоте букет. Крошечные кустовые розы лилового оттенка сочетались с крупными – чайного цвета, все это перевито лентами и чем-то еще. Тане дарили много цветов, но букетов такой изысканности – никогда. Она чуть не пропустила окончание песни.

Спасибо Женечке.

Потом был очередной звонок, потом снова песня, и Таня успела прийти в себя. Что стоят извинения психически ненормальных людей? Теперь он и до ее странички добрался. Пока играла музыка, ТТ зашла на страничку маньяка-фетишиста.

Так и есть – опасный тип. Страничка практически неактивная. Всего семь фотографий. Подписок две. Какие-то заумно-научные. Подписчиков тоже всего пара. Все фотографии – либо высказывания, либо небо. Небо без облаков, небо с облаками, небо сквозь ветки деревьев.

На аватаре – Эйнштейн, тот самый – с высунутым языком. Последняя публикация – его же высказывание: «Только две вещи бесконечны – Вселенная и человеческая глупость, хотя насчет Вселенной я не уверен».

Ничего о человеке не скажешь, кроме того, что живет он в каком-то своем сложном мире, недоступном простому смертному. Подобные контакты надо обходить за километр.

Таня даже не собиралась отвечать, но почему-то еще раз захотелось взглянуть на букет. А шлем забирать было вообще страшновато.

В итоге все же ответила: *«Оставь себе»*.

И началась переписка.

«Я напугал тебя? Прости».

«Будем считать, что я добрая. Извинения приняты. И на этом все».

«К извинениям прилагается шлем и букет. Их как передать?»

«Никак. Оставь меня в покое».

«Ты же меня совсем не знаешь. Вдруг я хороший? Первое впечатление не всегда верное. Смотри, как мы эффектно смотримся вместе».

Прилетело фото с камер слежения. Совершенно дурацкое и ненормальное – напоминание о сумасшедшей гонке по московским улицам и Танином страхе. Никогда в жизни она не испытывала такого ужаса.

– Ну что же, мы начинаем разыгрывать два билета в кино. Чтобы стать их обладателем, вам необходимо дозвониться в нашу студию и ответить на три вопроса, связанных с кинематографом. И у нас уже есть человек на связи. Представьтесь, пожалуйста, как вас зовут?

– Семен.

– Очень приятно, Семен. Вы готовы?

– Да.

– Отлично, поехали. Какой легендарный фильм взял «Оскар» в далеком-далеком 1998 году?

Семен срезался на первом же вопросе, он не смог выбрать правильный ответ из четырех вариантов.

– Правильный ответ «Титаник». А мы прощаемся с вами, Семен.

Таня поставила в эфир песню-саундтрек из этого фильма и снова открыла инстаграм. Смотреть на присланное фото она не могла, продолжать переписку желания не было. Надо заканчивать. Пока Селин Дион рвала сердце слушателей своей балладой, Таня быстро написала:

«Мы не вместе, фотография отвратительная».

Потом ее взгляд упал на флешку с Рахманиновым, что лежала около сумочки, и пальцы сами набрали:

«У меня есть жених, за которого я скоро выхожу замуж».

Вот и все. Сообщение улетело. Таня выключила телефон. Эфир продолжился. Женечка со своего места встревоженно смотрел на ТТ, она успокаивающе ему улыбнулась.

К тому моменту, когда они закончили работу и передали диджейский пост следующей паре, в ее инстаграме было новое сообщение: *«Желаю счастья»*. И новая фотография.

Тот самый букет вместе со шлемом на припаркованном около работы байке.

* * *

– Элина, это Илья. Илья, это Элина, – бодро, почти скороговоркой произнес Антон. И эта торопливость оказалась кстати, потому что у Голованова тут же зазвонил телефон и он, извинившись, отошел.

– Рад знакомству, Элина, – Илья первым протянул руку. Таким девушкам полагается целовать руки даже по меркам сумасшедшего двадцать первого века. Но у нас же деловая встреча.

– Взаимно, Илья, – прима вложила самые кончики пальцев в протянутую ладонь, и Илья аккуратно их пожал. – Я уже несколько дней предвкушаю нашу совместную репетицию. Знаете, я слушала ваши записи на ютубе, это что-то потрясающее. Особенно Рахманинов! И, кстати, вот что я подумала…

Илья слушал слегка рассеянно, но ничем внешне эту рассеянность не выдавая. Таких панегириков он уже достаточно наслушался. Элина, конечно, свой человек в мире классического искусства. Но все же в плане исполнительской техники она просто слушатель, пусть и подготовленный.

Гораздо интереснее было наблюдать за балериной. А она – балерина-балерина в классическом понимании этого слова. Узкий овал лица, тонкий нос, огромные глаза. Лицо феи. Но оно не обмануло Илью. За этой эльфоподобной внешностью таилась железобетонная натура. Иначе никак. Иначе в двадцать пять не становятся этуаль Парижской оперы. Стальная воля, воловье терпение и недюжинная сила характера. У музыкантов все ровно так же.

– И что вы об этом думаете, Илья?

Она про Рахманинова говорила, верно?

– Я думаю, нам надо сначала разобраться с Шопеном. А потом решим, что дальше.

– Согласна, – широко улыбнулась Элина. – Ну что, начнем?

Илья кивнул, и они пошли к своим местам. Пианист сел за инструмент, поправил табурет, поднял крышку рояля. Балерина прошла к краю сцены, стянула с ног бесформенную войлочную обувь и высокие, до колен, гетры, с плеч – флисовую кофту. И словно бабочка из кокона, показалась тонкая фигура в серебристом мерцающем платье.

Они посмотрели друг на друга с разных концов сцены. Он поднял руки над клавишами. Она подняла руки над головой.

И начался Шопен.

Балерина встает в арабеск[3], становясь похожей на статуэтку. Пианист касается клавиш. А перед его глазами – другая женская фигура, совсем на эту, хрупкую, не похожая.

Балерина выполняет глиссад, а человек за роялем вспоминает, как двигаются обтянутые джинсами женские бедра.

Балерина делает кабриоль, а у пианиста перед глазами улетающий вдаль ярко-желтый спортбайк.

Вытянув ноги в одну линию, высоко подняв руки над головой, зависает над сценой балерина в гранд-жете.

«Фотография отвратительная».

Начинает раскручиваться фуэте. Двойные, потом тройной, потом снова двойные. Как она не падает?

«Я скоро выхожу замуж».

Балерина замирает в круазе, не шелохнувшись. А вот пианист поставлен на колени.

Илья встает с табурета. Элина опускается на стопы. Он не успевает спросить ее о впечатлениях – девушка, в мгновение преодолев половину сцены, порывисто бросается ему на шею.

– Спасибо! Спасибо за волшебство!

Спина у нее совершенно тонкая. И очень твердая. Придержав девушку за талию, Илья говорит ответные комплименты.

Они повторили еще трижды. Элина осталась очень довольна. Илья, в принципе, тоже. По обычаю балетных расцеловались в щеки и договорились о контрольном прогоне через неделю.

---

[3] Здесь и далее – балетные термины. Арабеск – одна из основных поз классического танца. Опорная нога стоит на целой ступне, на полупальцах или на пальцах (пуантах), а рабочая нога поднята на 30°, 45°, 90° или 120° вверх с вытянутым коленом. Глиссад – скользящий прыжок с продвижением за открываемой ногой в сторону, вперед или назад. Служит подготовкой для больших прыжков. Кабриоль – прыжок, когда в воздухе одна нога подбивает другую снизу вверх один или несколько раз. Гранд-жете – это прыжок с одной ноги на другую, в котором ноги раскрываются в шпагат в воздухе. Фуэте – стремительное хлесткое вращение, при котором находящаяся в воздухе нога резко выбрасывается в сторону и приводится к колену опорной ноги при каждом обороте. Круазе – положение корпуса в классическом танце. Выдвижение левой (или правой) руки и правой (или левой) ноги вперед.

Переднее пассажирское пустует. Ездивший на нем несколько дней шлем возвращен владелице. И страницу можно перевернуть.

Только вот сейчас кажется, что эта страница – последняя.

Ты опять чужой, ненужный, непонятный. Говоришь – не слышат. Повторяешь – не понимают. Кричишь – уходят.

Что я сделал не так?!

Илья положил руки на руль, уперся в них лбом. Только он мог так умудриться. Убедил себя в шесть лет, что встретил любовь всей жизни. Потом несколько лет с переменным успехом об этом забывал. Чтобы потом, спустя еще несколько лет – встретить. Изумиться совпадению, посмеяться, устроить девушке проверку.

Самому эту проверку не пройти.

И задохнуться от внезапной боли, увидев на экране телефона *«Я выхожу замуж»*. Как и когда это превратилось из забавного – в болезненно живое? Илья не понимал. Но синий бант тонкой змейкой проник, прополз. И ужалил.

А с чего он решил, что она – другая? Что она – услышит? Что она – поймет?

А вот с чего-то решил. Какая-то необъяснимая детская уверенность, что она, девочка с глазами-звездочками и синим в горох бантом, которая выросла в невероятно красивую и гордую девушку, – особенная. Не такая, как все остальные.

Как же это по-детски и глупо. И несерьезно.

Вы же у нас гений, пианист десятилетия, зарождающаяся звезда исполнительского искусства, Илья Королёв. Но вот и запихивай обратно внутрь все свои сопли и езжай домой. Модест Ильич ждет.

* * *

Цветы Таня не выбросила. Если бы могла – подарила кому-нибудь. Но поблизости никого не было. Так и ждал ее букет вместе со шлемом на сиденье. Значит, он здесь был. Таня огляделась. Никого. И спортивного «мерседеса» тоже. Отлично. Был бы здесь – букет вернула. Но хорошо, что его нет.

А цветы прекрасные. Необыкновенные просто. Пришлось искать в сумочке пакет, чтобы упаковать, а то при езде на мотоцикле букет пострадает. Жалко такую красоту выбрасывать и портить.

Мама была уже дома, когда Таня зашла в квартиру.

– Ужинать будешь? – спросила она из кухни.

– Пока нет, папу подожду.

– Он раньше половины десятого не придет, у него вечерняя съемка.

– Ничего страшного. Главное, чтобы после Ини нам с папой хоть что-то из еды осталось.

Таня прошла на кухню, чмокнула маму в щеку и умчалась к себе. Ее ждала флешка с Рахманиновым. Но сначала распаковать букет маньяка. Цветы ведь ни в чем не виноваты.

Мама заглянула к ней через полчаса, когда Таня собиралась прослушать пьесу уже в третий раз. Удивительная вещь. Таня не была поклонницей классической музыки. Она музыку просто любила – разную: рок, диско, латино, этно. Главное, когда отзывается внутри. А все остальное – стили, направления и прочее – вторично. Эта музыка была невероятной. И сама по себе, и исполнение. А невероятной для Тани она стала потому, что в последней трети пьесы вдруг послышалось танго. У Рахманинова! Такое щемящее абсолютно невозможное и неожиданное надрывное танго. Скрипка, виолончель и фортепиано. Сначала Таня слышала только скрипку, но потом… потом вдруг на первый план вышли клавиши такими мощными аккордами, что захватывало дух. В эту музыку невозможно было не влюбиться. И Таня влюбилась. Она поняла, что хочет ее станцевать, она закрыла глаза и при повторном прослушивании уже

видела шаги, ноги, переплетающиеся с ногами партнера, медленный шаг, потом резкий поворот и снова кружева переплетенных щиколоток.

Таня хотела это станцевать. Она подумает, как можно урезать долгую композицию, оставив лишь танговую составляющую. Резать было жалко, пьеса прекрасна вся. Но на паркет ее не перенесешь, а Таня чувствовала, что музыка зовет.

И она обязательно под нее станцует.

Танцевать танго ТТ учил папа. Ставил руки ей, ее партнеру, показывал повороты и шаги. Это было давно, еще в одиннадцатом классе, когда шла подготовка к концерту для родителей выпускников. Но сам папа, показывая, как ведет себя партнер, станцевал с Таней только один раз.

– Потому что это танец мужчины и женщины, а не отца и дочери, – сказал он тогда. – У каждого свое танго.

Позже, когда Таня стала ходить вечерами на танцы в клуб латино, она как-то обмолвилась отцу, что ей не очень удается танго. Папа некоторое время молчал, а потом ответил:

– Просто ты еще пока не нашла свое.

И вот теперь… она что? Нашла свое танго? В Рахманинове? Смешно.

Файл назывался «Rachmaninoff. Trio no. 1 (élégiaque) in G minor». И все. Имен исполнителей не было.

Мама заглянула, когда Таня собиралась ставить на прослушивание эту музыку в третий раз. Она остановилась перед букетом в вазе.

– Какой красивый.

– Да, – Таня пожала плечами.

– У этого человека безупречный вкус.

– Безупречный вкус у тебя, мамочка, ну и у… флориста.

Мама хотела что-то ответить, но тут зазвонил домофон, и она пошла открывать дверь.

Свою идею станцевать Таня не оставила и на следующий же день попросила Женечку помочь обрезать музыку, но так, чтобы она не казалась куцым куском. Потом ТТ заглянула к главному в надеже узнать исполнителей. Он не помнил, попросил не забивать ему голову глупыми вопросами, не отвлекать от дела и ждать звонка заказчика. Тогда Тане все расскажут подробно про план мероприятий, а до этого не стоит заниматься инициативой, которая, как известно, всегда наказуема.

Ждать так ждать. Вечером Таня все же добралась до клуба. Играла привычная легкая латиноамериканская музыка, танцующих было немного. Кто-то двигался с вдохновением, кто-то откровенно переминался с ноги на ногу. Таня постояла минут пять и поняла, что неинтересно. Сегодня – неинтересно. После того, что услышала накануне, это – не пленяет.

– Потанцуем? – к Тане подошел Эдик, барабанщик из группы брата.

Что он делает в коллективе Ини, Таня не знала. Холеный мажор, которому все было по приколу. И барабанщик он так себе, но Ваня не мог никого найти, а Эдик вдруг согласился. Он Тане не нравился, ни как музыкант, ни как человек, ни как друг Ини, но двигался прекрасно. И, пожалуй, единственный здесь, кто смог бы…

– Под это? – поинтересовалась Таня.

– А подо что?

– Сейчас закончится, и я поставлю.

Она поставила. Когда послышались первые аккорды, никто ничего не понял. Здесь такое никогда не звучало. Но Таня уже направлялась к Эдику, и в глазах ее был вызов «Ну что? Слабо?».

Танцевавшие пары разошлись и встали вдоль стен, очищая площадку для ТТ, которая вплотную подошла к Эдику, обняла его рукой за шею и прошептала на ухо:

– Ты слышишь танго?

– Это танго? Точно?

– Да, это танго, – и завела свою ногу за его бедро.

Так начался танец. Очень неправильный. Потому что, хотя партнер и был опытный, он не вел – он подчинялся. И со стороны казалось, что в паре главенствует женщина. Но на самом деле главенствовала музыка, именно она вела. Таня растворялась в музыке полностью и шла за ней. Это было танго втроем. Настоящее, полное какого-то оглушающего надрыва и тоски. Почти Пьяццолла, но не он. В какой-то момент Тане даже показалось, что вся эта музыка исполнялась и записывалась только для нее, нее одной. И когда мелодия закончилась, настигло ощущение опустошения. Что-то важное и новое случилось в ее жизни. Но что? Она не знала.

Таня танцевала с закрытыми глазами, а когда открыла их, увидела перед собой лицо Эдика – ошеломленное и… чужое. Отвела взгляд.

Зрители у стены тоже были ошеломлены. В абсолютном молчании вдруг кто-то захлопал. Таня обернулась на звук. Хлопал Ваня. Как он сюда попал? А потом к Ване присоединились другие. Весь зал хлопал этому танцу и Тане.

А Эдик продолжал смотреть на нее удивленно и даже… О нет, и этот туда же. Танец – еще не повод для продолжения.

Зал снова наполнялся танцующими парами, снова поставили легкое латино. Таня подошла к брату.

– Привет, что ты здесь делаешь?

– Да я Эдика искал, нам репетировать надо, а тут это… Ну… вы выдали… Ты, вернее. В жизни не видел, чтобы ты так вот…

Таня пожала плечами и улыбнулась.

– Танька, – Ваня очень внимательно посмотрел на сестру, – ты что, влюбилась?

* * *

Виктор Рудольфович объявил получасовой перерыв и покинул класс по своим важным профессорским делам. Илья встал, раскинул руки, потянулся, округлил плечи и спину. И, завершив разминать затекшие мышцы, взял телефон. Аппарат, переведенный на время занятий в беззвучный режим, тут же послушно отобразил входящий с не определенного номера. После небольшого раздумья Илья все же решил взять трубку.

– Привет! Ты как? Что у тебя с Листом? Я в принципе готов пригласить тебя в подвал.

Низкий хриплый голос Илья узнал сразу. А вот в поток слов пришлось вдумываться. Ты всегда такой стремительный, Ваня Тобольцев?

– Все в порядке с Листом, – осторожно ответил Илья. Профессор Самойленко решил вернуться именно в этот момент. За пиджаком. Но, заинтригованный выражением лица ученика, остановился у стула. – На повестке дня Шопен.

Тут Виктор Рудольфович и вовсе передумал уходить. И принялся медленно и обстоятельно натягивать пиджак. Илья на всякий случай отошел к окну.

– А зачем в подвал? – Подвал и в самом деле интриговал больше всего.

– Ну как же? Я же тебе обещал! – жизнерадостно вещал Ваня. – Девочки придут, коктейли намутим, все такое. Потусуемся. У меня же группа, ты помнишь? Вот, на концерт приглашаю. Как обещал. Послушаешь.

Опять стремительный поток слов, требующий осмысления. И все это – под крайне заинтересованным взглядом профессора.

Первым желанием было отказаться. Вот просто взять, сказать «нет» и отключиться. И пойти пить кофе в буфет, оставив телефон в классе. Ваня – он ведь не просто Ваня. А Ваня Тобольцев. Брат. А вдруг там будет она? А вдруг – не одна? А с тем, за которого скоро выходит замуж.

Ну и пусть. А отказать Ивану – это трусость. Именно так. Тем более там девчонок и коктейли обещают. Илья закашлялся. Профессор, решив, что это намек ему, все же покинул аудиторию.

– А когда?

– Завтра! – жизнерадостность в голосе Вани Тобольцева не убывала. – В семь начало. Ты это… оденься поприличнее, в смысле – попроще. А то в пиджаке тебя фейсконтроль может не пропустить.

И снова непроизвольно, в противовес невеселым мыслям, губы сами собой стали растягиваться в улыбке.

– Что-нибудь придумаю. Адрес подвала скинь только.

– Лады, сейчас на телефон скину. Ну давай, а то у меня генеральная репетиция! – на этой жизнеутверждающей ноте Ваня отключился. А Илья, все еще улыбаясь, пошел-таки в буфет пить кофе. По случаю приглашения в подвал – с пирожным.

* * *

Сказать по правде, Ваня волновался. Конечно, это был далеко не первый концерт, который он устраивал в подвале. И вообще, можно сказать, что он являлся звездой районного масштаба. Но этот концерт все же был особенный. Победитель конкурса Чайковского в гостях – это вам не хухры-мухры.

Честно говоря, Ваня даже не особенно и верил, что его новый знакомый согласится приехать, но попытка не пытка. А он взял и согласился! И теперь надо не ударить в грязь лицом, поэтому вечерними репетициями Иня свой коллектив замучил. Особенно был недоволен Эдик.

Но он вообще мажор, чего с него взять? Только посмеиваться и подкалывать, а как дело доходит до дела – сразу лень. И чего Танька в нем нашла? Не, ну понятно: внешность что надо, мальчик с обложки, плюс деньги, плюс тачка. Хотя… не такая тачка, как у умника из консерватории. У умника круче.

Ваня никогда не лез в личную жизнь сестры, он жил по принципу «не суй нос, куда тебя не просят», но вот Эдик в последнее время напрягал. Тот увиденный в клубе танец все не отпускал. Никогда Танька не танцевала настолько проникновенно и откровенно, Ваня потом даже несколько раз задавал сестре вопросы с легким намеком. Но она в ответ так насмешливо смотрела, что продолжать расспросы было бесполезно.

И все же утром, закрыв дверь за родителями, которые торопились в аэропорт, Ваня спросил:

– У меня сегодня будет важный концерт, придешь?

– Я бы с удовольствием, – сестра уже чем-то гремела на кухне. – Но попросили подменить, так что у нас с Женечкой вечерний эфир.

Ваня потоптался на пороге кухни, а потом полез в шкаф за кружкой.

– Жаль, Эдик на барабанах собирается зажигать.

Таня пожала плечами:

– Отлично, но я ставлю на тебя и гитару. Сделай его, ты умеешь.

И так это прозвучало по отношению к Эдику равнодушно, как будто и не было накануне никакого танго. Ваня в очередной раз понял, что ничего не понял. А Таня как ни в чем не бывало продолжала:

– Тебе чай сделать?

– Угу.

– Давай кружку. Вообще, я сейчас тоже с удовольствием оказалась бы на море, устала уже, в отпуск хочу.

– Ну и иди, в чем проблема?

– У тебя всегда все просто, – Таня с двумя кружками села за стол. Одну пододвинула брату. – Существует график отпусков, начальство, взаимозаменяемость и прочее.

Ваня отхлебнул чаю и понимающе кивнул:

– Я бы тоже махнул на море, но у меня вечером концерт.

Ближе к половине седьмого народ начал собираться. Лавки и стулья были расставлены, на импровизированной сцене музыканты делали последние приготовления. Ваня подозвал к себе высокую длинноногую блондинку в коротких шортиках, всегда забывал, как ее зовут, то ли Рита, то ли Вита, поэтому ограничился «заей».

– Зая, ко мне тут один гость должен пожаловать, не из наших, надо бы встретить и проводить. Он в первый раз будет.

Рита-Вита захлопала ресницами:

– Важный-важный?

– Очень, – Ваня приобнял красотку и подтолкнул ее к выходу. – Таких у нас еще не было. Так что постарайся.

Она ушла заинтригованная, а Ваня вернулся к музыкантам. Эдик был не в форме, что-то говорил про «вчерашнее», но Тобольцев это списал на отказ сестры присутствовать на концерте. Хотя, надо отдать Тане должное, она не раз заглядывала на эти вечерние сборища, слушала, подпевала и вообще болела за творчество брата.

– Эдик, приходи в себя, давай! Народ собрался, а ты никакой. Либо ты занимаешься музыкой серьезно, либо я ищу нового барабанщика.

– Скоро начинаем? – поинтересовался кто-то из гостей.

– Скоро, – успокоил зрителя Иня, – можно пока коктейлями угоститься.

В дальнем углу подвала был импровизированный бар, состоящий из высокого длинного стола, на котором лежали упаковки одноразовых стаканчиков, чипсы, орешки и стояли в ряд бутылки с напитками.

Ваня взял гитару, перекинул ремень через плечо и застыл.

В подвал спускалась то ли Рита, то ли Вита, а за ней умник Илья в дорогущем прекрасно сидящем костюме, белоснежной рубашке и бабочке.

– Твою ж… – слова замерли на губах.

– Твой ВИП-гость, – сладко улыбаясь, проговорила блондинка, подведя его прямо к Тобольцеву.

Ваня во все глаза смотрел на невозмутимого умника. Потом пару раз кашлянул, чтобы прочистить горло, и поинтересовался:

– Ты чего… это… прямо из консерватории, что ли? Экзамен сдавал или снова на конкурс Чайковского записался?

Ване протянули приветственно руку и ответили вопросом на вопрос:

– Ты же просил одеться поприличнее. Что, тут совсем строго с дресс-кодом, уайт-тай?

– Чё? А, нет, у нас без галстуков. Но тебе идет. – Ваня огляделся по сторонам, народ с интересом поглядывал на происходящее. Оно и понятно: таких гостей здесь еще не было. – Ты располагайся, места вон свободные есть, мы скоро начинаем.

А потом повернулся к Рите-Вите:

– Зая, надо бы нашему гостю коктейль соорудить.

Девушка аккуратно взяла Илью за локоток и повела к бару. Ваня выдохнул. И как теперь перед этой бабочкой играть рок? Тут прокатит только Паганини.

– Кто такой? – послышался за спиной голос Эдика.

Барабанщик смотрел в сторону бара, там Рита-Вита с лучезарной улыбкой протягивала гостю коктейль.

– Мажор вроде тебя, только покруче.

– Бабок больше? – в голосе Эдика послышалось любопытство.

– Играет лучше. Все, иди на место, мы начинаем.

И через несколько секунд он повторил эту фразу в микрофон:

– Мы начинаем!

Присутствующие отозвались приветственными криками.

– Добрый вечер всем! Ну что, пятница, вечер, и мы снова здесь. Зажжем?

– Да-а-а!!! – послышалось со всех сторон.

– Эдик, – Ваня повернулся к барабанщику.

Тот три раза ударил палочкой о палочку, и концерт начался. Громко, мощно, оглушающе. Рок другим быть и не может. Это драйв. Ваня стоял перед микрофоном, пел, поднимаясь до высокого альтино:

Когда на мир спускаются сумерки,
Когда эти сумерки переходят в смог,
Ты задыхаешься, ты задыхаешься
И хрипишь: «Я все сделал, что смог».

Это была песня на разогрев, и народ разогревался, кто-то уже начал подпевать. После второй песни зал поймал волну, некоторые даже встали со своих мест. Потому что рок слушают стоя. Иня искал глазами Илью. Где он? Как ему? Нравится?

Ване очень хотелось, чтобы его гость оценил и группу, и концерт, и то, что подвал в этот вечер оказался полон. Илья был из тех, кто еще сидел. И даже не хлопал, держал в руке недопитый коктейль. Но как только Ваня встретился с ним глазами и спросил без слов: «Ну

как?», гость тут же поднялся на ноги и направился к сцене, делая по дороге щедрые глотки из стакана.

А дальше случилось совсем неожиданное. Илья оказался вдруг рядом с Ваней, взял его микрофон и произнес:

– Ребята, ну нельзя же так. Звук плоский, вы гробите акустику зала. Разверните колонки в ту сторону, – и показал рукой на нужное место.

В зале наступила тишина. Музыканты застыли, зрители перестали хлопать. Все взгляды устремились на двоих у микрофона. Был бы кто другой, Ваня просто спустил бы его со сцены, но этот… этому он верил. Откуда-то знал, что ему можно верить.

– Разверните, – сказал он ребятам в зал.

Те кинулись исполнять поручение. А дальше неожиданности продолжились. Пианист оттеснил клавишника и встал на его место.

– Ваня, у тебя уникальный голос. Давай еще раз с третьей цифры.

И Ваня снова ему поверил. Концерт продолжился. Началось что-то невероятное. Не зная ни одной композиции, умник моментально улавливал мелодию и начинал играть. Да не просто играть – импровизировать. И Ваня подхватывал импровизацию, вел дальше, пока не уступал снова место клавишным. Это был такой драйв! Ребята, собравшиеся в подвале, прыгали, танцевали с поднятыми вверх руками, подпевали. Ваня почти кричал в микрофон:

– Мы за жизнь! Мы боремся за жизнь!

Каждую минуту, каждым своим словом,

Давай, брат, держись!

И только после того, как весь зал, объединенный песней, стал скандировать: «Давай, брат, держись! Давай, брат, держись!», Ваня понял, что нужен перерыв. Тихо перебирая струны, он объявил медленную композицию.

* * *

Грохот от ударной установки вал за валом накатывал, отражался от стен и потолка. И бился. Бился как живое сердце. Принадлежащее огромному живому организму, частью которого вдруг стал и Илья. Не один, не сам по себе, а часть чего-то большего.

У него был опыт выступления с оркестром, но здесь было совершенно иное. И не только в совсем иной музыке дело. Иное все. Другие ритмы – задыхающееся, но несмолкающее стаккато ударных. Ревущая гитара, от звуков которой не только страдает тонкий музыкальный слух, но и ноет что-то в груди. И над всем этим плывет и властвует совершенно уникальный голос. Именно он и держит их всех, оплетает невидимыми нитями, задает общий ритм и делает всех людей в этом подвале единым целым. Илья сейчас чувствовал этих людей… всем. Кожей. Пальцами на клавишах. Воздухом, который вдыхал. Никогда на концертах он такого не испытывал. Никогда и ничего похожего. И сейчас у него просто кружилась голова.

– Бонд, девушка хочет танца.

Илья даже вздрогнул. Он не заметил, как к нему подошла девушка – та, что встречала его у входа в это… заведение. Он так отдался своим мыслям, пальцами одной руки повторяя незамысловатую медленную мелодию, что выводил на гитаре Иван, что не заметил, как к нему подошли. А она красивая. Немного вульгарная, но очень красивая.

Илья обернулся, кивнул стоящему у края сцены клавишнику:

– Принимай инструмент, – и отступил в сторону.

Едва он обернулся к девушке, как его уже тянули за бабочку со сцены.

– Ну, Бонд, ты идешь?

Илья освободил бабочку из цепких женских пальцев, отдав вместо нее свою руку.

– Желание девушки для Бонда закон.

Танец вышел интимнее, чем на это рассчитывал Илья. Девушка прижималась достаточно близко и шептала на ухо: «А ты ничего». А он, чтобы окончательно не потерять невозмутимость Бонда, вспоминал, как мама учила его танцевать вальс. И что она иногда Бондом называла отца. Видимо, Илья потомственный… 008.

Последний припев вместе Иваном пели все. Даже его партнерша по танцам.

Ты не жди ответа,
Делай все что можешь.
Мы отвечаем за планету,
Мы дышим кожей.

ЭТО Илья себя заставить петь не смог. Текст дурацкий. А вот голос у Ваньки… до мурашек.

Мурашек добавила и его партнерша, напоследок огладив его… по тому самому месту, которое есть, а слова нет. У Ильи банально отвисла челюсть, и он долго смотрел девушке вслед. Красивая у нее походка. Хотя не такая, как у…

Господи, что же за день такой. Все, куда ни кинь, – новый опыт. То Илья, сам от себя такого не ожидая, выходит вдруг на сцену и полчаса вдохновенно импровизирует на тему рока. То его за… гхм… за пятую точку трогает красивая девушка. И то и другое для победителя конкурса имени Чайковского было совершенно новым и волнующим опытом.

Концерт закончился громким хоровым пением, видимо, местного хита. И оглушительными же аплодисментами и криками. Блондинка к Илье словно прилипла, готова была развлекать его разговорами и не только, но тут ее окликнули. Вздохнув, девушка коснулась щеки Ильи губами: «Созвонимся». И удалилась.

Между тем публика расходилась. Помещение почти опустело, Ваня прощался с последними – обменялся поцелуями с двумя девушками, хлопнул по плечу клавишника: «Ну, бывай». Еще минута – и они вообще остались одни в этом подвале, где еще совсем недавно все гремело от громких звуков. Иван прошел к столику, налил в два стаканчика газировки, вернулся и протянул Илье со словами:

– Ты на машине?

– Да.

– Тогда тебе коктейлей больше нельзя. В другой раз приезжай на метро, оторвемся.

Честно сказать, Илья не помнил теперь – он и в самом деле пил этот коктейль или только пригубил. Все смыл адреналин совершенно нового формата выступления перед публикой. Но на всякий случай кивнул Ване и взял стаканчик. Тот повертел свой и вдруг выпалил:

– Ну как?

Вопрос, заданный беспечным тоном, все же выдавал волнение.

– Тебя любят, – Илья толкнул своим стаканом стакан Ивана, – это главное. – Отпил, слегка поморщился. Как же сладко, слишком. И решил сказать правду. В деле обучения нет ничего лучше правды – так говорил Виктор Рудольфович. – Музыка безобразная. А голос у тебя уникальный. Не думал о серьезной вокальной карьере?

Иван помолчал. Тоже отпил. Кажется, его не задели слова о музыке, как опасался Илья. Но и комплименты голосу тоже не произвели особого впечатления.

– Не, ну в принципе ты прав, там еще доработать стоит… – наконец заговорил Ваня. – Сеструха говорит, что пока на радио не возьмут, но уже лучше, чем год назад. Так что… – пожал плечами. – Работаем. А вокал мой отцу не нравится, поэтому я пою, когда его дома нет.

Последние слова удивили. У парня изумительный по чистоте и редчайший по тембру голос – это понятно даже Илье с его весьма поверхностным знакомством с вокальным искусством. Как это можно не понимать?

– Если твой отец – педагог по вокалу, то к его мнению можно прислушаться. Но если нет…

– Он педагог по фотографии, – невозмутимо ответил Иван. Кажется, он не видел ничего необычного ни в своем голосе, ни в реакции отца на него.

– Я могу организовать тебе встречу с хорошим педагогом по вокалу, – в Илье проснулось какое-то необъяснимое упрямство. – Такие голоса – большая редкость. У тебя, конечно, с нотами есть проблемы, но это как раз довольно легко исправляется.

Ваня слушал. Кажется, серьезно. И даже немного помолчал, словно раздумывая.

– Я не против, если арии не заставят петь, – и едва Илья собрался возразить, резко сменил тему, словно она ему наскучила: – Слушай, а сыграй? – Иван махнул в сторону синтезатора. – Ты сегодня был реально крут. Но… сыграй то, что тебе хочется именно сейчас.

Ваня возвращал ему комплименты. И они… они были приятны. Грели. И Илья без раздумий поставил стаканчик на край сцены. А пока шел к синтезатору, четко понял, что будет играть. Но прежде чем начать, все же оставил последнее слово в споре комплиментов за собой.

– Сегодня на сцене был реально крут один человек. И это не я.

Он играл музыку одного великого композитора, который посвятил ее другому композитору. Шопен на карнавале у Шумана. Но парадоксально Илье казалось, что он играет о тех двоих, кто сейчас находился в этом пустом подвале.

Отзвучала последняя нота. Илья стоял за синтезатором. Ваня смотрел на него снизу, из зала. Воцарившуюся тишину никто не спешил нарушить. Но все же первым заговорил Иван – каким-то странным зачарованным голосом.

– Я был не прав в машине. В женщинах ты разбираешься. Так можно играть только о женщине.

Илья от неожиданности закашлялся. Он даже не думал о женщине, когда играл. Но в том и разница, наверное. Илья знал, что играл. А Ваня не знал и просто слушал. И услышал что-то свое. В этом и есть чудо музыки, если вдуматься. Музыка – искусство невербальное и потому говорит с каждым на своем языке.

Илья медленно спустился со сцены. В один глоток допил сладкую газировку. И никак не мог решить, что сказать или сделать. Молчание прервал звонок мобильного. Ваня, кажется, даже с облегчением схватился за телефон. Разговор получился коротким.

– Привет. А, да, точно, твои захватил. Сейчас буду, – засунул телефон в задний карман джинсов и уже другим, будничным, совсем не зачарованным голосом пояснил: – Мне пора. Я по ошибке двое ключей взял, сестра не может в подъезд зайти. А родители на море улетели утром. Пойдем. Хочешь, познакомлю? Она у меня такая, тебе понравится.

Получилось не вздрогнуть и ничем себя не выдать. Бонд всегда спокоен и невозмутим. Даже если его щипают за ягодицу. И уж тем более – когда говорят о той…

Думаешь, Ваня, она мне понравится? Ты прав. Она мне уже ОЧЕНЬ нравится. Толку-то?

– Она у тебя старшая? – сразу отказаться было крайне невежливо, соглашаться – убийственно.

– Да, всю жизнь старшая, – хохотнул Ваня. – Любит учить и указывать. Но я ничего, терплю.

– Еще не замужем?

В Ванином взгляде проскользнуло удивление. Да кто же вас, Илья Ильич, за язык тянет?!

– Хотел бы я посмотреть на того, за кого она замуж выйдет, – Ваня снова засмеялся. – Пока нет. Но по ходу занята.

Неужели сестра не ставит брата в известность о своих планах? Или планы совсем свежие и пока семья не в курсе? Да какое же Илье до всего этого дело?!

– Занята – это жених есть? – с изумлением услышал Илья собственный голос. Нет, ну, в конце концов, это уже невежливо. И Ваня вполне вправе не отвечать.

– Это значит, парень имеется, – Ваня тем не менее ответил. – Но вообще я не уверен. Недавно видел, как она с нашим барабанщиком вытанцовывала. Просто так не вытанцовывают. Есть подозрение, что влюблена, – а потом, после небольшой паузы, вдруг внезапно спросил: – А что?

А то!

– Ничего, – Бонды так просто свои секреты не выдают. – Могу подбросить, но на знакомства времени, увы, нет. Пошли?

– Пойдем.

Ваня гремел ключами, как заправский сторож. И так же заправски ворчал и ругался, когда замки не поддавались. В машине они ехали молча, но это было, как казалось Илье, хорошее, правильное молчание двух людей, которым комфортно вдвоем. Просто этим людям прямо сейчас говорить – не хочется. Для Ильи молчать было привычно, а для Вани… Он не знал.

Высадил Илья своего сегодняшнего коллегу по сцене в начале дома – длинный узкий проезд был уже весь заставлен машинами, и проще развернуться здесь, где шире и есть место для маневра.

Но, уже развернувшись, он увидел вышедшую встречать Ваню на дорогу сестру. Волнующий женский силуэт с высоко убранным хвостом волос в теплом свете фонарей не мог не врезаться в память. А потом девушка потрепала брата по голове, он обнял ее за плечи, и так, обнявшись, брат и сестра Тобольцевы пошли к своему подъезду. А Илья поехал к себе домой. К Сатурну и Модесту Ильичу.

Глава 4

В музыке уже заложено все. Композитором.
Ее надо услышать.
С ней можно – и нужно – поговорить.
Илья Королёв (Юня)

Неделя после концерта пронеслась с космической скоростью. Ваня не раз возвращался в воспоминаниях к пятничному выступлению и не раз порывался позвонить умнику – очень уж душевно они посидели после перформанса, да и играл Илья… играл как бог, чего уж. Ваня не мог этого не признать. Московская консерватория, победа в конкурсе имени Чайковского, все дела… Наверное, именно это и останавливало – ощущение разницы между ними. И пусть умник очень высоко оценил вокальные способности Вани, даже предложил организовать уроки, все это сейчас, с течением времени, казалось чем-то похожим на дружеское похлопывание по плечу. Такое немного снисходительное похлопывание. А снисхождения Ваня не хотел.

Тем не менее позвонить пришлось. Просто накануне Иня провел зажигательный вечер в клубе, где познакомился с потрясающей девчонкой. Душа и тело требовали продолжения банкета. Продолжение произошло на следующий же день – родители на море, с сестрой договориться не проблема. У них по этому поводу было все четко. Таня, правда, кавалеров домой не водила – те сами заботились о территории, а Ваня время от времени девчонок приглашал, заранее предупреждая, что «квартира занята». В таких случаях сестра предварительно звонила по телефону и предупреждала, что идет домой. В общем, продолжение произошло, девчонка оказалась что надо, Ваня ею вдохновился, она Ваней тоже. Возник актуальный вопрос «А не повторить ли нам?». Повторить хотелось, но негде. Вечером с моря возвращались родители, у которых совместить отпуска получилось только на неделю.

Иня обзвонил всех знакомых на предмет свободной жилплощади, но безуспешно. Кто-то не в городе, кто-то сам с родителями, у кого-то тоже намечался перепихон.

В списке потенциальных помощников остался только умник. «Была не была», – подумал Ваня и набрал номер.

– Здравствуй, – ответили ему на том конце безупречно вежливым тоном.

Даже волосы сразу захотелось пригладить и рубашку надеть. Чтоб соответствовать.

– Привет! Что делаешь?

Вместо ответа прозвучал забористый фортепианный пассаж.

– Ого! Круто! – тут же отозвался Ваня. – А ты где так? У себя в консерватории или дома?

– Дома. Как раз перерыв сделал в занятиях.

И тут послышалось фоном негромкое лаянье. Честно говоря, Ваня даже лаем это не назвал бы – что-то такое приглушенное и вежливое.

– Та самая собака, да? – поинтересовался он. – Как зовут друга?

– Сатурн, – голос умника тоже прозвучал вдруг удивительно мягко.

Так говорят только о самом дорогом. Ваня понял, что вторгся куда-то в очень личное, и стало как-то неудобно. Вдруг. Ваня Тобольцев очень редко чувствовал неудобство, а тут неожиданно… поэтому следующую фразу произнес излишне бодро:

– О! У нас черепаху звали баба Зина, – а потом и вовсе решил перейти ближе к делу: – Я чего звоню-то… Слушай, у меня засада. У тебя нет на примете квартиры свободной? Тут с одной девчонкой познакомился, туда-сюда, короче… негде нам. Думал, у себя, но сегодня родители возвращаются. Можно, конечно, в подвале, но сам понимаешь… А девчонка – класс, – Ваня не удержался от вздоха. – Ноги, грудь, все дела.

Ответа пришлось ждать долго. В трубке воцарилось продолжительное молчание. Да Ваня и сам понимал, что звонить новому знакомому с такой просьбой не вариант. Собрался уже сказать «забей», как вдруг услышал осторожный вопрос:

– А почему баба Зина?

– Потому что старая, потому и баба, – ответил озадаченно Ваня. Меньше всего он ожидал именно такого вопроса. Он вообще-то ждал, что ему скажут про возможность свободной квартиры.

– А Зина почему? – послышался следующий вопрос.

Ваня вспомнил, как при первой встрече окрестил Илью странным. Потом забыл об этом – слишком впечатлился его успехами и умом, а вот теперь мысли о странностях умника вернулись.

– Слушай, я не помню, я маленький был! Мы ее сначала как-то по-другому назвали, красиво. Танька придумала, а потом вдруг появилась баба Зина и прижилась. Ну, баб Зина и баб Зина. До Сатурна у нас, конечно, соображения не хватило.

И оба опять решили помолчать. А потом Ваня вновь услышал фортепиано. Что-то такое ненавязчивое и легкое. Под эту игру Илья и начал говорить:

– Ну… слушай… в общем-то… Я могу дать ключи от своей квартиры. Завтра меня не будет с двух до пяти, – а потом, словно сам удивившись только что сделанному щедрому предложению, поспешно добавил: – Но при одном условии!

– Правда?! – Ваня не мог поверить в услышанное. Вот это да! Ключи от квартиры умника! С ума сойти можно! И сразу же деловито ответил:

– Слушаю внимательно.

– Не обижать и не шокировать мою собаку. И вообще, лучше, чтобы Сатурн… хм… ничего не видел.

– Да ты что? У меня даже и в мыслях не было. Он ничего не увидит, клянусь! – Ваня в знак произнесенной клятвы даже приложил ладонь к сердцу. Ну и пусть Илья не видит, главное, самому в это верить.

Послышался очередной фортепианный пассаж. Возникло острое желание взять гитару и ответить тем же. А что? В следующий раз он обязательно именно так и сделает, а сейчас надо быстро решать все организационные вопросы, пока там не передумали.

– Слушай, как ты мне передашь ключи? Ты где живешь? У тебя в холодильнике что-нибудь есть или мне затариться?

Фортепиано замолчало, зато через несколько секунд Ваня уловил звук открывающегося холодильника.

– Есть молоко, сыр, яйца… Шоколад… 85 % подойдет?

Молоко – самое то для свидания, кто бы спорил.

– Угу, – пробормотал Ваня скорее себе, чем Илье, а потом уже заговорил громко: – Я все понял, закуплюсь. Но шоколадку могу заимствовать, не против?

– Да, конечно, бери. Я сегодня весь день дома, только вечером уйду на прогулку с Сатурном. Завтра с утра занятия в консерватории. У меня есть запасной комплект… – Потом Илья замолчал, словно над чем-то размышлял, и после паузы добавил более решительно: – Могу отдать сегодня или завтра, смотри сам.

– Отлично! – Ваня до сих пор не мог поверить в свою удачу. – Вечером подъеду, давай адрес!

* * *

Илья повернул ручку двери и вдруг замер. В который раз за последние несколько часов посмотрев на комплект запасных ключей от собственной квартиры, теперь зажатый в ладони.

Он что, в самом деле собирается это сделать? Отдать ключ от квартиры человеку, которого знает пару недель? А тут, между прочим, один рояль стоит столько, что… Илья представил себе сцену кражи рояля Ваней Тобольцевым – и рассмеялся. Вслух. Нет, подозревать Ивана в нечестных и корыстных намерениях попросту глупо. Хотя, наверное, у Ваньки достанет фантазии и смелости подобную авантюру провернуть – если ему вдруг взбредет в голову такая идея. Но не взбредет, в этом Илья был уверен точно.

Тут дело скорее в том… Сатурн тявкнул, привлекая к себе внимание. Они так и застряли на пороге квартиры.

– Пошли, чемпион, – Илья распахнул дверь.

А дело в том, наверное, что в этой квартире вообще не бывало чужих. А если быть более точным, то количество людей, переступавших порог его дома, равнялось трем. И все они носили фамилию Королёв или Королёва. Еще была женщина, приходившая два раза в неделю для уборки, но это же ее работа, а потому не считается. Даже Антон, пару раз приезжавший к нему по срочным вопросам, всегда оставался у подъезда, дожидаясь, когда Илья к нему сам спустится. Словно видел какую-то невидимую черту, через которую не мог переступить.

А теперь количество таких людей грозит увеличиться почти вдвое – с учетом… гхм… планов Ивана. Воображение тут же начало подсовывать картинки, но Илья строго-настрого в который раз запретил себе думать о том, что будет происходить в его квартире завтра, пока он сам будет на радио. Кстати, «вот этим самым» в квартире Ильи никто никогда не занимался. Так что в каком-то смысле премьера завтра будет. Подавив немного нервный смех, Илья открыл дверь подъезда и, сощурившись на закатное солнце, вышел на улицу. Не успев пройти и десяток метров по дорожке, услышал знакомый голос:

– Меня не пускают!

Из-за кованого забора, опоясывающего элитный жилой комплекс, махал руками Иван Тобольцев.

Илья достал ключи и шагнул к ограде.

– Заходить будешь? – В принципе, ключи можно передать и так, через решетку забора. Но хотелось поговорить с Ваней.

– Конечно! Я же должен знать, куда идти!

И Илья пошел к входу на территорию комплекса – встречать своего гостя. Но первым успел Сатурн. Только услышав голос Ивана, он стал рваться с поводка. А увидев – начал повизгивать.

– Приве-е-ет, – Ваня тут же присел перед песиком на корточки, запустил пальцы в шерсть. – Так вот ты какой, Сатурн.

Шпиц тут же завалился на бок, подставляя всего себя на предмет почесывания. Таким Илья своего питомца давненько не видел. Да и Ваня рядом с Сатурном выглядел ребенок ребенком.

– Эх… – Иван наконец оторвался от своего увлекательного занятия поглаживания пса и встал на ноги. Но взгляда от собаки не отрывал. – Ты, дружище, ко мне на руки не пойдешь, наверное. Но ничего, завтра мы познакомимся получше.

Всю степень Ванькиных заблуждений Сатурн ему продемонстрировал у подъезда, встав передними лапами на Ванину кроссовку. Иван рассмеялся, а потом вопросительно посмотрел на Илью:

– Можно?

– Конечно, – улыбнулся Илья.

Таким образом, путь до квартиры Сатурн преодолел на Ваниных руках. В квартиру Иван заглянул мельком, зато тщательно выслушал, как обращаться с замками. И, торопливо попрощавшись, но не упустив случая почесать Сатурна за ухом, был таков.

* * *

Все случилось неожиданно. Вернее, ожидаемо. Короче, как всегда. Когда Таня всех дергала на предмет имени загадочного исполнителя, ей отвечали: «Успокойся, с тобой свяжутся». На все ее слова о том, что необходимо подготовиться, – отмахивались. Мол, время еще будет и не дергайся. Шеф, как и обещал, улетел, Таня с Женечкой исправно вели эфиры и ждали звонка. Таня до дыр заслушала записи на флешке. А было их десять, совершенно разных, от Шопена до Рахманинова. Тане очень хотелось познакомиться с этим музыкантом. Он волновал воображение. Тане не просто хотелось его увидеть, ей хотелось с ним поговорить. О чем думает человек, который так играет? О чем мечтает? Что читает? Чем увлекается? Из чего состоит его день?

В один из вечеров она даже начала набрасывать в блокноте вопросы. Знала, что многое для эфира не годится – слишком личное, не для аудитории всей страны. Но вдруг после интервью можно будет перейти на простое человеческое общение? Вдруг у него найдется время спуститься в кафе? Вряд ли, конечно, у такого человека наверняка все расписано по минутам. Но помечтать же можно.

А потом все произошло в лучших традициях классической комедии положений. Из аэропорта позвонили родители. Они приземлились, но оказалось, что ключей от дома у них нет. Таня родителей успокоила, заверив, что эфир поздний, поэтому папу с мамой она дождется и даже успеет пообщаться. А потом позвонил Женечка и сказал, что нарисовался тот самый продюсер и что эфир через полтора часа.

– Какой эфир?! У нас же в шесть вечера сегодня!

– Б-был. Н-н-но этот п-продюсер с-с-сказал, что в-в-все обговорил с ш-ш-шефом в-вчера. Я з-з-звонил, ш-шеф недоступен. А-а-а гости едут. М-меняем эфир н-н-на дневной.

– Мы не готовы! Я даже не знаю, как их зовут! Я вообще не готова!

Таня начала бегать по квартире, думая о том, что выезжать надо максимум через пятнадцать минут. Родители не успеют добраться.

– Я уже н-н-на месте. С-сейчас н-начну в сети искать и-и-информацию. П-п-приедешь – изучишь.

– Хорошо.

Женечка отключился. Таня села на диван. С ума сойти. Надо что-то делать с ключами! Быстро набрала брата.

– Привет! – раздалось жизнерадостное приветствие.

– Слушай меня внимательно, – быстро заговорила Таня. – Родители в аэропорту, скоро приедут домой. Ключи они забыли, поэтому им надо будет их передать. Придется сделать это тебе.

– Я не могу! Тань, у меня тут…

– Ничего не могу поделать, – она не дослушала брата. – Я через десять минут уезжаю, у меня срочный эфир, вызвали.

Сказала и отключилась. Надо быстро собираться.

Спустя четверть часа Таня Тобольцева перекидывала ногу через сиденье мотоцикла и надевала шлем, а еще через полчаса она уже бежала по длинным коридорам радиостанции. Женечка с бумагами в руках ждал ее у дверей студии, куда пока было нельзя. Шел эфир, за столами сидели другие диджеи, а у Тани оставалось примерно тридцать минут, чтобы подготовиться.

После обмена поцелуями она взяла листы и начала быстро читать.

Имя – Илья Королёв. Теперь она знает имя. Шок, вызванный внеочередным срочным вводом, постепенно проходил, уступая место сосредоточенности на материале, и ТТ ощутила

легкое волнение. Вот оно! Меньше чем через час она увидит удивительного музыканта, они будут сидеть вместе в студии и беседовать.

Итак, его зовут Илья Королёв, он выиграл конкурс имени Чайковского и получил еще ряд престижных музыкальных премий. В послужном списке нет, пожалуй, только «Грэмми». Учитель – Виктор Рудольфович Самойленко. Что-то она слышала об этом человеке, потом дополнительно посмотрит. Выпущено четыре альбома. Двадцать лет и четыре альбома? Стоп. Двадцать лет?! Всего двадцать лет? Он же еще совсем… В свои двадцать четыре Таня казалась себе уже вполне неплохо знавшей жизнь, а двадцать лет – это ровесник брата. Это студент. И четыре альбома… Так, что дальше? Готовится балет. Вот оно. Балет с Элиной Самсоновой. Ничего себе! Это звезда мировой сцены. Ее называют второй Плисецкой. А у них балет. Теперь понятен смысл заказа. Не просто интервью – реклама. Все правильно. Илья Королёв, двадцать лет… И так сыграть Рахманинова… Заставить влюбиться в себя одной лишь игрой. Что дальше?.. Дальше были отрывки из разных интервью. Таня сканировала текст глазами, пытаясь найти и запомнить самое интересное.

Вскоре от чтения пришлось отвлечься, так как в коридоре появился гость. Таня подняла голову от бумаг и сразу подумала, что это продюсер. У нее за время работы на радио глаз на таких людей наметан. Продюсер Тане не понравился. На Женечкино радушие он ответил так, будто снизошел. И вообще вид имел недовольный и заносчивый. Таня дежурно улыбнулась.

– Добрый день, я Татьяна Тобольцева, скоро мы пройдем в студию и начнем эфир.

– Честно говоря, не ожидал подобного беспорядка от вашей радиостанции, – ответил мужчина вместо приветствия.

– Не беспокойтесь, – постаралась утихомирить гостя Таня, – произошло небольшое недоразумение. Эфир пройдет идеально, мы профессионалы.

– И-и-идеально, – повторил Женечка, желая вселить уверенность в продюсера.

Тане показалось, что тот сейчас выразительно закатит глаза, мол, «еще и заика». Может, он бы так и сделал, но зазвонил телефон. Антон Голованов (Таня прочитала имя в информации, подготовленной Женей) быстро нажал на соединение и по последовавшему вопросу «Тебя выйти встретить?» поняла, что Илья Королёв приехал. Сердце начало биться в учащенном режиме.

Ему все лишь двадцать лет.

А потом она подумала, что ее подвело зрение, потому что в конце длинного коридора появился… маньяк… Тот самый маньяк, который преследовал Таню совсем недавно. Не-е-ет… Как он сюда попал?! Как его пропустили?! Почему именно сейчас? Когда ожидается такой гость? Такой эфир? Маньяк шел по коридору уверенно и даже как-то сосредоточенно. Одет официально, костюм, галстук… очень даже хорошо одет… и выглядел даже не как маньяк… Только куда от него спрятаться?

Состояние нереальности происходящего накрыло Таню, и она стояла не шелохнувшись, смотрела, как человек идет по коридору. А коридор казался бесконечным. Таня смотрела на маньяка не дыша, а он на нее не смотрел и, подойдя, повернулся вдруг к Антону, пожал ему руку, даже что-то сказал. Таня не расслышала, что именно. Потом заговорил Антон:

– Илья, знакомься, это наши диджеи – Татьяна и Евгений.

Илья… раздалось эхом в голове. Его тоже зовут Илья… Или?! Понимание пришло не сразу, потребовалось время, за которое маньяк успел пожать руку Женечке, Женечка расплыться в улыбке. Тане вежливо кивнули и знакомым голосом спросили:

– Через сколько начинаем?

Спросили не ее. Ей только кивнули.

– Ч-ч-через пять минут, – ответил Женечка, посмотрев на часы. – П-п-пойдемте в студию.

Они пошли. Таня следовала за всеми как во сне. К такому она готова не была. Потому что такого просто не может быть. Руки и ноги стали ватными, голова отказывалась думать. Как

вести эфир, ТТ не знала. Потому что у Женечки от стресса срочного включения и волнения случилось вполне прогнозируемое заикание. Значит, вся беседа на ней. А как разговаривать… с ним? После всего того, что произошло? Как?!

Они зашли в студию. В эфире крутилась песня. Диджеи, закончившие смену, приветствовали вошедших, уступили им свои места и покинули помещение. Женечка гостеприимно рассаживал Антона и Илью, раздал им наушники.

Таня молча опустилась на свое место. Песня подходила к концу, говорить ТТ не могла, поэтому вместо приветствия поставила рекламный блок. Надо как-то взять себя в руки. И на это есть всего несколько минут. Соберись! На гостей Таня не смотрела. Гости, во всяком случае один из них, на нее тоже не смотрели.

– А м-м-мы слушали ваши записи, – старательно создавал неформальную обстановку Женечка. – Особенно Т-т-таня. Он-н-на вообще б-б-была в восторге. Г-г-говорит, г-г-гениально.

После этих слов Илья все же на нее посмотрел:

– Правда? Польщен.

Она молча кивнула головой. Ему не может быть двадцать. У него глаза взрослые, и вообще… Эфир, надо думать про эфир.

– А вы не поете? – обратился Илья к Женечке.

– П-п-пою, н-н-но среди друзей. В-в-внимание, н-н-начинаем.

Ни пуха.

– Добрый день, и до самого вечера с вами мы – Таня Тобольцева и Жека Сургучев. Летняя жара по прогнозам подходит к концу, нас ожидают дожди, но это не повод унывать. Сегодня у нас замечательный день и не менее замечательное событие. Мы вводим новую рубрику. «Классика – музыка на все времена». В связи с этим тема эфира: «Что такое классика для вас?» Ведь и джаз можно назвать классикой, и рок. Так что же такое классика? А пока вы думаете, что нам ответить, мы открываем наш час самой классической классикой. Сергей Рахманинов, «Вокализ» в исполнении победителя конкурса имени Чайковского, победителя конкурса Шопена, одного из самых талантливых пианистов нашего времени Ильи Королёва.

Женечка поставил «Вокализ». Таня сглотнула. Она почувствовала, что руки у нее вспотели, но голос, кажется, звучал вполне уверенно и бодро. Это хорошо. Только внутри все дрожало. Краем глаза она заметила, как продюсер довольно кивает в такт мелодии. Музыку, которая пойдет в эфире, они не успели согласовать, но, кажется, с выбором не промахнулись. Таня написала Жеке, какие еще композиции надо подготовить. Спасибо тем записям, которые она заслушала до дыр и которые сейчас давали ей возможность быстро ориентироваться. Потом сняла наушники и повернулась к гостю. Надо было обговорить некоторые моменты предстоящего интервью.

– Я читала несколько выдержек из разных ваших интервью, составила список вопросов, посмотрите.

Она передала Илье лист бумаги. Он быстро пробежался по тексту глазами, затем сказал:

– У меня есть список ответов.

И голос ровный-ровный. Безмятежный. А ее внутри всю трясло. И самое трудное было – сохранить деловую интонацию.

– Список не нужен. Сейчас все озвучим в эфире.

«Вокализ» подходил к концу, Таня снова надела наушники.

– Согласитесь, что слово «классика» нас зачастую пугает. Все, что называется классическим, сразу кажется скучным и унылым, но это не так. «Вокализ» современен, он звучит настоящим саундтреком к кино. У нас в гостях исполнитель этого произведения, Илья Королёв. Добрый день, Илья.

– Добрый день, Татьяна и радиослушатели. Спасибо за приглашение.

– Раз мы начали нашу встречу с Рахманинова, скажите, как по-вашему, насколько актуален этот композитор?

– Сейчас его время. Примерно сто лет нужно людям, чтобы понять, где нот коснулась рука гения. Поэтому сейчас наступает время Рахманинова, я в этом уверен. Он, как и все великие люди, смотрел очень сильно вперед. И теперь он говорит с нами и о нас.

Двадцать лет. И такой ответ. И он совсем не похож на маньяка. И надо отвечать. Таня не смотрела на гостя. Они начали беседу, находясь рядом, но не глядя друг на друга. Как же сложно продолжать разговор! Но слова при этом лились сами…

– Да, мне тоже так кажется. Удивительно, как музыка умеет разговаривать. И тут очень важную роль играет не только композитор, но и исполнитель. Исполнитель пропускает музыку через себя. Если он этого не сделает, то получится не разговор, а механическая передача звука. Как вы работаете над исполнением произведения? Видите какие-нибудь картины в своем воображении или, может, целые истории? Я слышала, некоторые музыканты представляют себе некий сюжет, например, зимний вечер, ссору или разлуку. Они исполняют именно этот момент, вкладывая в него свои личные эмоции. Как это происходит у вас? О чем вы думаете, что видите, когда исполняете «Вокализ»?

Илья с удивлением слушал собственный голос. Странно было слышать его вот так, из наушников. Но дело было не в этом. А в том, как он отвечал на вопросы.

Выучен же был Антоном, как вести себя с интервьюерами. Да и собственное понимание имелось. Но когда увидел, кто будет задавать вопросы…

Как сказал его новый преподаватель со старой фамилией, Марк Рудольфович, во время собеседования: «Один раз – случайность, два раза – совпадение, три раза – закономерность, десять раз – повторите опыт, занесите данные в таблицу, определите среднее значение и посчитайте погрешность». Ему уже пора начинать чертить таблицу? Погрешность. Погрешность, господи…

Илья поймал на себе немного удивленный взгляд Антона и кивнул ему – мол, все в порядке. Лучше смотреть на Антона. На этого смешного парня… Жеку… Как может быть такое имя у человека с таким интеллигентным лицом? На кого угодно, хоть на плакат с Майклом Джексоном на стене. Только не на нее.

Ты погрешность, Таня, ты в курсе?

Боже, как несвоевременно отказали мозги и выдержка. Прямой эфир же. А он несет что-то несусветное. Точнее, эта девочка из него это все вытаскивает. Просто одним своим присутствием. Так у нее еще и вопросы как на подбор. А ведь мог бы подготовиться, список-то тебе дали посмотреть перед эфиром. Но он и не разглядел там толком ничего, главным было собрать себя. И не пялиться на ее голые колени.

Следующий вопрос свел на нет все благие намерения Ильи давать обтекаемые нейтральные ответы из серии «ни о чем».

Антон его убьет. И будет совершенно прав. Но не ответить Илья просто не мог.

– Знаете, меня очень забавляет эта интерпретация, – Илья чувствовал какой-то странный азарт. Он наконец рискнул посмотреть на Таню. И вопреки достаточно ровному и уверенному голосу глаза ее смотрели напряженно. Значит, чудят они тут вдвоем? – Музыка – это не пятна Роршаха, не клякса, к которой надо сочинить историю. В музыке уже заложено все. Композитором. Ее надо услышать. С ней можно – и нужно – поговорить. Это и называется в вашем вопросе – личные эмоции. Это разговор. И он каждый раз – о разном. Но в случае «Вокализа» это всегда беседа о вечном.

Тихонько выдохнул. Продышаться ему не дали. Вопросы следовали с пулеметной скоростью.

– Я читала одно интервью, в котором вы рассказываете про цветные ноты. Что это такое? Значит, все-таки есть разноцветные пятнышки? Не кляксы, но маленькие горошины-ноты, которые потом складываются в музыку?

Илья снова повернул голову в сторону своего интервьюера. Еще десять минут назад он не мог на нее смотреть. Теперь же хотел убедиться, что она вообще понимает, что говорит. Ты меня провоцируешь, Татьяна Тобольцева? Ты это специально делаешь? Краем глаза увидел, что Антон трет горло, что означало у него волнение. Но уже не до Антона. В кои-то веки, внезапно и без предупреждения у всегда выдержанного Ильи Королёва отказали тормоза. И, что характерно, не за роялем.

– Ну что вы, Таня, какие кляксы и горошины? – теперь он не мог не смотреть ей в глаза. Они притягивали. И, не отводя взгляда от ее лица, плавно развел руки в стороны. – Это радуга. Полная радуга звуков.

И главный цвет в ней – синий. А белый – это вообще все цвета сразу. Ты понимаешь, о чем я?

Судя по тому, как сузились глаза-звездочки, она понимала. Судя по последовавшим словам – поняла что-то не то.

– До – красный, до-диез – бордовый плюс резкость, си – голубой, си-бемоль – темно-синий плюс глубина, – ее взгляд был какой-то… яростный. Будто она спрашивал с Ильи за что-то. Упрекала. Требовала. И то, что она так хорошо знакома с его ответами в других интервью, просто окончательно выбивало почву под ногами. А Таня его добила, выпалила почти обвиняюще напоследок: – Это не радуга, это, простите, Матисс.

Все. Он не выдержал. И расхохотался. Матисс, вы подумайте, Матисс. Какая у нас высокоинтеллектуальная беседа получается, Татьяна Тобольцева. Осталось вспомнить Шопенгауэра и Эйнштейна.

– Я прощу, а за Матисса не ручаюсь. – Улыбка никак не желала уходить с лица. – Музыка состоит из семи нот, спектр – из семи цветов. Помните подсказку по цветам – каждый охотник желает знать… – Есть что-то совершенно чудовищно садистское говорить вот так, глядя в глаза. Ты словно голый, и ничего не спрячешь. Но никто первый не сдается и взгляда не отводит. И ты продолжаешь: – А дальше – воля и фантазия творца, как эти ноты и цвета соединить. С какой музыкой у вас ассоциируется Матисс?

Зрительный контакт все же пришлось прервать. Антон резкими движениями продолжал тереть горло. Второй диджей делал какие-то пассы руками, словно маг-недоучка. Таня напротив моргнула, словно очнувшись. И ровно произнесла:

– Прокофьев. Но поставим мы сейчас Шопена.

И словно из тепла дома – на улицу. Где ветер, дождь, сыро. И надо кутаться в пальто и шарф. Что ты улыбаешься, Илюша, как идиот? И кому? Это всего лишь интервью. Это всего лишь погрешность.

Нечего душу выворачивать. Устроил тут душевный стриптиз в прямом эфире.

Самовнушение помогло. Обернулся к Антону, улыбнулся ему, одними губами сказав: «Не волнуйся, все в порядке». По крайней мере, горло импресарио оставил в покое, отхлебнул воды из бутылки, улыбнулся скупо в ответ. А Шопен неплох. Честно Илья премию Шопеновскую заработал.

Вот об этом и думай. О работе. Тем более о ней спрашивают.

– Сейчас мы перейдем к вашей премьере.

Ну и что, что мы временно не в эфире. Маска на лицо уже надета.

– Давайте перейдем, – пожал плечами.

– Да-да, об этом надо обязательно поговорить! – Антон наконец отмер. Принялся активно жестикулировать. – Это такое событие, вы же понимаете? Творческий дуэт ярких молодых

звезд, это надо правильно подать, вас предупредили? Вы читали материалы, что вам присылали?

Илья уставился на короля поп-музыки на стене. Когда Антон начинает продавливать собеседников – это утомительно для всех, кроме Антона. Оба ведущих что-то ему пытались отвечать, но у Голованова уже включился режим активного монолога. Надо спасать диджеев.

– А Шопен – это Ван Гог, – голос уже звучал привычно, нормально, не запальчиво и не эмоционально. – И его… – бросил косой взгляд на платье одного из диджеев – уж не Жеки, понятно. – И его подсолнухи.

– Глупость. Шопен никакой не Ван Гог. Ван Гог – это Стравинский. А Шопен – это вообще акварель.

Замолчали и уставились на девушку в платье в подсолнухах все находящиеся в студии – не только Илья. «Вот только дискуссии о живописи нам сейчас не хватало!» – явственно читалось по лицу Антона. Он еще что-то пытался добавить про этуаль и Парижскую оперу, но тут Шопен кончился, и всем пришлось снова надеть наушники.

– Скоро будет премьера балета «Слушая любовь» на музыку Шопена. Главную партию в нем исполнит этуаль Парижской оперы и прима Большого театра Элина Самсонова. Вы будете аккомпанировать. Очень необычная идея. Расскажите немного об этом проекте.

Антон всем своим видом выражал одобрение и оживление и не сводил внимательного взгляда с Ильи. Ну, ради этого же все и затевалось. А не для разговора о бемолях и Матиссах. Это было так, для разогрева. В общем, отрабатывай, Илюша, отрабатывай, что должен.

– Этот проект – результат усилий нескольких людей, – начал Илья спокойно говорить заученный ответ. – Мы надеемся, что получится интересно. У нас уже были совместные репетиции с Элиной, творческий контакт есть. Когда случаются общие проекты – выступления с оркестром или вот как сейчас – пианист и балерина, ключевое слово – доверие. Оно у нас есть. Доверие и одинаковое понимание того, что происходит на сцене. А значит, результат должен быть.

– Для музыкальной Москвы это обещает стать знаковым событием – соединение двух таких имен. Мы приглашаем всех наших слушателей на премьеру, которая состоится очень скоро, через неделю, в пятницу, в Большом. Ждем всех. – Антон довольно закивал, а Татьяна продолжила: – И последний вопрос. Известно, что для танцовщика важны ноги, а для пианиста руки, пальцы. Это ваш инструмент. Есть ли специальные упражнения? Как вы оберегаете свои руки? И что вы чувствуете, когда касаетесь клавиш?

И все-то вам надо знать, Татьяна Тобольцева. А вслух он сказал:

– С руками все на самом деле очень просто. Вы правильно сказали – это рабочий инструмент, и его нужно держать в порядке. Мне хватило одного раза, когда я в подростковом возрасте из упрямства решил поиграть на пляже в мяч. Итог – выбитый палец и невозможность играть три месяца. Больше я таких ошибок не повторял. Комплекс упражнений есть, и не один. Мог бы показать кое-что, но, боюсь, наши радиослушатели не оценят. А что касается чувств… Знаете, есть выражение – «ног не чуя под собою»? Я не чувствую рук. Я чувствую… рояль. Мы как бы становимся с ним одним целым. Наверное… – Да какого черта его опять тянет на стриптиз?! Илья понял вдруг, что за столь короткое интервью устал, как за трехчасовой концерт. Но, заставив себя вспомнить, что обычно отвечает на такие вопросы, докончил бодро: – Это, конечно, достигается долгими занятиями – чтобы не думать во время игры, где и что делают твои пальцы.

– Пришло время прощаться с нашим гостем, – послышались завершающие слова интервью. – Спасибо, что пришли, спасибо за интересную беседу. Приглашаем всех радиослушателей на премьеру, ну а вам желаем удачи. Сейчас я предлагаю послушать «Август» Петра Ильича Чайковского в вашем исполнении.

Ну вот и все. Но не успел Илья выдохнуть, как его приложили:

– Врун! – И не успел Илья ничего ответить, как девушка добавила обличительно: – Играют не пальцы.

В студии молчали все. Только Татьяна Тобольцева сверлила Илью Королёва какого-то черта сердитым взглядом. Да что он сделал-то?!

Когда молчание стало совсем неприличным, Илья решил, что придется именно ему это молчание разрушить.

– Да, точно, играют не только пальцы, – Илья сложил руки на груди, наклонил голову, разглядывая девушку напротив. На что гневаемся, боярыня? – Еще же есть ноги. И педали.

На какую-то секунду Илье показалось, что сейчас он снова схлопочет. Но не шлемом, а рукой. Темные глаза – не звездочки, а пара Звезд Смерти – гневно сверкнули.

– Конечно! – фыркнула она. Хотела еще что-то добавить, но тут в себя пришел Антон. Встал, церемонно поблагодарил, взял Илью под локоть и стал подталкивать к выходу.

– Спасибо вам за интересный разговор, – это Илья сказал, уже стоя в дверях, глядя куда-то в пространство между диджеями. А потом, уже персонально – да ну к черту это нелепое имя – Евгению: – Пение не забрасывайте. Вокал очень помогает при логоневрозах.

И они наконец откланялись.

– Чокнутые какие-то, – подвел итог Голованов, едва они оказались за дверью студии. – Так, эту радиостанцию – в черный список. Ты как?

– Я в порядке, – ровно ответил Илья. Как у Антона все просто – не понравилось, так в черный список их, и все.

– Ну, главное, рекламу нам сделали. – Импресарио включил телефон, и он тут же затрезвонил. – Да, слушаю.

Илья помахал Антону и направился к лифту.

По дороге домой эмоции, которые удалось взять под контроль в конце беседы, вдруг вырвались на волю. Он начал вспоминать, прокручивать весь разговор – и неожиданно захлестнуло. Даже и не поймешь сразу – чем. Всем сразу.

Вот что ты лезешь ко мне, а? Зачем лезешь в душу, зачем делаешь вид, что тебе интересно? Зачем ты заставляешь открываться тебе? Что тебе от меня надо?! У тебя есть тот, за которого ты там куда-то собралась. Вот и иди туда, к нему. А меня – меня оставь.

Эмоции были такими острыми, как он давно себе не позволял. Он давно себе запретил. Чего-то ждать и что-то чувствовать. И вот – вернулось.

И больно.

Он со всей силы приложился головой о руль. Послушный немецкий автомобиль отозвался ревом клаксона. Илья зашипел от досады. Не хватало еще для полноты картины ДТП устроить. Тогда одним «сынок» не обойдешься.

Надо успокоиться. Вспомнил о дыхательных упражнениях, попытался применить. Не помогло. Ему нужен Бах. Или Малер. Да, точно, Малер.

Но когда Илья добрался до дома, ему оказалось не до Малера. Точнее, до Малера, но совсем не в том смысле.

* * *

Илья был настолько погружен в свои мысли, так охвачен эмоциями, что напрочь забыл о том, что у него… гости. Открыв дверь и шагнув за порог, он озадаченно уставился на яркие кроссовки немаленького размера. А потом услышал басовитое мурлыканье со стороны гостиной.

Ваня. Он же отдал запасные ключи Ване Тобольцеву.

Тут же Илья вспомнил, для каких целей Иван просил ключи. Ой, а если Илья не вовремя? Но, однако же, рядом с кроссовками не наблюдалось никакой женской обуви. А значит,

девушка уже ушла. Но все же в гостиную Илья заглянул с некоторой опаской. И его опасения подтвердились.

Такое ощущение, что по гостиной пронеслось племя половцев. В комнате, где всегда царил идеальный порядок, сейчас властвовал хаос. А посреди этого хаоса возлежал, как патриций, только на полу, Иван Тобольцев. Глаза его были закрыты, он что-то напевал, а на его ноге удобно пристроил мордочку Сатурн.

Идиллия просто.

Илья еще раз огляделся, словно не верил тому, что предстало его глазам. На полу какого-то черта то тут, то там валялись зеленые виноградины. На столе – его рабочем столе, где даже приходящей сотруднице клининговой компании было строжайше запрещено что-то трогать, – там было все ПЕРЕВЕРНУТО. Часть нот оказалась под роялем. Ноты. На полу. Илья сделал шаг, свет упал иначе, и на черной полированной крышке рояля отчетливо проявился отпечаток. И если бы женских губ.

Нет же, место к роялю было приложено совершенно противоположное.

На его рояле. Кто-то. Сидел. Голый.

И не просто сидел.

Что же вы за люди, Тобольцевы?! Одна в душу лезет непонятно с какими намерениями, другой рояль оскверняет.

Илья перешагнул через ноги в дырявых джинсах, достал из-под рояля ноты.

– Это же Малер. Ты знаешь, кто такой Малер?

Со стороны Илье показалось, что это говорит отец. Он несколько раз слышал, как Королёв-старший говорит таким голосом. От этого сразу начинают ныть зубы, хочется втянуть голову в плечи, а еще лучше – на месте аннигилировать.

Однако Иван не выказал ни малейшего намерения сделать что-либо из перечисленного.

– Нет.

Но глаза открыл и мурлыкать перестал. Сатурн перебрался Ване под бок, и тот тут же принялся его гладить. Однако пора эту идиллию нарушить.

– Встань.

– Зачем? – Сатурн принялся повизгивать от удовольствия, а Иван – улыбаться.

– Встань.

– Ну ладно, – вздохнул Ваня. Энергично потрепал шпица по холке. – Прости, друг, обстоятельства нас временно разлучают. – А потом встал во весь свой не мелкий рост и уставился на Илью. Со смешанным выражением недоумения и любопытства.

А дальше произошло то, за что Илье потом долго было стыдно. Но в него словно бес вселился. Или Малер.

– Сейчас я расскажу тебе, кто такой Малер. Это один… – первый шлепок нотами он влепил Ваньке прямо в лоб. – Из величайших… – дальше досталось левому плечу. – Симфонистов, – шагнул в сторону и вмазал нотами по тому месту, которым сегодня осквернили его рояль. И докончил свою просветительскую речь: – Двадцатого века!

Перевел дыхание и собрался еще донести мысль про дирижерскую карьеру великого австрийца. Но тут Ваня отмер и от очередного удара уклонился – пригнулся.

– Ты чё? – Иван смотрел на него совершенно ошарашенно. – Ну композитор, а я-то тут при чем?

А, о чем с ним говорить?! Да еще про Малера!

– А это – к твоему сведению – Модест Ильич! – Илья ткнул нотами в рояль. – Знаешь, кто это?

Иван повернул голову, но в указанном направлении его внимания удостоилось окно. Не обнаружив там никого, кого можно было бы назвать Модестом Ильичом, пожал плечами и переспросил:

– Где?

Илье оставалось только махнуть рукой. С нотами. «Квартет для фортепиано и струнных» занял положенное ему место на столе, а Илья достал из нагрудного кармана пиджака платок. Глубоко вдохнул, набирая полную грудь воздуха – и выдохнул на след женских – ой, да он вообще не хочет знать чьих! – ягодиц на крышке рояля. И принялся методично протирать, приговаривая: «Простите идиота, Модест Ильич». Закончив ликвидировать акт вандализма в отношении Модеста Ильича, выпрямился и соизволил предъявить гостю ультиматум.

– Я пойду на кухню. Выпью чего-нибудь… – подумал и добавил: – Молока. Холодного. И буду способен говорить. Но одно скажу тебе сейчас.

Выдохнуть. Вдохнуть и еще раз выдохнуть медленно. Главное – не орать. Пиано и пианиссимо гораздо эффектнее и точнее, чем форте и фортиссимо. И абсолютно отцовым тоном произнес:

– Никогда ни при каких обстоятельствах не трогай мой рояль!

На кухне уединиться не получилось. Едва Илья открыл холодильник, за спиной послышалась шаги.

– Ну ладно, ладно, не буду, – раздался знакомый басок. Невероятно, как можно говорить таким низким голосом и петь – таким высоким. – Ты сам вчера ничего про рояль не говорил! Только про собаку!

Не веря своим ушам, Илья обернулся с бутылкой молока в руке. А Ваня продолжил свои оправдания. Достоверности им добавляло то, что Сатурн сидел у него на руках.

– Ну вот я и выполнял твою просьбу. А где прикажешь? Он вообще из спальни уходить не хотел. – Шпиц преданно лизнул Ваньку в щеку, и тот рассмеялся. А потом снова придал лицу виноватое и даже страдальческое выражение. – Ну вот… а рояль оказался самое оно и вообще… короче… в общем… ну… ты не переживай, мы по-быстрому, и она убежала. Она твоей собаке не понравилась, и он все время под дверью сидел и гавкал, пока мы… ну… сам понимаешь. Это не собака, а полиция нравов. А рояль твой я сам протру.

И смех и грех. Все, вспышка гнева окончательно рассеялась, словно и не было ее, оставив после себя легкое чувство неловкости – прежде всего на себя – что так вспылил.

– Не смей! – все же попытался придать голосу строгости. Закрыл дверь холодильника и с изумлением обнаружил, что достал отнюдь не молоко. Это вообще не его бутылка. Вероятно, Ванина. Очевидно, спиртное.

Ноги наконец запросили пощады. И Илья опустился на стул. Посмотрел задумчиво на бутылку в своей руке. На треть всего опустошена. Видимо, не до мартини людям было. Хмыкнул.

– Какие еще поверхности в моей квартире вы ис… освятили своей любовью?

– Никаких! – Иван опустил Сатурна на пол, и тот тут же засеменил к своей миске. А Ваня продолжил с энтузиазмом: – Вон, кровать твоя нетронутая. Собака отличная! Рояль играет офигенно – я пробовал! Ой, прости! – заметив, как Илья нахмурил брови. – В общем, все отлично у тебя!

Ну и как на Ивана Тобольцева сердиться? Да и на сестру его тоже сердиться не получается. Тоскливо просто. Очень.

Отвинтил крышку, понюхал. А ничего так пахнет, не противно. Завинтил. И вспомнил про свой долг гостеприимного хозяина.

– Я рад, что тебе у меня понравилось. Чай будешь?

– Буду, – тут же с готовностью согласился Ваня и добавил: – Я пойду это… там виноград подберу. Ну… я уже говорил, твоей собаке девчонка не очень понравилась. Сатурн залаял, она испугалась, все из рук у нее посыпалось… Как же ты сюда девчонок-то водишь? С таким сторожевым псом?

Илья даже дыхание задержал. Невольно Иван затронул тему, которая была для Ильи очень… непростой. Кто-то сегодня на его рояле девушку… ну, скажем обтекаемо… целовал. А Илью за всю его жизнь целовали три женщины. Мать и две бабушки.

– Предпочитаю встречаться на чужой территории! – он старался, чтобы ответ прозвучал невозмутимо. Поставил наконец бутылку на стол и полез в шкафчик за чаем.

– А-а-а, – судя по тому, как это было произнесено, тон Ильи оказался для Вани вполне убедителен. – Да я тоже, но обычно у другой стороны тоже проблемы с местом. Так что порой приходится к себе. А вот Танька никогда никого домой не водила еще, это я точно знаю. У нее всегда чужая территория.

Красная жестяная банка выпала из его рук и с грохотом приземлилась на пол. Хорошо, что не раскрылась.

– Не рассыпалась? – Иван заглянул ему через плечо.

Да иди ты уже виноград убирать!

Но вслух удалось что-то невразумительное буркнуть. Подобрал банку и попытался вспомнить, зачем он ее вообще взял. Иван одарил его удивленным взглядом и отбыл на уборку. А Илья ничего полезного так и не сделал. Снова сел на стул и уставился на банку. Изучал слонов и затейливый цветочный рисунок, старательно отгоняя от себя мысли о… чужой территории Тани Тобольцевой.

Ваня вернулся довольно быстро. Сам нашел, куда выкинуть мусор, потом по-хозяйски порылся в шкафах, достал стаканы, применил стоящую на столе бутылку по назначению и протянул на две трети наполненный стакан Илье.

– Давай, тебе надо, я вижу.

Надо же, какой наблюдательный. Надо мне, Ваня, ты прав. Но не этого.

Щелкнул чайник. Оказывается, он успел его все-таки поставить.

– Мы же собирались чай пить… – Илья поразился, как неуверенно звучит его голос.

– Чай попьем, но сначала это. Давай! Сейчас полегчает! – В подтверждение своих намерений Ваня толкнул своим стаканом стакан Ильи и произнес тост: – За удачу!

В удачу Илья Королёв не верил. Он верил в методичный, ежедневный труд. Но здесь он не поможет. Так какая теперь разница?

Налитое он выпил до дна. Вкусно. И сразу стало тепло. И немного странно. Но вкусно и тепло – в первую очередь. И он протянул свой стакан Ивану со словами:

– Еще.

Второй был еще вкуснее. И от него стало еще теплее. Илья наконец убрал со своих колен красную жестяную банку.

– Ну его к черту, этот чай, – а потом приподнялся, перевернул под собой стул, сел верхом, оперся локтями и неожиданно в первую очередь для самого себя выдал: – А я сегодня встречался с твоей сестрой.

Для Ивана такое откровение стало, наверное, еще большей неожиданностью. Он так и замер с не донесенным до рта стаканом. Потом опустил его.

– Да? Где? Поругались, что ли? Ты чего такой расстроенный?

Поругались? Расстроенный? Нет, не те ты говоришь слова, Ваня, не те. Мы просто не сов-па-ли. Глобально. И летально.

– Она брала у меня интервью, – медленно проговорил Илья. Надо, чтобы Иван его правильно понял. Не надо, чтобы Иван его понял неправильно. Поэтому добавил: – На радио.

– А-а-а… – Ваня отставил в сторону бутылку. Илья проводил ее взглядом. Жаль. Вкусно же. И тепло. – Так это ее работа! Она у кого только не брала. Но у таких, как ты, которые с Чайковским и этим, как его… Малером, вроде нет. Чего это ее на классику потянуло?

Да, вот так вот. Ее на классику потянуло. А меня – на нее. Вот такое вот несовпадение вкусов. Бывает.

А с откровениями надо заканчивать. И так сегодня выдал десятилетнюю норму. Илья протянул руку, выудил из вазочки печенье, захрустел, собираясь с мыслями.

– В рамках культурного просвещения радиослушателей.

– О как! И как? Просветили? Знаешь, я, пожалуй, чай все-таки заварю, – Иван смотрел на Илью как-то очень пристально. – Я и бутербродов могу нарезать. Тебе поесть надо, ты, наверное, с обеда ничего не ел.

Хозяйственный какой. И заботливый. И черт с ними, с разбросанными нотами и виноградом. Хотя за Модеста Ильича обидно, конечно.

Илья снова поменял под собой положение стула, откинулся на спинку, вытянул ноги.

– Чувствуй себя как дома, – и рукой махнул. – А с твоей сестрой у нас состоялся крайне интересный разговор. Про Рахманинова и кляксы, – а потом хмыкнул и добавил: – Жаль, про Малера не успели. Ну, это я с тобой наверстал. Извини, что вспылил. Обычно я не бью людей нотами. По крайней мере, Малером.

Извинился внезапно, но на душе стало легче. И он с удовольствием наблюдал за хлопочущим на кухне Ваней.

– А чем ты обычно бьешь людей? – поинтересовался тот, ловко орудуя ножом.

– Музыкой.

– Слушай, вариант! – Иван поставил перед Ильей тарелку с бутербродами, удивительно аккуратными на вид. – Ешь давай, борец!

Бутерброды оказались не только красивыми на вид, но прекрасными по содержанию. Илья понял, что и в самом деле проголодался.

– Очень вкусно! Дашь рецепт?

– Чего? – Ваня расхохотался. – Бутерброда? Мясо и хлеб. Слушай, ты пить совсем не умеешь. Но ничего, это поправимо. Я тебя научу. А сейчас просто ешь.

Илья и сам понимал, что спросил глупость. Но так приятно иногда побыть глупым. Глупым не так больно. И Ваня прав – пить Илья не умеет совсем. Может быть, и не стоит учиться. А может быть, и стоит. Все эти умозаключения казались ужасно сложными, поэтому он вернулся к бутербродам и чаю. А у Вани зазвонил телефон. Разговор вышел краткий.

– Да… ты где?.. Понял… конечно… скоро буду!

Иван отключился и встал на ноги.

– Слушай, мне пора. Я так и не понял, что у вас там за интервью было, но мне сестру еще забирать из бара. Она на мотоцикл теперь не сядет. В общем, я пошел, а ты все бутерброды доешь, просветитель, и чаем не забудь запивать.

Наклонился, потрепал Сатурна за ушком.

И ушел – захлопнув дверь за собой.

В полной тишине Илья дисциплинированно доел бутерброды и допил чай. Вышел в прихожую, запер дверь. Постоял задумчиво в прихожей. Что-то важное Иван сказал про телефонный разговор с сестрой, но смысл этих слов ускользал. И нестерпимо хотелось спать.

Он не дошел до спальни. Сел в гостиной на диван, долго смотрел на рояль. А потом завалился на бок и мгновенно отключился.

* * *

Ну и денек выдался!

Ваня Тобольцев спешил к метро. Что произошло на этом интервью, он так и не понял, но то, что что-то произошло, – это точно. Сестра никогда не позволяла себе спиртное, если садилась за руль, а тут не просто позволила. Голос по телефону был очень странный. Да и умник пришел… Нет, тот вообще по жизни странный, но сегодня был еще и расстроенный.

Даже уходить не хотелось, в том смысле, что надо было его сначала спать уложить, а потом уже идти. А то мало ли что? Но сестра позвонила. И выбора у Вани не осталось.

Да и свидание получилось скомканное. Он планировал все чин чинарем, но Таньку срочно вызвали (на это самое интервью, наверное), а родители без ключей, пришлось звонить красотке и передвигать встречу на более поздний срок. Та, естественно, надула губы. «У тебя есть более важные дела, чем я». В общем, пока одно, пока другое, пока встретил отца с матерью, пока добрался, открыл мартини, помыл виноград… Квартира красотке очень понравилась, оно и понятно. Она сразу стала допытываться, кому принадлежат такие крутые хоромы, но удалось отшутиться. Дошли до главного – Сатурн завыл. В глубине души Ваня был уверен, что собака вполне может вести себя прилично, просто ему не понравилась данная конкретная девчонка, вот и все.

Когда позже Ваня лежал на полу и гладил шерсть песика, он как раз размышлял на тему: стоит доверять интуиции Сатурна или нет. И склонялся к тому, чтобы довериться. У собак нюх – обзавидоваться можно.

А вообще, хорошо, что с умником мартини он всего лишь пригубил и с девчонкой выпил чисто символически, да и выветрилось все уже, поди.

Эту мысль про мартини Ваня Тобольцев вспомнил позднее, когда прибыл в бар и увидел сестру. В таком состоянии он ее припомнить не мог. Нет, было пару раз, конечно, после вечеринки в честь дня рождения и по поводу первого Ванькиного подвального концерта. Тогда они закатили знатную гулянку! Но чтобы после эфира… к тому же в день прибытия родителей из теплых краев, чтобы предстать перед их соскучившимися лицами в таком состоянии… Да, дела…

– Ну, и чем ты тут без меня баловалась? – поинтересовался Ваня, присаживаясь рядом.

– Текилой, – сказала сестра и долизала с руки оставшиеся крупинки соли. – Тебе не предлагаю, потому что кому-то из нас двоих садиться за руль, и это явно не я.

– Это явно не ты, – согласился Ваня и поднял руку, призывая официанта. – Колись, в честь какого события у тебя тут батарея стаканчиков числом пять?

– Эфир был трудный. Вот понимаешь, совсем ужасный. Думаю, уволят меня на… совсем, короче, уволят. И рекламодатель ушел недовольный. А рекламодатель этот, Ваня, очень крутой продюсер. А я все запорола, – тут она шмыгнула носом и в глазах появились слезы, – потому что пришел один… придурок… с которым простым человеческим языком разговаривать не получается.

– Да, – вздохнул Ваня, – с ним простым человеческим вообще не вариант.

– С кем? – Таня подняла голову.

– Ну, с придурком. Ты же про него говорила? Но вообще, он может быть даже очень неплохим человеком, поверь.

– Ой, что-то я совсем запуталась, Вань. Ты сейчас о чем?

– О том, что пить в одиночестве вредно.

Подошел официант, Тобольцев попросил расчет.

Когда они встали из-за стола, выяснилось, что Таня не очень твердо стоит на ногах.

«Эту тоже надо учить пить», – пронеслось в голове. Впервые в жизни Иван Тобольцев почувствовал, что может кого-то чему-то научить. Хоть курсы открывай.

– Надевай, – протянул он сестре шлем.

– А ты?

– А я так.

Чего уж теперь? Все равно рулить без прав придется на свой страх и риск. Так что одной проблемой больше, одной меньше – не принципиально.

Он сел на мотоцикл, Таня устроилась за его спиной и обняла.

– Держись крепче, – сказал Ваня сестре и повернул ключ зажигания.

* * *

Лица родителей Таня видела как в тумане. Ведь совсем по-другому планировала день. Ждала маму и папу, ждала шумного вечернего ужина, их рассказов, подарков. Таня знала, что они обязательно привезут подарки, и пусть давно уже выросла – все равно было здорово получить какой-нибудь сюрприз. Таня была уверена, что папа нащелкал кучу потрясающих кадров. Хотя многое можно увидеть в соцсетях, выкладывал он далеко не все. Столько было планов! А вот теперь она стояла в прихожей и не знала, что сказать.

– Что случилось? – мама, как всегда, впереди планеты всей со своей интуицией.

– Трудный эфир, – ответил вместо Тани Иня. – Что-то там с рекламодателями.

Из кухни в прихожую подтянулся папа, увидел дочь и сказал:

– Пойдем горячего чайку выпьем. Мама к тому же такую курочку запекла – самое лучшее средство от злых рекламодателей.

Сказал и раскрыл руки, и Таня, как в детстве, уткнулась ему лицом в грудь, а отцовские руки, самые сильные и самые надежные, укрыли от всего мира. И тут Таня сделала то, чего не делала с самого детства. Она разрыдалась в отцовских объятиях.

Так было в семь лет, когда упала на асфальте и сильно поранила коленку, в двенадцать, когда не прошла на танцевальный конкурс от школы, в пятнадцать, когда провалила годовую контрольную по алгебре, и вот теперь – когда поняла, что ничего у нее не получится с Ильей Королёвым, человеком, который заставляет разговаривать рояль. Он смотрел на нее с таким снисхождением, мол, что ты, Таня Тобольцева, можешь в этом понимать?

А она понимала! Но теперь не объяснить уже. Все кончено. И может, даже уволят. А и к лучшему.

Откроет кружок танцев для всех желающих.

Ваня с мамой ушли на кухню, Таня слышала звуки гремящей посуды и чувствовала, как ее гладят по голове самые лучшие руки на свете.

Глава 5

Есть такие женщины, которых видишь, и все – мозг отшибает полностью.
Ваня Тобольцев (Иня)

С той девчонкой, которая не понравилась Сатурну, пришлось расстаться, зато на горизонте появилась новая и, пожалуй, даже симпатичнее. Больше всего в ней Ваню привлекла абсолютная свобода отношений. Погуляли-поболтали и – «Пока, чувак!». В общем, полное его отражение. И Маша, так ее звали, не имела ничего против встреч в подвале. Перед романтической частью решено было заглянуть в супермаркет – купить чего-нибудь вкусного. Пока ходили мимо полок, позвонил Эдик-мажор и обрадовал, что подвал на ближайшие часа два занят.

– Вот блин, – Ваня застыл перед полкой с одноразовой посудой.

И зачем она ему теперь, когда такой облом? Потом взгляд Ини спустился ниже и уперся в порционные пакетики с собачьим кормом. «Если ваша собака гурман», – прочитал он.

А дальше целое меню: и для щенков, и для молодых псов, и для уже старых собак.

– Ты чего тут застрял? – Маша потянула Ваню за руку. – Все равно на ближайшую пару часов любовь не светит.

– Погоди, – он высвободил руку, взял один из пакетиков и принялся внимательно его изучать.

Мягкий, мясо, паштет. Если верить напечатанной на обороте рекламе, сам тает во рту, даже жевать не надо.

Ваня быстро достал телефон и набрал номер. Умник ответил не сразу, но все же ответил.

– Привет, Ваня.

– Привет! Ты дома?

– А мы разве договаривались о встрече у меня?

Вот что за человек! Его спросили: дома или нет? А он вопросом на вопрос. Ваня поставил пакетик на полку и почесал за ухом.

– Да нет, просто я тут корм для собак увидел, для возрастных. Написано, что новинка. Думал купить твоей собаке.

– И какое это имеет отношение к тому, дома ли я?

Да или нет?! Тролль несчастный!

– Ну, я мог бы его купить и тебе завезти. Так ты дома?

– Нет, у меня совместная репетиция. Но ты завези, если можешь, у тебя же ключи есть.

«Йессс», – пронеслось в голове Вани, и он еле удержался, чтобы не сделать характерный жест рукой. Все ништяк!

– Конечно! Вообще без проблем! – жизнерадостно заговорил он в трубку. – Я пока один возьму на пробу, если Сатурну понравится, то еще подкуплю.

Он схватил корм, девчонку и двинул к кассе, по пути захватив еще и шоколадку.

– Ты куда так торопишься?

– Я нашел квартиру.

В квартире повторился прошлый сюжет. Эта тоже раскрыла рот на хоромы умника и стала задавать кучу вопросов. Чья эта жилплощадь? А нам точно ничего не будет? Тут же дизайнер работал! Вау! Какой рояль!

Пока Маша восторгалась, Ваня наслаждался общением с собакой. Сатурн медленно вышел навстречу гостям, и Иня сразу же опустился перед песиком на колени, начал гладить пушистую шерсть:

– Хорошая собака, привет-привет, я тебе вкусняшку принес. Где тут у тебя столовая?

Потом сам же вспомнил, что видел уголок пса на кухне, и прошел туда. В чистую миску наложил только что купленный деликатес и, пожелав приятного аппетита, поспешил в гостиную.

Если вспомнить прошлый раз и то, что Сатурн не дал уединиться, времени у них в обрез. Поэтому надо сразу приступать к делу. Чем Ваня и занялся, стянув с Маши яркую майку и начав целовать. Потом, не переставая целоваться, они избавились от его футболки, ее брюк, и наступил момент, когда ноги уже не совсем держали, хотелось присесть, прилечь… Она потянула его в сторону рояля… Но тут в голове у Вани сработала сигнализация – загорелась маленькая красная лампочка.

– Не, туда нельзя. Там Малер.

– Кто? – Маша застыла.

– Ты его не знаешь, да и неважно. – Лампочка погасла, и Ваня снова начал целоваться и гладить девичью спину, ища пальцами застежку бюстгальтера.

Они оба были настолько заняты происходящим, что не услышали, как в двери поворачивается ключ. Раздавшийся звонкий женский голос по эффекту был схож с ведром ледяной воды, вылитой прямо на голову.

– Через пять минут я войду в гостиную.

Дальше послышались отчетливые шаги, словно кто-то специально топал, давая знать, что направляется на кухню, потом был лай Сатурна, щелчок чайника, звон посуды…

Твою мать…

– Кто это? – шепотом спросила Маша.

– Без понятия. Надо выметаться. Одевайся.

Вот второй раз он в этой квартире, и второй раз не получается нормального секса. Наверное, потому, что здесь рояль и нот целая стопа. Любой монахом станет в такой атмосфере. Умник в прошлый раз сказал, что сам на чужой территории предпочитает встречаться. И Ваня его понимал!

Эта квартира была заколдована. Хоть экстрасенсов вызывай, чтобы сняли с нее пояс этого… как его… воздержания.

Он быстро натянул на себя футболку, Маша от испуга никак не могла попасть ногой в брюки, а когда попала – пальцы дрожали и не получалось застегнуть пуговицу. Ваня это сделал за нее и протянул майку.

Послышались четкие приближающиеся шаги. В проеме гостиной появилась женщина. Нет, не женщина – божество! Божество заговорило красивым глубоким голосом:

– Добрый день. Чай пить будете?

И все. Он пропал. Заколдованный дом, точно…

Ваня ее узнал, это была та самая незнакомка, которую он видел около консерватории. Дама без возраста, похожая на то ли на королеву, то ли на французскую актрису из старых фильмов.

– Буду… ем, – оторопело ответил он.

А Маша рядом сильно сжала его пальцы и прошептала:

– Пошли отсюда.

Но разве теперь это возможно?

– Мы даже шоколадку купили… к чаю, – пробормотал, чувствуя себя совсем пацаном.

– Как мило, – ответило божество, а потом развернулось. – Прошу за мной.

И они пошли. Королевам не отказывают.

– Кто это? – прошептала девушка.

– Не знаю, – прошептал Ваня в ответ.

Наверное, он просто спит. Сейчас раздастся бой часов, или что-нибудь еще в этом роде. И все встанет на свои места. Никакого боя не раздалось, зато навстречу Ване выбежал Сатурн, пришлось наклониться, чтобы почесать песика за ухом.

Единственное нормальное существо в этом доме.

– Добавки нет, прости. В следующий раз куплю больше. Это же мы только пробовали, понимаешь?

Темные глаза-пуговки смотрели внимательно. Точно все понимали.

А богиня доставала из шкафа чашки, блюдца, конфеты и все это вручала своим гостям.

– Поставьте на стол, пожалуйста.

Наблюдая за незваными пришельцами, она вещала:

– Меня зовут Майя Михайловна Королёва. И скажите, кем вы приходитесь моему сыну.

Хорошо, что к этому моменту вся посуда уже была на столе, иначе Ваня точно уронил бы сервиз на пол. Сын? Умник – сын этой женщины?

– Илья ваш сын?!

– Единственный и горячо любимый, – подтвердила она, вручив салфетки. – Будьте добры, помогите сервировать стол.

Вот эта вот… Ване казалось, что от нее исходит сияние, какое-то мягкое и невероятно притягательное. Он чувствовал едва уловимые духи, видел тонкие руки, длинную шею, низкий узел темных волос, она как-то по-особенному поворачивала голову. Он лицезрел такое только на картинах в музеях, куда их с сестрой в детстве водила мама, прививая прекрасное. Ване было скучно, он ждал буфета, и нарисованные красавицы его не интересовали. А тут… ожившая красавица!

И к тому же мама умника! Как у этого… ботаника может быть такая мама?!

– А мы это… ну… – Ваня прочистил горло и закончил увереннее, – друзья! Учимся в одном институте и оба увлекаемся музыкой. Илья даже приходил на мой концерт.

Богиня-мать царственно кивнула, приняв ответ, и пригласила всех к столу. Гости послушно сели, хозяйка чинно разливала чай по фарфоровым чашкам. Прием у английской королевы – ни дать ни взять.

На конфеты Ваня даже не смотрел – вдруг фантик неправильно развернет? Или положит не туда? Лучше просто сидеть, делать глотки. Сразу вспомнились наставления мамы, как-то сразу всплыло из закоулков памяти: локти на стол не класть, спину держать прямо, глотки делать бесшумно.

А богиня Майя Михайловна вдруг взяла его за ладонь. Ваня перестал дышать. Эта женщина в сияющем облаке сама прикоснулась к нему и начала внимательно рассматривать руку.

Ине впервые в жизни стало как-то неловко за свои татуировки. На самом деле они ему очень нравились, но тут, за этим столом, рядом с такой женщиной выбитые темно-синим высказывания про вечность казались наивным штампом.

– Гитарист, – сказала она, касаясь пальцев. – Вы учились с Илюшей на одном курсе в консерватории? И назовите свое имя, пожалуйста.

– Я? Не-е-ет, – богиня не убирала руку, и Ваня плохо соображал.

Он и так-то, как только ее увидел, стал плохо соображать, а прикосновение вообще лишило возможности мыслить. Но надо как-то собраться.

– У меня рок-группа. Умник… то есть Илья, говорит, что песни фигня, а голос хороший. Тут все на любителя. В музыке, я имею в виду. Хотя он, конечно, играет круче.

– У вас есть имя, молодой человек с хорошим голосом из рок-группы?

– Ваня. А это Маша.

Тут Маша впервые подала голос:

– Нам, наверное, пора.

И Ваня сразу понял, что она права. Он, конечно, сидел бы тут до полуночи и ждал того самого боя часов, который расставит все по своим местам, но это уже будет отдавать навязчивостью.

Богиня убрала руку, вернулась к чаю, а Тобольцев вскочил на ноги.

– Да, нам пора. Мы вообще на две минуты заглянули. Я корм покупал собаке. Завез… завезли вот, а тут вы…

Она была очень серьезной, кивнула, давая понять, что верит во все сказанное, а потом тоже поднялась:

– Спасибо за заботу о Сатурне!

И тут Ваня впервые улыбнулся:

– Вы что? Это не забота, это дружба. Да, Сатурн? Мы с ним друганы.

– Дружба – это прекрасно, – последовал ответ.

А потом они спешно пошли в прихожую, исчезнувшее было замешательство вернулось. И вся нелепость ситуации тоже. Ваня стоял, на ощупь пытался всунуть ногу в кроссовку, ничего не получалось.

– Вам подать ложечку?

– А? Нет, не надо! Спасибо за чай! И если что, мы Малера не трогали! Мы знаем, это великий композитор, и он лежит на месте. Всего хорошего. А сын у вас рок играет почти как рокер, – и, наконец обувшись, выдохнул: – Мы пошли.

* * *

За неожиданными гостями закрылась дверь. Можно идти на кухню, чтобы убрать последствия чаепития и начать готовить ужин, как и планировала, к возвращению сына. Но Майя Королёва не двигалась с места, стояла и смотрела на дверь.

Случилось нечто удивительное. Долгожданное и совершенно неожиданное. И она сейчас просто лопнет, если не поделится с кем-нибудь этими новостями. С кем-нибудь совершенно конкретным!

Он взял трубку сразу же. Он всегда брал трубку сразу, если мог говорить. А если не мог – обязательно перезванивал. Муж знал, что по пустякам Майя звонить не будет.

– Дорогой, ты представляешь, у Юни появился друг! Настоящий живой мальчик!

– Ну, вообще, живой предпочтительнее, согласен, – после паузы раздался невозмутимый ответ. Майя прикусила губу, чтобы не рассмеяться. И не припомнить Илье его же собственные, когда-то сказанные слова про Мавзолей. А муж продолжил: – Как ты об этом узнала? Тебе Юня рассказал?

Майя нахмурилась, вспоминая облик юноши. Бритые виски, колечки в брови и ушах, затейливые рисунки на руке. Пожалуй, не стоит пока рассказывать мужу все подробности своего знакомства с другом сына.

– Я познакомилась с ним у Юни дома. Очаровательный мальчик, сокурсник нашего сына, музыкант.

– Про очаровательных сокурсников я знаю почти все. Надеюсь, этот не обоснуется в квартире нашего сына и не будет поедать его ужины.

И тут Майя Михайловна Королёва не выдержала. И рассмеялась. Это было так давно. Когда не было в помине Юни, да и сама Майя носила совсем другую фамилию. Но теперь, после слов мужа, кажется, что это было вчера – занятия допоздна с Севой в квартире Ильи, пирожки Елены Дмитриевны. Будто вчера, да. Но только сейчас у когда-то тощего парня с контрабасом на два года вперед расписан концертный график, да и зовут его теперь не мсье Контрабас, а маэстро Шпельский. А сама Майя – скучный преподаватель консерватории. Да, будто и вчера – и полжизни назад. Лишь Июль – Июль неизменен. Жаркое солнце в зените.

– Конечно, нет! – ответила она, отсмеявшись. – Он же гитарист, а не контрабасист!

– Это обнадеживает, – все так же невозмутимо ответили ей. А потом вдруг иным, более тихим и мягким голосом, каким говорил очень редко, муж добавил: – Я буду очень рад, если у Юни все получится… с дружбой. И если это действительно будет дружба.

Все. Ей сразу стало уже совершенно легко. И захотелось не разговора, а действий. Она же хотела приготовить сыну домашний ужин. Делала это редко, пыталась отпустить мальчика, не лезть, но все равно иногда срывалась. Сегодня как раз такой день.

– И я! Целую твой упрямый ворчливый нос. До вечера!

– Май…

И она замерла. Это было сказано совсем иным, совсем особенным голосом. Уникальной июльской октавой. Как ей не саккомпанировать?

Майя прижала телефон к плечу щекой и повернулась к арке гостиной. Несколько шагов, и вот она уже у рояля. Села на табурет, подняла крышку. И в комнате зазвучал «Шторм» Вивальди.

И когда стихли последние раскаты июльской грозы, Майя снова взяла в руку телефон. Там слушали.

– Для господина из единственного ряда.

И господин из единственного ряда ответил:

– Я люблю тебя.

* * *

Она запорола эфир. Это было очевидно. Самое провальное интервью в ее жизни. Даже в школе, когда только-только постигала азы профессии, подобного не случалось. Неудачи, конечно, были. Без этого никак. Но такого оглушающего фиаско не припомнить.

Таня три дня ждала выговора от руководства, ждала, что продюсер Голованов позвонит ее боссу, а потом… потом, может, будет что-то покруче выговора.

Но три дня прошло, и ничего не случилось, потом прошло еще три, потом шеф вернулся из поездки… А жизнь шла своим чередом. Словно ничего не произошло.

Да и что произошло-то, в самом деле? Так, мелочи, плохое интервью.

Она ему про цветные ноты, он ей насмешливо про пятна. А ведь Таня лично читала, как Илья каждой ноте дал свой цвет. Она не выдумала это! Но кому-то он это рассказал, а с ней не посчитал нужным поделиться.

Или вот утверждение, что играют пальцы. Пальцы – инструмент, но играет же ведь что-то другое, правда? Играет душа.

Таня ходила на работу, исправно вела эфиры, обсуждала в перерывах с Женечкой последние новости, а вечерами, уединяясь в своей комнате, слушала Шопена и Рахманинова.

Перед ней распахивался целый мир – мир чувств, эмоций, переживаний.

Разве это пальцы?

А потом она включала телефон и лезла в инстаграм в надежде увидеть новое небо. Ведь у него там на страничке только небо. Небо без облаков, небо с облаками, небо сквозь ветки деревьев.

Ничего. Никакого нового неба. Илья не обновлял свой аккаунт. Зато каждый раз, как только Таня загружала страничку, ее приветствовали слова Эйнштейна:

«Только две вещи бесконечны – Вселенная и человеческая глупость, хотя насчет Вселенной я не уверен».

Было чувство, что это написано специально для нее. Про ее глупость. Ее слепоту. Ее высокомерие.

Отшила? Что же… твой выбор.

Вот и сиди теперь.

А у него жизнь насыщенная.

Таня жадно читала все, что находила в сети.

«Я люблю спокойное утро, когда сделал себе кофе, не торопясь выпил, зарядил мозг и сел за инструмент».

«Балетная музыка очень иллюстративна. Я могу своим исполнением сделать различные оттенки и акценты, которые дополнят танец, сделают его более выразительным».

«Я был усидчивым ребенком и мог часами заниматься за фортепиано. И это дало свои результаты».

А в их интервью на радио он так не говорил. Это был не разговор, а бой. Мстил? Все время какая-то защита, нападение, ирония. Холод.

Воспоминания все время возвращались. И с каждым разом Таня все больше и больше чувствовала его отчуждение – в интонации, в словах, во взгляде.

А потом ставила музыку и слышала там теплоту и нежность. Разве холодный человек сможет играть тепло? Особенно если, как он сам утверждает, делает это только пальцами. Да еще ногами. Когда нажимает на педали.

Инстаграм не обновлялся. И где-то в личных сообщениях на ее аккаунте хранилось фото букета.

«У этого человека безупречный вкус», – сказала тогда мама.

Ах, мама, если бы ты знала…

В последние дни Таня как-то по-новому стала смотреть на отношения родителей, замечать нюансы, которые раньше проходили мимо ее внимания. Как мама смотрит на отца, как любит его невзначай коснуться. Как он, думая, что никто не видит, обнимает ее со спины и что-то шепчет. Наверное, у них такая легкая, веселая, гармоничная семья потому, что однажды родители нашли друг друга. Между мамой и папой все было легко и весело. И они сумели распространить это на детей и дом.

А у Тани? Как все будет у Тани? И будет ли?

В наушниках музыка Чайковского. «Август», чтоб его.

Таня пила кофе.

Напротив сел Женечка и, показывая рукой на часы, дал понять, что скоро эфир. Таня кивнула.

В наушниках Илья Королёв почти доиграл фортепианную пьесу. Сейчас ТТ сделает последний глоток, поднимется в студию и начнет общение с радиослушателями.

– Добрый день, сегодня за окном отличная погода. Ловите последние вольные деньки, ведь скоро школа, институты, университеты, новые заботы родителям и детям. Мы в свою очередь постараемся поднять настроение тем, у кого оно не очень, и еще больше повысить тем, у кого оно уже с утра отличное. Мы – это Татьяна Тобольцева и Жека Сургучев.

* * *

Рука Элины, когда они вышли на поклон к рампе, была сухой, твердой, крепкой. Удивительно. Она же больше часа летала из одного края сцены в другой, но рука – сухая. У самого Ильи влажные спина и рубашка под пиджаком, а лицо, шею и руки он успел вытереть носовым платком.

Овация нарастает. Второй выход. Они поворачивают друг к другу лица, улыбаются и снова, взявшись за руки, идут к рампе.

Как репетировали. Здесь все другое, и даже выход на поклон публике – другой. Ему объяснили несложные правила, как вести себя на сцене рядом с балериной, и Илья им следует, и ведет Элину так, как если бы он был ее настоящим партнером по танцу.

Хотя накануне премьеры, когда они по обоюдному согласию решили после генерального прогона выпить по чашке кофе, Элина сказала, что она именно так и чувствует. Что он ее партнер по танцу.

– Понимаешь, – говорила она. Они как-то незаметно перешли на «ты», так было удобнее. – Твоя музыка – она несет меня, она меня подхватывает, поддерживает. Так что ты теперь тоже балетный, Илья! – смеется. – Ты и твоя музыка.

– Это музыка не моя, а Фредерика Шопена, – Илью слегка забавляет ее восторженность. И умиляет. Будто это не она старше его на восемь лет, а он.

– Шопен писал для всех, а Илья Королёв играет для меня! – безапелляционно парирует Элина.

Смелое заявление. Но справедливое.

На самом деле, Илье очень импонировало, насколько одинаково они понимали выбранную музыку. Возможно, «одинаково» – не совсем верное слово. Они понимали друг друга – это точнее. А еще Элина красивая, на самом деле красивая, он рассмотрел. И с ней увлекательно разговаривать, она умеет и рассказывать, и слушать. Этуаль без ума от Парижа – ожидаемо. Илья же предпочитает выступать в Новом Свете или Японии. Они спорят, смеются, соглашаются и снова спорят. Наверное, в нее можно было влюбиться. Возможно, это стоило сделать. Если бы он умел.

А он не умеет влюбляться. Вот вздернуть себя на синем в белый горох банте – это запросто.

Третий выход. Элина встает на колено, он сверху смотрит на ее длинную шею. У балерин какая-то особенно красивая шея.

А он вспоминает, как качается из стороны в сторону от шеи хвост длинных темных волос.

Ладно, не на сцене же об этом думать. Илья улыбается, слегка щурит глаза на вспышки камер из зала. Где-то там отец и мать. И Виктор Рудольфович. Перед этими тремя Илье не стыдно. Сегодня он выступил хорошо, он знает это.

Наконец спасительный занавес. Несколько глотков воды. Шумные поздравления, за кулисами уже толпы людей. Элина виснет у него на шее, и, кажется, глаза ее влажны. Это немного неожиданно, но в целом приятно. Вокруг суматоха, поздравления, еще один выход на бис, возвращение за кулисы. У задника сцены довольный Антон с оттопыренным пальцем одной руки. Другой он виртуозно уже что-то постит в инстаграм.

Даже в шуме и гвалте слышен голос профессора Самойленко, окликающего Илью.

– Браво, Илюша, браво! – рокочет он. – До этого дня стоило дожить.

Илья лишь качает головой на это дежурное заявление про возраст. Привык. Его удостаивают дружеского похлопывания по плечу, Илья не слишком жалует бурные объятья по поводу и без. А вот Элина с удовольствием тонет в медвежьих объятьях и комплиментах профессора Самойленко.

Подходит Антон и уже словами выражает свое одобрение. Он был в зале, он видел реакцию публики. Но Голованов слишком давно в этом деле, и он прекрасно знает, как создаются успех и сенсации. Поэтому кует железо, не сходя со сцены Большого. Сейчас – интервью для трех отобранных медиа-порталов. Послезавтра – тематическая фотосессия для промо балета. А через неделю их ждет Северная столица и премьера в Санкт-Петербурге, в рамках благотворительного фестиваля «Северные сердца».

Спустя еще полчаса этот утомительный и волнительный день заканчивается, и наконец-то наступает благословенная тишина салона спортивного «мерседеса». Илья берет телефон. Там два сообщения. Многословное от мамы – но в нем каждое слово не только восторг матери, но и признание профессионала. Второе – от отца: «Я не заснул». Это – на вес золота.

Привычно заглядывает в инстаграм. Там у Татьяны Тобольцевой кипит жизнь – отчеты об эфирах, новости радиостанции. Ничего личного. Но оно там где-то тоже есть.

Гасит экран и трогает коробку передач.

Домой.

* * *

Питер встретил их дождем. Банально, но правда. За окнами машины темные улицы жирно блестели переливами огней в лужах. На плече Ильи мирно сопела Элина. У него впервые на плече спала женщина, и это волновало. Как и город. Последний раз Илья был здесь лет в тринадцать, на олимпиаде по математике. Кажется, это было с другим человеком. Впрочем, нельзя сравнивать ребенка и взрослого. Но тогда и Санкт-Петербург, и Мариинский театр произвели на Илью колоссальное впечатление. Сейчас он словно возвращался на свидание с детством.

Элина на его плече сонно вздохнула. Илья покосился на нее. За несколько выступлений в Москве они сильно сблизились. «Я в тебя немножко влюбилась, – безапелляционно заявила Элина. – Но ты не пугайся, так надо. Даже Тони это понимает». Тони – бойфренд Элины, итальянский тенор. Наверное, она права, так надо. Выступления, может быть, именно поэтому имеют такой шумный успех. «Зал накрывает тончайшая аура любви, сотканная из музыки и танца» – так пишут газеты. Фраза, между прочим, принадлежит Антону, но он не афиширует свое авторство.

Хорошо, наверное, уметь влюбиться вот так. Чуть-чуть. Чтобы появилась магия, но не ломалась душа. Наверное, это талант. Илье он не дан. Он умеет только как самоубийца – с обрыва.

Элина снова ворочается, но не просыпается. Руки ее, сложенные на коленях, разжимаются, и Илья вынимает из расслабленных пальцев красочные буклеты. На первой же странице – фото крышки рояля, на которую небрежно брошены пуанты балерины и бабочка пианиста. Это фото Илье нравится. Другие работы из той же тематической фотосессии – не слишком.

Могли бы ограничиться работой с роялем, пуантами и бабочкой. Стильно и элегантно. Но нет же, их с Элиной тоже заставили позировать. Этуаль не привыкать, она позировала спокойно, принимала указанные позы, улыбалась, когда говорили. Илья все эти чертовы полтора часа читал себе наставления о том, что без промоушена в современном мире не сдвинуться с места. И делал дыхательные упражнения. Не очень-то помогло, результатом фотосессии Илья остался недоволен. Но в этом вопросе он был в категорическом меньшинстве. Даже придирчивому Голованову понравилось. А когда Илья почитал комментарии в инстаграме, то тут же потребовал у Антона некоторые удалить. Илья допускал, что его исполнительские трактовки могут прийтись кому-то не по нутру. Но когда про него пишут «парень за роялем такой секси!!!» – это, простите, за гранью добра и зла. Как таким людям играть Рахманинова, если ты для них «секси»?!

Антон в ответ на просьбу разразился лекцией о работе с подписчиками, Илья ее не дослушал и махнул рукой. Он понимал – объективно Антон прав. Сцепи зубы и дыши. Мало ли, может, кто-то к Рахманинову через «секси» приходит. И вообще, мог бы гордиться, что кто-то – и не один человек, между прочим, – считает тебя привлекательным. Да только тебе все эти люди не нужны. Нужен один-единственный, но для него ты – «фото отвратительное».

Элина поднимает голову с его плеча, трет глаза – вне сцены девушка никогда не использует грим.

– Подъезжаем?

– Подъезжаем.

Элина забирает из рук Ильи буклет, разглядывает, наклонив голову.

– Мне нравится.

– Мне тоже, – отзывается Илья. А сам думает о том, что если бы на крышке рояля присутствовал отпечаток женских округлостей, то это придало бы фото новаторский характер.

Так, он же обещал Ване каких-нибудь снимков атмосферных из Питера отправить. Однако трудно будет удивить сына профессионального фотографа.

* * *

Есть какая-то магия в возвращении в места, которые ты посещал ребенком. Зачастую – недобрая, разрушительная. То, что казалось в детстве значительным и удивительным, при повторной встрече тебе взрослому кажется незначительным или даже мелким, жалким. Так бывает с зоопарком или цирком. В детстве это вызывает в тебе неуемный восторг. Взрослым – в лучшем случае недоумение.

Но с Мариинским театром все обстояло не так. Тот детский восторг только приумножился. Илье нравилось все – и старое зеленое здание, и новый футуристический комплекс, и переход над каналом между ними. И два памятника – тот, который сидит, и тот, который стоит, Римский-Корсаков и Глинка. А в Москве отдувается один Петр Ильич. В этом городе все другое, все иначе, и эту инаковость, эту тайну хочется разгадать. Илья дает себе слово вернуться сюда. И обязательно сходить в легендарный концертный зал консерватории – с мамой они тогда не успели туда попасть.

Город услышал эту клятву и принял тепло, радушно, словно наперекор суровым темным домам, моросящему дождику и упругому прохладному ветру с Невы. Кажется, здесь успех был даже сильнее, чем в Москве.

– Здесь более требовательная публика, – согласилась с его мнением Элина, мелким глотком пригубливая шампанское. Их трехдневные гастроли в Северной столице, как и весь благотворительный фестиваль, завершаются балом. Такие мероприятия принято называть балами. Хотя от настоящих балов прошедших веков в них нет совсем ничего, кроме скопления публики, которая сама себя посчитала высшим светом, да желания этого света пустить всем пыль в

глаза. Но тут есть и те, для кого это работа. В их числе Илья с Элиной. Медиа постарались: лица пианиста и балерины украшают собой огромный экран прямо напротив Мариинки – из всех участников фестиваля выбрали именно их промо. Потому что они, по мнению организаторов фестиваля, самые фотогеничные. Антон счастлив. Илья же отрабатывает положенное. В конце концов, провести время в красивом помещении с красивой женщиной, постоять пару-тройку минут под вспышками фотокамер и ответить на пару-тройку вопросов – не самый тяжелый труд.

Завтра пути их расходятся. Илья возвращается в Москву, Элина – в Милан, к жениху. Элину ждет аэропорт, а Илья решает возвращаться «Сапсаном». Он предпочитал при возможности наземный транспорт воздушному, не любил взлеты и посадки.

Когда на следующее утро «Сапсан» набрал крейсерскую скорость, пришло сообщение от отца.

Отец: Ты неплохо смотришься на плакате на фоне Глинки.

Сын: Папа, Глинка – тот, который стоит.

Отец: Я помню только то, что сидит Чайковский. Мы тебя ждем. Встретит водитель. Не забудь купить маме подарок.

Илья улыбается. Он вспоминает, и эти воспоминания из детства накрывают вдруг таким домашним теплом, которое он сам – по неразумности, теперь понимает – считал инфантильностью.

Сын: Ты не надумал покосплеить под Эйнштейна?

Отец: Сынок, твой папа слишком стар для этих новых слов. Но если ты про усы – то мама по-прежнему категорически против. Может быть, тебе она это простит.

Илья прячет телефон в карман с широкой улыбкой. А что, может, и в самом деле отпустить усы? И бороду заодно. Как у Петра Ильича, который сидит.

* * *

Илья Юльевич стоял у окна в своем кабинете и смотрел на город. Он простирался внизу – огромный, меняющийся, бурлящий. Город, который несколько недель назад покорил его сын, подняв зал Большого театра.

Теперь это повторилось в легендарной Мариинке.

Что чувствовал он, следя за успехами сына? Много всего и разного. Как отец, был горд. Родителям вообще положено гордиться своими детьми, в случае же с Юней – невозможно было не восхищаться такими успехами. Как у него, у Ильи – дельца и прагматика, мог родиться настолько уникальный ребенок?

Все эти дни были наполнены новостями и их отслеживанием. Больше, чем он сам, – читала, слушала, смотрела Майя. Что чувствовала она, глядя на то, как самозабвенно сын претворял в жизнь то, что не удалось ей самой? Была ли Майя гениальной скрипачкой? Нет. Но мастером она была и при удачной раскрутке, грамотном подходе вполне могла бы выступать с сольными программами и иметь успех. Май отказалась.

Они говорили об этом давным-давно, всего один раз и больше к данному разговору не возвращались. Но Илья помнил. И знал ответ на вопрос «почему». Ему потребовалось несколько лет, чтобы понять это. Он мог бы все устроить лучшим образом, но Майя выбрала семью и его – Илью. А потом и вовсе ушла на преподавательскую деятельность. Так что, кроме материнской любви, чувствует Май, наблюдая за успехами своего ребенка?

Когда по телевизору показывали репортаж о фестивале в Петербурге и триумфальном выступлении Юни, Илья смотрел не на экран, он смотрел на жену, видел, что она почти пере-

стала дышать, слушая репортаж, а потом на секунду прикрыла веки, под которыми прятались слезы.

А когда новости сменил прогноз погоды, Илья подошел, поцеловал Май в макушку и туда же сказал:

– Это была лучшая твоя премьера.

Машины внизу встали в привычную столичную пробку. Сколько времени люди тратят вот так, находясь обездвиженно на дорогах?

И все же… Юня поступил на математический в экономическом вузе. Хотя музыку выбрал окончательно и бесповоротно. Почему? Чувствует свою ответственность перед семьей?

Илья с каждым годом все отчетливее ощущал груз лет и неполадки со здоровьем. Вопрос «кому все передавать, когда настанет время» – не давал покоя.

Он не мог подрезать крылья сыну и тянуть мальчика в семейную корпорацию.

Но и раздать в чужие руки то, что так долго и кропотливо строилось, – тоже не мог.

Наверное, однажды им придется очень серьезно поговорить. Но это позже, не сейчас.

Сейчас Юня должен насладиться своим полетом в полной мере.

Сколько раз ему хотелось спросить: «Ты счастлив, сын?»

Не спрашивал. Не хотел лезть в душу. Илья всегда каким-то внутренним чутьем понимал, что даже у него – отца, есть четкие границы вхождения во внутреннее пространство Юни.

Он почти не ездил к нему, отдавая эту прерогативу Майе. Ей нужнее, ей было просто физически необходимо привезти что-нибудь вкусное, подбросить пару новых идей для концертов, купить модный джемпер.

Илья знал, что квартира сына – сугубо личная территория и лишний раз не заходил на нее, предпочитая приглашать Юню на домашние ужины или встречаться в нейтральном месте, будь то кафе или парк. При непонимании тонкостей особенного мира сына, состоящего из нот и цифр, в Илье было абсолютное понимание того, как этот мир сохранить, не вламываясь в него грубо и непрошено.

Илья Юльевич отвернулся от окна.

Разговор с Юней на тему того, кому и как передавать компанию, отложить можно, а вот работу и грядущее совещание – нет.

* * *

«Зал накрывает тончайшая аура любви, сотканная из музыки и танца…»

Дальше читать невозможно.

Аура любви, чтоб ее…

Аура…

Видела, все видела. Читала, смотрела, впитывала.

Овации в Большом. До дыр затерла ролик в сети, потому что там целых тридцать секунд показывали его за роялем.

Фестиваль в Питере – чистейший мазохизм. Больно, так больно, словно тебя заживо разрезают на кусочки, а выключить не получается – все равно смотришь до конца, слушаешь, читаешь. Жадно ищешь новости, знаешь, что после них станет плохо, а все равно ищешь.

Экран напротив Мариинки – музыкант и его муза-балерина. Как чудесно! Нет, правда, чудесно!

Фотосессия, кадры из которой стали прекрасными иллюстрациями к репортажам. У нее заголенные ноги, она лежит на крышке рояля. Он смотрит на нее.

У них роман. Точно роман. Как она на него смотрит! А сама-то – кожа и кости. Ни груди, ни попы.

Обнимать нечего – скелет. Но с симпатичным лицом, чего не отнять – того не отнять.

Тончайшая аура любви…

Все как сговорились, честное слово.

Женечка сегодня с утра до эфира:

– Помнишь, к нам приходили на интервью? Ты только посмотри, что пишут про балет!

– Потом прочитаю, сейчас некогда, что у нас на сегодня по розыгрышам?

– Какая ты сердитая.

А какой прикажете быть?

Где-то там под питерским небом гуляет человек, который умеет разговаривать музыкой. Он внимательный и вежливый со всеми. Столько интервью дал за последний месяц, столько всего наговорил. И совсем не так, как ей, без колючих взглядов и холодной иронии.

У него там все отлично – успех, этуаль, ночное питерское небо.

Это небо в сумерках и почти черный силуэт Петропавловской крепости он выложил в инстаграм.

Вся страница – сплошное небо.

Чем оно тебя прельщает, Илья? Тебя влечет туда – ввысь? К облакам? К солнцу?

А я земная. Так вот случилось. Нет полупрозрачной хрупкости в руках и плечах.

Не муза, не эльф, сижу в студии, разговариваю с радиослушателями. О простом, обыденном.

Что нравится делать в выходные? Какое кино посмотрели последним? Есть ли необычное хобби? А обычное?

А у тебя хобби есть, Илья? Есть, знаю, фотографировать небо.

Я теперь так много про тебя знаю. Спасибо Википедии и музыкальным сайтам.

Да ты настоящий принц – сын Ильи Юльевича Королёва и бывшей первой скрипки Большого театра.

У меня все проще, много проще.

Эфиры, правда, даются все тяжелее и тяжелее. Забиваются новостями о музыкальном фестивале. Но он уже почти закончился. Потом забудется. И станет полегче.

Сентябрь в Москве выдался дождливый. Синоптики обещали бабье лето, но неожиданно прохудилось небо.

Таня после эфира вернулась вся промокшая. Надо менять мотоцикл на машину.

– Я решила брать автокредит, – сказала она брату, который со скорбным выражением лица сидел на диване в компании тетрадей и планшета.

Начался учебный год, и – хочешь не хочешь – приходилось учиться.

– Слушай, кто придумал семинары в сентябре? Еще учеба толком не началась, а на завтра уже контрольную назначили. По двум лекциям!

– А ты на лекциях не был.

– Нет, конечно, мы репетировали. Но зато я их сфотографировал у тех, кто писал!

Таня улыбнулась. Невозможно было смотреть на брата и не улыбаться.

– И вообще, знаешь, у меня вдохновение. А тут нормативы. Экономика предприятия – черт ногу сломит.

Хорошо, что хоть у кого-то есть вдохновение.

– Новая песня? – Таня села рядом.

– Нет. Пока стихи. Это… в общем, про одну женщину. Есть такие женщины, которых видишь, и все – мозг отшибает полностью. Вот послушай.

Она была видением из сказки,
Царица, по-французски этуаль…
Я б сочинил тебе сонату сновидений.
Конечно, если б дома был рояль.

Он так и не понял, почему Таня вдруг резко вскочила и вылетела из комнаты.

– Эй, ты куда?! Я тебе еще не показал фото, которое мне умник прислал из Питера! Ну тот, у которого ты интервью брала и который со смычком. Это один и тот же человек, между прочим. Ты представляешь, там у него такая шумиха, а он мне фото уличной рок-группы скинул. И даже маленькое видео прислал. Играют хуже, чем мы, и умник с этим согласился!

Но Таня не ответила. Она кинулась на кровать в своей комнате и заплакала.

А Иня продолжал вещать, через стенку было слышно:

– Как ты думаешь, если женщина старше, роман возможен? Я не про пиар, а про реальный роман.

Возможен, еще как. Эта этуаль тоже намного старше Ильи и ничего! Все у них прекрасно.

Ужинать Таня не стала.

Сказала, что неудачно пообедала на работе и теперь болит живот. Ушла к себе.

Хотелось просто закрыть глаза и полежать в тишине. И чтобы все оставили в покое.

Но нет.

Сначала вломился брат с вопросом:

– Тебе точно котлету не оставлять? А то я голодный, у меня завтра контрольная, нужно мозг питать.

Потом папа:

– Давай мама заварит тебе свой фирменный травяной чай?

Потом снова Иня:

– Слушай, я тут наткнулся на комментарий к умнику, какая-то дура написала: «Этот парень такой секси!!!» Умереть не встать.

Таня кинула в него подушкой.

Что он вообще понимает в секси? Когда так играют тебе, пойдешь не оглядываясь.

Потом пришла мама с чаем.

Она поставила чай на столик, присела рядом, коснулась головы и тихо сказала:

– Это часто бывает больно.

Почему-то показалось, что мама говорила вовсе не о мнимом отравлении.

* * *

Мама расстаралась. Ужин был приготовлен ею собственноручно и весь состоял из любимых блюд Ильи. Она засыпала его вопросами, и шампанское согревалось в бокалах, пока сын рассказывал, а мать – слушала. Лишь наговорившись всласть, Илья вспомнил про подарок. Он зашел в Питере в фирменный бутик Императорского парцелинового завода на Невском и купил маме в подарок… балерину.

– Решил пополнить коллекцию маэстро Всеволода? – хмыкнул отец. Шампанское в его бокале тоже было едва тронуто. Выглядел Илья Королёв – старший довольным, но для того, чтобы понять это, надо самому быть Королёвым.

– А может быть, это пагубное влияние Андерсена? – парировал Илья Королёв – младший. Про ежегодные фарфоровые подарки маме от ее сокурсника, а ныне преуспевающего музыканта Всеволода Шпельского он, конечно, помнил. – И тебе я подарю стойкого оловянного солдатика?

– Это грустная сказка, не будем ее вспоминать, – решительно прервала их разговор мама, вдоволь налюбовавшись подарком. – Сейчас я уберу прелестную девушку на полку, и мы будем пить чай.

Это был теплый семейный вечер, который неожиданно сгладил и немного разбавил ту горечь, что скопилась в жизни Ильи – в жизни не блестящей профессиональной, а тайной, личной, где все у него было далеко не так блестяще, как на сцене.

Домой Илья вернулся в благостном расположении духа.

А через два дня умер Сатурн.

Глава 6

Друзей провожают стоя.
Ваня Тобольцев (Иня)

Всеми вопросами, связанными со смертью Сатурна, занималась мама. Ей Илья позвонил, как только, вернувшись с репетиции, обнаружил уже холодное тельце. И точно таким же ледяным комком смерзлось все внутри. Илья кивал, соглашался, давал гладить себя по голове и обнимать, как будто он маленький. Как будто нуждается в этом утешении.

Утешение бессмысленно, когда теряешь друга.

Единственного друга.

Под этой ледяной анестезией он проходил два дня. С каменным лицом проводил друга в последний путь – по предложению мамы похоронили Сатурна на территории загородного дома деда, где теперь жила двоюродная сестра отца с семьей. Они были не против. Красивое место выбрали, под яблоней.

Все формальности соблюдены, долг исполнен.

А холод не только внутри, он теперь и снаружи. Ты приходишь в холодный дом, где тебя никто не встречает. И некому рассказать о том, как прошел день, не о ком заботиться, некого кормить, не с кем гулять. И Илья готов ударить того, кто скажет, что это всего лишь пес. Когда после того, как кто-то уходит из твоей жизни, там остается зияющая дыра холодной пустоты – значит, ты потерял настоящего друга.

Которого некем заменить.

Вечером второго дня Илья обнаружил себя звонящим Ване Тобольцеву. Пока в трубке шли длинные гудки, Илья задавал себе вопрос – зачем он это делает. И вяло отвечал самому себе, что Иван был привязан к песику и должен знать, что его больше нет. И не надо больше покупать специальный корм для старых собак.

Телефон исчерпал лимит времени дозвона, и механический голос предложил перезвонить позднее. Нет, спасибо. У Ильи был единственный друг. Теперь нет никакого. Это же очевидно.

Холодно. Какая холодная, неуютная в этом году осень. Надо пойти сделать чай.

На кухне он долго смотрел на пустую миску на полу. Так и не нашел в себе сил выбросить миски, подстилки, переноску. Не мог – и все тут.

Чай. Он же хотел выпить чаю. Но едва Илья протянул руку к чайнику, подал голос телефон.

Ваня.

– Да?

– Привет! – Ванин голос, в отличие от его, звучал бодро. – Ты уже вернулся? Как Питер? Видел тебя по новостям.

Питер, гастроли, новости. Кажется, это было с кем-то другим. С другим человеком, который не знал, что бывает настолько больно и холодно.

– Эй! – поторопили Илью из трубки.

– Сатурна больше нет.

Это были те единственные слова, которые он мог сказать. Которые ему необходимо было произнести. Чтобы поверить самому.

– Как нет? – спросил Иван после паузы. – Убежал, что ли? Как можно было упустить пса?

И ты тоже, Ваня. Ты тоже не понимаешь простейших вещей. Не понимаешь, хотя я говорю тебе прямо. Прямее некуда. Я говорю. Но ты меня не слышишь. И ты тоже меня не слышишь.

– Убежал, да. Туда, откуда не возвращаются.

– Слушай, я ничего не понял. – На фоне Ваниного голоса и в самом деле слышались шум, музыка, чьи-то еще голоса. – Тут связь пропадает и не слышно вообще. Я тебе попозже перезвоню, лады?

Не важно, Ваня, это уже не важно. Не имеет значения. Ты там отдыхай, развлекайся. А я тут…

Нет, чай не согреет.

Ему надо к роялю. И что-нибудь сыграть.

Он сел за инструмент, холодными непослушными пальцами принялся перебирать ноты. Нет, такими руками нельзя играть. Илья начал растирать ладони, разминать пальцы. Ноты остались открытыми на четырнадцатой сонате Бетховена. Ее Сатурн особенно любил и, когда был помоложе, иногда подвывал на скерцо.

Илья положил руки на рояль, уперся в них лбом и замер. Он так и не смог извлечь ни одного звука из инструмента. Но соната звучала у него в голове похоронным лунным маршем.

* * *

В клубе гремела музыка, у барной стойки толпился народ – не пробиться, а девчонка, тесно прижимавшаяся к Ване, хотела коктейль.

Девчонка пришла с Эдиком-мажором, потом Эдик куда-то исчез, а длинноногая прилипла к Ване. Он в принципе был не против присмотреть, но она начала приставать. При всей свободе взглядов на жизнь Ваня Тобольцев все же был не готов иметь общих девчонок с приятелями. Либо ты с ним, либо со мной. А вот угостить коктейлем – это пожалуйста.

– Какой тебе? – прокричал он на ухо.

– Секс на пляже! Если ты не хочешь на дальнем диванчике в углу!

Он не хотел. Ни на диванчике, ни с этой девчонкой. Перед глазами на секунду возникло лицо в сияющем облаке, и он вспомнил голос: «Меня зовут Майя Михайловна Королёва».

Кто-то пихнул Ваню в бок, и он вздрогнул, увидел перед собой ожидающее лицо бармена, заказал один «Секс на пляже» и одну «Маргариту».

Вот сейчас угостит девчонку, дождется Эдика и передаст ее приятелю. Никаких диванчиков. Майя Михайловна Королёва была бы недовольна, если бы Ваня на них согласился. Как у умника могла быть такая мама? И чего он, кстати, звонил? Как можно потерять пса, который от старости лет бегает не быстрее черепахи? Что-то еще умник такое сказал, непонятное, что-то…

Но тут подошел Эдик, и Ваня переключился на приятеля. Эдик был загадочен и доволен.

– О, милый, – улыбнулась длинноногая, потягивая коктейль, – а мы тут развлекаемся.

– Я могу прибавить градус.

– У тебя есть? – заблестели ее глаза.

– Да.

– Хочу конфетку.

– Пойдем, – и, подхватив девушку за талию, Эдик повел ее в другой зал. – Ты с нами? – обратился он к Ване.

– Нет, – ответил тот.

– Зря, попробуй. Кайф для настоящего отдыха.

– Я не знал, что у тебя такой отдых.

– То, что для других отдых, для меня работа, – чуть кривовато усмехнулся он.

– Ты хочешь сказать…

– Я ничего не говорю, я спрашиваю: ты с нами? Для своих скидки.

– Я здесь, – твердо ответит Ваня.

– Ну бывай, – ухмыльнулся Эдик.

Ваня проводил парочку взглядом и залпом допил коктейль. Нет, Ваня не раз сталкивался с предложением кайфануть, и в клубах этой дряни было достаточно. Есть желание – найдешь. Но чтобы такими вещами занимался твой друг…

Если и было в жизни Тобольцева еще одно табу помимо общих девчонок, так это наркотики. Ваня рано начал курить, курил много, спиртное познал еще подростком, в старшей школе увлекся энергетиками, что доводило отца до исступления, потом понял – это яд, и перестал их покупать. Но во время праздников и вечеринок не отказывал себе в коктейлях, пиве и прочих радостях жизни. Любил клубы, музыку, девчонок. Девственность он тоже потерял рано – еще в школе. Ваня любил свободу во многих ее проявлениях, но на наркотики было табу. Потому что во время учебы в последнем классе на его руках от передоза умер одноклассник. Это событие раз и навсегда закрыло для Вани тему наркотиков. Самое сильное потрясение юности. Он тогда спать не мог, перед глазами все время стояло лицо ушедшего Мишки. Минуту назад был и больше нет. Был и нет… Так, стоп. Что там сказал умник? Сатурна больше нет. И вспомнилась фраза, которая все время ускользала. Убежал туда, откуда не возвращаются.

Твою ж… Так вот почему он звонил!

Ваню моментально обдало жаром, как будто он вошел в сильно натопленную сауну.

Дурак! Какой же он дурак! Сатурна больше нет! И умник там наверняка вешается один. Пусть у Вани никогда не было собаки, это ничего не значило. Он понял все. Потому что всю жизнь он мечтал о собаке и знал, что однажды обязательно заведет себе четвероногого друга. Именно друга, никак иначе.

Похлопав себя по карманам и удостоверившись, что карточка, телефон и ключи на месте, Тобольцев двинулся к выходу.

Добираться до Ильи на метро было долго, гораздо быстрее на такси, но перед тем, как его вызвать, Ваня зарулил в ближайший круглосуточный супермаркет и сгреб с полок все, что попадалось на глаза: пиво, сушеные кальмары, сухарики, чипсы, пакетики с вяленой рыбой, соленые орешки и зачем-то огромную коробку шоколадных конфет.

Через полчаса он стоял перед дверью Ильи. Ключи от его квартиры лежали у Вани в кармане, и можно было бы самостоятельно открыть дверь, но воспитание не позволяло вламываться в чужую квартиру среди ночи без предупреждения. Оно позволило только открыть входную калитку в жилой комплекс.

Умник не торопился, Ваня нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Заснул он там, что ли?

Нет, не заснул. В костюме не спят, а Илья был одет так, словно только что с какой-нибудь встречи. Рубашка, пиджак, костюмные брюки. Только все помятое.

Вместо приветствия Ваня переступил порог и, показывая взглядом на пакеты в своих руках, деловито поинтересовался:

– Так, думай, куда это сгружать.

– Смотря что там, – ответил умник.

Не выгнал в шею, уже хорошо, поэтому Тобольцев, скидывая кроссовки, рапортовал:

– Пиво, корюшка, сушеные кальмары, еще какая-то хрень.

В глазах Ильи появился едва уловимый проблеск интереса. Он махнул рукой в сторону кухни:

– Тогда, наверное, в холодильник.

– Зачем в холодильник? Нет, пиво можно, но только пару бутылок охладиться, а две я оставлю здесь.

– Знаешь, у меня нет пивных бокалов.

И почему Ваня не удивлен? Рояль есть, картина вон на стене, как из Лувра украденная, – есть, Малер есть, а пивных бокалов нет.

– Кружки есть?

– Есть.

– Ну и отлично, на день рождения подарю тебе пивные бокалы. Как ты без них живешь? Пиво из чего пьешь?

– Я его вообще не пью.

Сначала Тобольцев впал в легкий ступор, потом подумал, что в принципе снова не удивлен. Он прошел с пакетами прямо в гостиную и заявил:

– Значит, пора начинать.

* * *

На Ивана, стоящего на пороге его гостиной с пакетами, Илья смотрел как в детстве – на Деда Мороза. В те годы, когда он еще верил в чудеса.

– Ну? Где кружки английского фарфора? – вопросил гость.

И тут внезапно Илье захотелось рассмеяться. Возможно, это нервное. Истерическое даже, хотя в склонности к истерикам он не был замечен даже в младенчестве – если верить рассказам мамы. Но вдруг стало несоизмеримо легче, чем еще пять минут назад.

– И пару тарелок прихвати! И открывалку! – между тем торопил его Ваня.

И Илья пошел на кухню, чувствуя, как замерзшие щеки растягивает улыбка. За время его отсутствия Иван принялся потрошить пакеты. И сейчас стоял с парой бутылок в одной руке и упаковкой с чем-то белесым в другой.

– Извини, но фарфор саксонский, – Илья сдвинул пачку нотных листов. – Ставь на письменный стол.

Иван какое-то время молча созерцал попеременно то Илью с чашками в руках, то стол. А потом принялся хозяйничать. Как-то привычно уже – подумалось Илье. Как это хорошо иногда все же, когда кто-то рядом принимает командование парадом на себя.

Ваня посчитал, что места мало, и стал разгребать бумаги, бормоча при этом:

– Тут, конечно, лучше бумажки подстелить… – Иван взял в руки ноты, прочитал название и с сожалением добавил: – Не, этот не подходит, этот великий.

Улыбку сдержать уже не получалось, и Илья улыбался и смотрел, как его гость сервировал стол, раскладывал по тарелкам орешки, рыбу, кальмаров, открывал и разливал пиво по чашкам мейсенского фарфора. Для синих скрещенных мечей это, безусловно, новый жизненный опыт.

Иван протянул чашку.

– Друзей провожают стоя.

Улыбка тут же сползла. Но, принимая из рук белую чашку с пенящимся напитком, Илья вдруг почувствовал, что эту боль можно пережить. Что-то сделать и что-то сказать – и жизнь, замершая на одной тоскливо звенящей ноте – двинется дальше.

Он тихонько вздохнул – и выпил содержимое кружки залпом. Вкус оказался непривычным, резким и сильно ударил в нос – так, что показалось, будто пиво сейчас из носа и польется. Илья инстинктивно прикрыл рот и нос и шумно задышал в ладонь. А потом, когда продышался и убрал руку, неожиданно для самого себя спросил:

– А встречают как?

– Радостно! – уверенно ответил Иван. Забрал чашку и снова ее наполнил. – Так, давай рассказывай, что у тебя. Как съездил, как все прошло. Не, я, конечно, следил, но это рассказ журналистов.

Самое изумительное во всем этом было то, что Илья стал рассказывать. Скинул пиджак, сел на диван, Иван устроился на стуле перед столом. И слушал. А Илья рассказывал. В процессе ему раза два или три подливали – Илья сбился со счету.

– Этот город словно с другой планеты, – подытожил Илья свои впечатления о питерских гастролях. – Может быть, из-за архитектуры, из-за того, что центр не тронут. Он словно хорошо темперированный клавир, тронешь, да что там тронешь – только посмотришь – а он уже отзывается. Это как с эффектом наблюдателя, понимаешь? Элина тоже это отметила.

– Мда-а-а… – глубокомысленно отозвался Ваня, взлохматив чуб. – Элина – это хорошо. Красивая танцорша. Ваши выходы по всем новостям показывали. У тебя с ней все серьезно?

– Конечно! – Илья совершенно несвойственным ему ранее жестом взмахнул рукой, едва не опрокинув чашку. – На следующий год планируем еще один одноактный балет.

– А чего только одноактный, я бы с такой многоактный сделал.

Илья нахмурился. Многоактный? Похоже, Ваня не совсем понимает, о чем говорит. Допил задумчиво остатки из чашки. Кажется, он начал привыкать к этому странному вкусу. И в нос больше не бьет.

– Для многоактного оркестр нужен.

Ваня напротив поперхнулся содержимым своей чашки. Оттер тыльной стороной руки губы.

– Слушай, вот я бы справился без оркестра, честное слово! – Ваня потянулся за открывалкой. – Пригласил бы к себе и… хочешь – два, хочешь – три акта.

На то, чтобы сообразить, что Ваня говорит, скорее всего, не о балете, Илье потребовалась пара минут.

– Так, ты пиво неправильно пьешь, – между тем Иван открыл новую бутылку, разлил пиво, но Илье протянул не чашку, а тарелку. – Вот смотри – кальмар. Берешь в рот, жуешь, запиваешь пивом.

Илья послушно сунул в рот сухую белую полоску, начал жевать. Соленое и безвкусное. Но с пивом нормально. Решил снова вернуться к теме балета и задал вопрос:

– А ты можешь… три акта? Подряд? Или с антрактом?

Слушай, мы про балет говорим или нет?

Пивом теперь Ваня не просто подавился – такое ощущение, что он им чихнул. Несколько капель долетело и до Модеста Ильича. А Ваня Тобольцев уже хохотал, запрокинув чубатую голову.

– Я все могу! – он все еще шумно дышал. – Главное – без оркестра.

– Ты что! Оркестр очень помогает! Если с дирижером контакт есть. – И тут Илья снова залпом выпил то, что оставалось в кружке, и вдруг… вдруг все же рассмеялся. – Ну ты о другом, я понимаю. В этом деле оркестр лишний.

Хотя знал об этом Илья лишь теоретически. Если мы, конечно, говорим все еще о балете и о музыке. Ваня напротив подпер голову ладонью и неожиданно после приступа смеха серьезно смотрел на Илью.

– Откуда ты такой взялся, Илья Королёв? У тебя под носом такая девчонка была – бери и устраивай какой хочешь балет. Я бы точно не упустил. Ты знаешь кто? Ты лох!

Под эти слова Иван открыл кто бы знал какую по счету бутылку. А Илье на сказанное ответить нечего. Ваня прав, сто процентов прав.

– Даже не буду с тобой спорить. Я лох. У Элины есть бойфренд, итальянский тенор. Но лох я не поэтому, – Илья поднял руки вверх и потянулся. И вдруг понял, что страшно проголодался. Не мог вспомнить, что и когда в последний раз ел. Кальмары не в счет. – Где там твоя корюшка?

– И чего, крутой тенор? – Ваня сунул ему под нос тарелку с рыбой. – Ладно, не расстраивайся, я тебя с такими девчонками познакомлю, забудешь свою Элину.

– Да-да… – А вот корюшка оказалась вкусной. А еще Илья почувствовал, что соображать и даже сохранять вертикальное положение стало вдруг очень непросто. Он сполз немного вниз

по сиденью и лег затылком на спинку дивана. И пробормотал слегка непослушным языком: – С сестрой, например. Она у тебя очень красивая.

– Танька-то? – Ваня хохотнул. – Танька да, красивая, но не завидую тому, кто решит с ней связаться. Покладистой ее не назовешь никак.

На какое-то время наступила тишина. Мысли Ильи медленно, как вращение планет, крутились вокруг девочки с глазами-звездочками. Как ты можешь такое говорить, Ваня? Я бы вот связался. С удовольствием и накрепко. Так ведь не подпускают. На выстрел этих убийственных глаз не подпускают. Господи, какая же чушь в голову лезет…

– Слушай, а можно сыграть?

Илья моргнул и сел ровнее. Оказалось, Ваня сидит рядом, на диване. И смотрит на него практически с той же детской надеждой, что и на экзамене. Не трогай мой рояль! Это же сам Илья орал когда-то? Было бы из-за чего. Не убудет с Модеста Ильича.

– Только не Лунную сонату, – он снова лег на спинку дивана затылком. Но полежать ему не дали. Спустя пару секунд раздался… забористый канкан!

Дальнейший вечер отложился в памяти Ильи смутно. Они еще пили пиво и ели корюшку – почему-то уже на полу, привалившись к дивану. Чокались чашками с ножкой рояля. Смеялись. Ваня что-то рассказывал – кажется, про девушек. Потом пели, обнявшись. Пели! Что-то оптимистичное, но Илья не помнил – что. Самое удивительное, что он откуда-то знал слова. А последнее, что помнил, – как Ваня укрывает его пледом. А после он заснул. И спал без сновидений.

Утром обнаружились несколько удивительных вещей.

Умеренная тупая головная боль – это раз.

Рыбные ошметки на крышке рояля – это два.

Запасной комплект от квартиры там же – это три.

Убранная в шкаф под раковиной, подальше с глаз, посуда и подстилки Сатурна – это четыре.

А пять – в телефоне обнаружилось сообщение от Вани.

Иня: Крепкий кофе, свежевыжатый лимонный сок и купи себе, наконец, алкозельцер. Модесту Ильичу привет! Теперь думаю, как назвать свою гитару Эрик Клэптон? Би Би Кинг? Твои варианты?

Глава 7

Два отличника – это скучно.
Таня Тобольцева (ТТ)

Он всегда любил быть за рулем сам. Дорога и управление расслабляли, заставляя переключаться мозг.

В последнее время такое случалось редко. Личный водитель прочно вошел в жизнь, что несказанно радовало жену. Илья Юльевич всячески ворчал и выказывал недовольство, но в душе признавался, что не так уж она не права. Вслух признаться он, естественно, не мог.

В этот день от водителя Королёв-старший решил отказаться и доехать до работы сам. Дороги по меркам столицы были свободными, день стоял ясный, осень радовала золотой порой.

Илье Юльевичу хотелось самому проехаться по городу и в одиночестве подумать. Думалось ему тоже лучше за рулем.

В их небольшой семье стало на одного обитателя меньше. Ухода Сатурна ждали. Собака прожила на несколько лет больше отпущенного ей среднестатистического срока. Все всё умом понимали, но сердцем…

Уход собаки – не просто болезненная потеря. Это потеря единственного друга Юни.

Майя что-то говорила про нового знакомого сына, но сколько знакомств перерастают в настоящую дружбу и сколько дружб выдерживают проверку временем? Сколько друзей у самого Ильи Юльевича Королёва? Особенно когда ты годами успешен. Недоброжелателей, завистников, льстецов – этих не пересчитать. Если брать бизнес и мужскую дружбу – это давний партнер Сургут. Многолетние честные надежные отношения. Сколько раз помогали друг другу. А так… главным другом в его жизни была Май.

И Май ходила молчаливая. Переживала за сына. Носила в себе, думая, как Юня перенесет свое одиночество, задумчиво стояла у рояля дома, порой открывала крышку и нажимала на клавиши.

Когда твой единственный ребенок – гений, он рано сталкивается с пониманием того, что его мир сильно отличается от мира окружающих. Найти общий язык с большинством трудно, а недоброжелателей, завистников и льстецов… с этим его ребенок столкнулся тоже слишком рано.

До работы оставалось совсем немного, когда ощутимо закололо в груди. А потом и вовсе перестало хватать воздуха. Илья затормозил у обочины и открыл окно. Как не вовремя. В такой хороший день. Откинулся головой на сиденье и стал медленно дышать. Сейчас все пройдет… сейчас все будет хорошо… лекарства забыл дома.

Воздуха через открытое окно не хватало, и он вышел из машины, остановился со стороны тротуара, опершись руками о боковое стекло.

Так лучше… гораздо… сейчас…

– С вами все в порядке? – послышался молодой голос за спиной.

– Да, – ответил Илья, не оборачиваясь.

Дышать… неторопливо… один… два… три…

– Давайте я вызову врача.

Он отрицательно покачал головой.

– Позвоню родственникам? Жене?

– Нет, – вдох… выдох… – жене точно не надо.

Жене вообще нельзя, она устроит Курскую дугу по поводу отсутствия водителя и забытых лекарств, и еще неизвестно, кто из этого сражения выйдет победителем.

– Сейчас все будет хорошо, – Илья Юльевич повернул голову, и Таня Тобольцева узнала его.

Еще три месяца назад она даже не подозревала о существовании этого человека, а сейчас смотрела и не верила своим глазам.

Его лицо она видела в сети рядом с другим, тем самым, про которое теперь знала все.

«Победитель конкурса Чайковского вместе с родителями».

«Гениальный исполнитель Рахманинова благодарен родителям за поддержку».

«Отец юного дарования – известный бизнесмен Илья Юльевич Королёв».

Некоторое время Таня стояла, застыв.

А мужчина снова отвернулся и почти привалился плечом.

Человеку плохо, и Таня абсолютно точно не может его оставить.

– Ладно, – сказала она, глянув часы.

До эфира время еще оставалось, правда, совсем впритирку. Таня осмотрелась, вдали был ларек, а за ним виднелся зеленый крест.

– Что купить в аптеке?

Он пробормотал невнятно. Пришлось подойти ближе и попросить повторить.

– Стойте здесь, я сейчас.

Таня побежала. В аптеке народу не было, поэтому лекарства она купила быстро, там же и воду захватила. Когда добралась обратно, мужчина был уже в машине.

Таня без церемоний открыла переднюю пассажирскую дверь и устроилась рядом.

– Вот, берите.

Он внимательно на нее посмотрел и вдруг улыбнулся. Хотя Таня готова была поспорить, что ничего в лице не изменилось, разве что слегка приподнялись уголки губ.

– Совсем как моя жена, – сказал он.

– Значит, вам повезло.

– Да, – согласился он, выпил лекарство, откинулся затылком на подголовник кресла и закрыл глаза.

– Не всем так везет, – вздохнула Таня. – Моим родителям тоже очень повезло.

– И тебе повезет.

– Не уверена.

– У тебя еще все впереди. В жизни будет много разных встреч.

– Знаете, бывают такие встречи, про которые ты не понимаешь, что это та самая. Потом проходит время, настает осознание, а все – слишком поздно.

Он сидел с закрытыми глазами, и Таня, пользуясь моментом, внимательно разглядывала отца человека… какого? Странного? Талантливого? Саркастичного? Какого?

Важного. Важного для нее человека.

Было очень необычно сидеть сейчас в этой машине и говорить с отцом о сыне. И отец даже ни о чем не догадывался.

– Бывает и так, – согласился он. – А бывает, что только кажется, что поздно. Или, может, это вообще не он, не тот самый.

Мужчина открыл глаза и вставил ключ зажигания.

– Спасибо. Тебя куда подвезти?

– Э-э-э… нет. Вам сейчас за руль нельзя. Давайте меняться местами. Я вас подвезу, куда вам надо, и отправлюсь дальше.

Таня опаздывала на эфир и прекрасно знала об этом, но знала она также и то, что не сможет оставить своего собеседника.

Он ответил не сразу. Заявление было весьма наглым, и Таня это понимала. Готовилась к тому, что ее попросят выйти. Однако через некоторое время услышала:

– Ладно.

Наверное, ему и правда было не очень хорошо.

Они поменялись местами.

– Если честно, – призналась Таня, поворачивая ключ, – я на таких ни разу не ездила, но сейчас попробую…

А если уж совсем честно, она после получения прав вообще всего пару раз садилась за руль автомобиля, но говорить об этом вслух не стала.

– Куда направляемся?

– Москва-Сити.

Точно. Офис его компании там.

Машина аккуратно вырулила на дорогу и встроилась в общий ряд.

– У моего сына умерла собака, – вдруг сказал он.

И сам не понял, зачем сказал. Наверное, потому, что все всегда привык держать в себе. А с незнакомым человеком часто легче говорить о волнующем. Вот она сейчас довезет, выйдет из машины, и они больше никогда не встретятся.

Девушка крепче сжала руль.

– Это потеря, – тихо произнесла она.

– Да. Собака сопровождала его всю жизнь. С пяти лет.

Больше он не сказал ничего. И она молчала. Говорить было не о чем.

Через пять минут «мерседес» припарковался у офиса.

– Вы на месте.

– Спасибо. Я должен за лекарства и воду.

– Нет, вы ничего не должны.

– Тогда возьмите мой телефон, – он протянул визитку. – Жизнь такая штука… может пригодиться.

Она взяла.

А потом звонила Женечке и умоляла прикрыть. Эфир через пять минут, она не на месте, мотоцикл утром сдала в ремонт и надо бежать в метро.

Женечка ругался. У него был хороший день в плане речи, но что, если вдруг случится сбой?

– Поставишь два трека подряд, потом рекламу, – кричала в телефон Таня, спускаясь в метро. – Выручай!

Он вышел в эфир без Тани, а она ехала в метро и думала о собаке и о том, какая это боль – потерять существо, которое знал и любил всю свою жизнь. Потому что человек раньше пяти лет редко себя помнит. Таня забыла про балерину, про ревность, про провальное интервью.

Она просто представила Илью и небо, выложенное в инстаграме, и музыку, а в голове звучали слова: «У моего сына умерла собака».

В студию Таня влетела во время песни, которая в последнее время занимала верхние строчки хит-парадов. Легкая, танцевальная, но совершенно без смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.